

Том 10, № 5, 2020

ISSN 2226-7867 (Print)
ISSN 2629-1482 (Online)

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания — 6 номеров в год

Publication frequency — 6 issues per year

Учредитель: «Финансовый университет»

Founder: "Financial University"

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue "The Press of Russia"

Vol. 10, No. 5, 2020

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO
UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES.
BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ
БИБЛИОТЕКА
LIBRARY.RU

elpub.

RePEc

ROAR

СОЦИОНЕТ

EBSCOhost

Google Scholar

OCLC

WorldCat®

ВЫСШАЯ
АТТЕСТАЦИОННАЯ КОМИССИЯ (ВАК)
при Министерстве образования и науки Российской Федерации

ВАК

CYBERLENINKA

DOAJ DIRECTORY OF
OPEN ACCESS
JOURNALS

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель редсовета – **М.А. Эскиндаров**, доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета, академик Российской академии образования;

С.В. Алексеев, доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель»;

А.Н. Аригин, доктор политических наук, директор Института федерализма и гражданского общества, депутат Государственной Думы Федерального собрания РФ первого (1993–1995) и второго (1995–1999) созывов;

А.И. Ильинский, доктор технических наук, профессор, научный руководитель факультета международных экономических отношений Финансового университета;

Ф.А. Лукьянов, председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике»;

И.Ю. Новицкий, депутат Московской городской Думы (1993–2014), заведующий кафедрой государственного и муниципального управления Международного университета в Москве;

А.В. Островский, доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН);

В.В. Фёдоров, кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), научный руководитель факультета социологии и политологии Финансового университета;

В.Г. Федотова, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Института философии РАН;

В.Ф. Шрейдер, доктор политических наук, депутат Государственной Думы VI созыва от «Единой России», член комитета ГД по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления, член-корреспондент Международной академии общественных наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор – **А.Б. Шатилов**, кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

Заместитель главного редактора – **А.Г. Тюриков**, доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии Финансового университета;
Заместитель главного редактора – **Я.А. Пляйс**, доктор исторических наук, доктор политических наук, профессор-исследователь Департамента политологии Финансового университета;

С.Ю. Белоконов, кандидат политических наук, доцент, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета;

А.Н. Зубец, доктор экономических наук, директор Института социально-экономических исследований Финансового университета;

В.В. Кафтан, доктор философских наук, профессор Департамента массовых коммуникаций и медиабизнеса Финансового университета;

В.А. Лапшов, доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Московского государственного лингвистического университета;

Д.З. Музашвили, кандидат философских наук, заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе Финансового университета;

А.В. Пачкалов, кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук Финансового университета;

Д.В. Петросянец, кандидат экономических наук, старший научный сотрудник Центра макроэкономических исследований Финансового университета;

М.В. Полевая, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала; главный научный сотрудник Центра исследований экономического поведения личности Финансового университета;

С.В. Распоргуев, доктор политических наук, профессор Департамента политологии Финансового университета;

Г.Г. Силласте, доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии Финансового университета;

К.В. Симонов, кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии Финансового университета;

А.А. Трошин, кандидат философских наук, заместитель декана по магистратуре и профориентационной деятельности Факультета социологии и политологии Финансового университета

МЕЖДУНАРОДНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Д. Байчунь, доктор наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений (Китай);

Н.М. Долгополов, заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций (Россия);

Т.М. Кальво Мартинес, доктор наук, профессор, директор Парижского международного института философии (Испания);
Р. Крумм, руководитель московского филиала Фонда имени Фридриха Эберта (Россия);

В. Макбрайд, доктор наук, профессор, президент Международной федерации философских обществ (США);

И. Мамед-заде, доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана (Азербайджан);

К. Мацузато, доктор права, профессор, Токийский университет (Япония);

А.Н. Нысанбаев, доктор философских наук, профессор, академик Академии наук Казахстана, научный руководитель Института философии Академии наук Казахстана (Казахстан);

Ж.-Л. Трюэль, доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12 (Франция);

К. Уилкокс, доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун (США);

Цуй Чжэнь, кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета (КНР)

EDITORIAL BOARD

Chairman of the Editorial Council — **M.A. Eskindarov**,

Doctor of Economics, Professor, Rector of the Financial University,
Academician of the Russian Academy of Education;

S.V. Alekseev, Doctor of History, Professor, Department
of History and Historical Archive Science of Moscow State Institute
of Culture; Chairman of Historical and Educational Society
“The Guardian”;

A.N. Arinin, Doctor of Political Sciences, Director of the Institute
of Federalism and Civil Society, Deputy of the State Duma
of the First (1993–1995) and Second (1995–1999) Convocations;

A.I. Ilinskij, Doctor of Engineering, Professor, Scientific Chairman
of the Faculty of International Economic Relations, Financial
University;

F.A. Lukyanov, Chairman of the Presidium of the Foreign and
Defense Policy Council (SWAP), Editor-in-chief of the journal “Russia
in Global Affairs”;

I.Y. Novitsky, Deputy of the Moscow City Duma (1993–2014), Head
of the Department of State and Municipal Administration of the
International University in Moscow;

A.V. Ostrovsky, Doctor of Economics, Professor, Deputy Director
of the Institute of the Far East, Russian Academy of Science;

V.V. Fedorov, Cand. Sci. of Political Science, Director General of the
All-Russian Public Opinion Research Center (VTSIOM), Scientific
Chairman of the Faculty “Sociology and Political Sciences”, Financial
University;

V.G. Fedotova, Doctor of Philosophy, Professor, Chief Researcher
at the Institute of Philosophy of the Russian Academy of Science;

V.F. Schreider, Doctor of Political Sciences, Deputy of the State Duma
of the VI Convocation from the “United Russia”, member of the State
Duma Committee on the Federal Structure and Local Government,
Corresponding-member of the International Academy of Social
Science

EDITORIAL COUNCIL

Editor-in-Chief — **A.B. Shatilov**,

Cand. Sci. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social
Sciences and Mass Communications, Financial University;

Deputy Editor — **A.G. Tjurikov**, Doctor of Sociology, Head of Department
of Sociology, Financial University;

Deputy Editor — **Y.A. Pleis**, Doctor of History, Doctor of Political Sciences,
Research Professor at the Department of Political Sciences, Financial
University;

S. Yu. Belokonev, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Scientific Chairman of the Faculty of Social Sciences and Mass
Communications, Financial University;

A.N. Zubets, Doctor of Economics, Director of the Institute of Socio-
economic Research, Financial University;

V.V. Kaftan, Doctor of Philosophy, Professor, Department of Mass
Communications and Media Business, Financial University;

V.A. Lapshov, Doctor of Social Sciences, Professor, Head of Department
of Sociology at Moscow State Linguistic University;

D.Z. Muzashvili, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean of the Faculty
of Social Sciences and Mass Communications for research work,
Financial University;

A.V. Pachkalov, Cand. Sci. of History, Associate Professor, Department
of Humanitarian Sciences, Financial University;

D.V. Petrosyants, Cand. Sci. of Economics, Senior Researcher of the Center
for Macroeconomic Research, Financial University, Moscow, Russia;

M.V. Polevaya, Head of the Department of Psychology and Human
Capital Development; Chief Researcher at the Center for Research
on the Economic Behavior of the Personality of the Financial University;

S.V. Rastorguev, Doctor of Political Sciences, Professor, Department
of Political Sciences, Financial University;

G.G. Sillaste, Doctor of Philosophy, Scientific Chairwoman of Department
of Sociology, Financial University;

K.V. Simonov, Cand. Sci. of Political Sciences, Professor,
Head of Department of Political Science, Financial University;

A.A. Troshin, Cand. Sci. of Philosophy, Deputy Dean for master's degree
and career guidance of the “Sociology and Political Sciences” Faculty,
Financial University

EDITORIAL COUNCIL

D. Baychun, Doctor, Professor, Beijing Pedagogical University, Director
of the Cultural Center of the Sino-Russian Relations (China);

N.M. Dolgoplov, Deputy Editor of the “Russian Newspaper”, a member
of the Union of Journalists of Russia, a member of the Union of Writers
of Moscow and of the Interregional Union of Writers' Organizations (Russia);

T.M. Calvo Martinez, Doctor of Philosophy, Professor of Greek Philosophy
at the Universidad Complutense (Madrid, Spain); Director of the
International Institute of Philosophy in Paris (Spain);

R. Krumm, Director of the Moscow branch of the Friedrich Ebert
Foundation (Russia);

W. McBride, Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy
at Purdue University, Honorary President of the International Federation
of Philosophical Societies (USA);

I. Mamed-Zadeh, Doctor of Philosophy, Professor, Director of the Institute
of Philosophy, Sociology and Law, National Academy of Sciences
of Azerbaijan (Azerbaijan);

K. Matsuzato, Doctor of Law, Department of Law
and Politics, University of Tokyo (Japan);

A.N. Nysanbaev, Doctor, Professor, Full member
of the Academy of Sciences of Kazakhstan, Scientific Director
of Institute of Philosophy, Academy of Sciences
of Kazakhstan (Kazakhstan);

J.-L. Truel, Doctor of Economics, Associate Professor
at Université Paris-Est Créteil, Managing director
of International Business Development, Vice-President
of the Association of Economists “Le Cercle Kondratieff”;

C. Wilcox, Doctor of Political Sciences, Professor,
Department of Government, Georgetown University,
Washington, D.C. U.S.;

Cui Zheng, Cand. Sci. of Political Sciences, Associate Professor,
Deputy Director of Research Centre for the Economies and Politics
of Transitional Countries, Liaoning University (China)

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: РОССИЯ В СИСТЕМЕ СОВРЕМЕННЫХ МЕЖДУНАРОДНЫХ ВЗАИМОСВЯЗЕЙ

<i>Мирзаян Г.В.</i> Политические жертвы коронавируса: влияние эпидемии на шансы Трампа выиграть президентские выборы в США	6
<i>Чепель С.Л.</i> Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы	13
<i>Рошманов В.П.</i> Этические взгляды Китая в отношении концепции Шелкового пути и нового мирового порядка.	23
<i>Осинина Д.Д.</i> Проблема соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти в современном Казахстане	29
<i>Данилова Е.А., Артамонов Т.Ю.</i> Общественная дипломатия как инструмент международного позиционирования: сравнительный анализ политических практик Великобритании и России	35

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Алексеев М.Ю.</i> Экономические реформы в СССР в 80–90-х годах XX века: попытка переосмысления главных моментов и построения основной сюжетной линии	43
<i>Ядгаров Я.С.</i> Концептуальное видение устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы в творческом наследии Шарля Фурье.	62
<i>Тюриков А.Г., Дягилев В.В., Лаптиева Т.В.</i> Представления об эффективности межкультурной коммуникации в современной российской науке	71
<i>Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В.</i> Теневое академическое предпринимательство в России: анализ трудовых практик и жизненных стратегий	79

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Александрова О.А.</i> Работодатели и инвалиды на столичном рынке труда: вопросы эффективного взаимодействия	86
<i>Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Донцова О.И.</i> Поддержка промышленности и бизнеса в России в период пандемии COVID-19	92
<i>Толмачёва И.В.</i> Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах	100
<i>Воропаева М.А.</i> Виртуализация образа парламентского института как фактор улучшения восприятия Государственной Думы Российской Федерации	110
<i>Парвен Ш.</i> Проблема интеграции бангладешских рабочих-эмигрантов в Италию: что превращает мигранта в предпринимателя	116

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Кравченко И.В.</i> ООН и региональные игроки в ливийском кризисе на современном этапе.	124
<i>Однобоков М.В.</i> Репрезентация образа и истории белого движения в российской политике памяти 2010-х годов	129
<i>Петрова Ю.С., Жижанкова П.Д.</i> Формирование ключевых компетенций социолога в эпоху цифровой экономики.	134

CONTENTS

COVER STORY: RUSSIA IN THE SYSTEM OF CURRENT

INTERNATIONAL INTERRELATIONS

- Mirzayan G.V.** Political Victims of the Coronavirus: The Impact of the Epidemic on Trump's Chances of Winning the U.S. Presidential Election 6
- Chepel S.L.** Electoral Volatility and Stability of Party Systems in Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe 13
- Roshmanov V.P.** Great Moralists: China's Ethical Views on the Silk Road and World Order 23
- Osinina D.D.** The Interrelation between Formal and Informal Mechanisms of the Exercise of Power in Modern Kazakhstan 29
- Danilova E.A., Artamonov T.Yu.** Public Diplomacy as an Instrument of International Positioning: A Comparative Analysis of the Political Practices of Great Britain and Russia 35

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLEDGE

- Alekseev M. Yu.** Economic Reforms in the USSR in the 80s–90s of the XX Century: An Attempt to Rethink the Main Points and Build the Main Storyline 43
- Yadgarov Ya.S.** Conceptual Vision of Sustainable and Crisis-Free Development of the Socio-Economic System in the Creative Legacy of Charles Fourier 62
- Tyurikov A.G., Diaghilev V.V., Laptieva T.V.** Reasoning about the Effectiveness of Cross-Cultural Communication in Modern Russian Science 71
- Yurasov I.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V.** Shadow Academic Entrepreneurship in Russia: Analysis of Labour Practices and Life Strategies 79

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Aleksandrova O.A.** Employers and Disabled People in the Moscow Labour Market: Questions of Effective Interaction 86
- Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S., Dontsova O.I.** Support for Industry and Business in Russia During the COVID-19 Pandemic 92
- Tolmacheva I.V.** Analysis of the Effectiveness of Subjects of the Legislative Power of the Russian Federation in 2016–2019 100
- Voropaeva M.A.** Virtualization of the Image of a Parliamentary Institution as a Factor in Improving the Perception of the State Duma of the Russian Federation 110
- Parven Sh.** Integration of Bangladeshi Emigrant Workers in Italy: What Turns a Migrant into an Entrepreneur 116

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Kravchenko I.V.** The UN and Regional Actors in the Libyan Crisis at Present 124
- Odnobokov M.V.** Representation of the Image and History of the White Movement in Russian Politics of Memory of the 2010s 129
- Petrova Yu.S., Zhizhankova P.D.** Formation of Key Competencies of Sociologist in the Epoch of a Digital Economy 134

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 10, № 5 (47), 2020

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректоры – **С.Ф. Михайлова,**
Е.В. Маурин
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 943-98-02**
E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 943-94-31,**
e-mail: MMKorigova@fa.ru;
Коригова М.М.

Подписано в печать 27.10.2020

Формат 60 x 84 1/8.

Объем 16,56 усл.п. л.

Заказ № 590

Отпечатано в Отделе
полиграфии

Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)

© Финансовый университет

Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**

Head of Scientific Journals

Editorial Department –

V.A. Shadrin

Managing editor –

Yu.M. Anyutina

Proofreaders – **S.F. Mihaylova,**

E.V. Maurina

Design, make up – **S.M. Vetrov**

Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:

53, Leningradsky prospekt, office 5.6

Moscow, 125993

tel.: **+7 (499) 943-98-02**

E-mail: julia.an@mail.ru

<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office

tel.: **+7 (499) 943-94-31**

e-mail: MMKorigova@fa.ru

Signed for press on 27.10.2020

Format 60 x 84 1/8.

Size 16,56 printer sheets.

Order № 590

Printed by Publishing House

of the Financial University

(51, Leningradsky prospekt)

© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-6-12

УДК 32(045)

Политические жертвы коронавируса: влияние эпидемии на шансы Трампа выиграть президентские выборы в США

Г.В. Мирзаян

Финансовый университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

АННОТАЦИЯ

Эпидемия коронавируса стала «черным лебедем» 2020 г. и оказала серьезное влияние на все мировые процессы. В том числе и на главный политический процесс 2020 г. – президентские выборы в США. Если до эпидемии победа Дональда Трампа была наиболее вероятной, то сейчас коронавирус и его последствия сделали этот сценарий маловероятным. И дело не в том, что Трамп допустил слишком много ошибок – скорее наоборот, президент хотя бы пытался демонстрировать лидерство и стратегическое мышление. Наконец, его линия поведения в ходе эпидемии в психологическом плане была куда правильнее, чем та, которую демонстрировали демократы. Дело в том, что коронавирус обнажил целую серию проблем американской экономики и общества, вина за которые почему-то стала возлагаться на Дональда Трампа.

Ключевые слова: Дональд Трамп; коронавирус; Китай; Джо Байден; США

Для цитирования: Мирзаян Г.В. Политические жертвы коронавируса: влияние эпидемии на шансы Трампа выиграть президентские выборы в США. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-6-12

ORIGINAL PAPER

Political Victims of the Coronavirus: The Impact of the Epidemic on Trump's Chances of Winning the U.S. Presidential Election

G.V. Mirzayan

Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-4833-0220>

ABSTRACT

The coronavirus epidemic turned out to be the most important “black swan” in 2020. It had a severe impact on all processes in the world, including the main political event of 2020 – the presidential elections in the United States. Before the epidemic, Donald Trump's victory was the most likely outcome, but now the coronavirus and its consequences have made this scenario highly unlikely. And it is not because of Donald Trump's many mistakes. Instead, on the contrary, the president at least tried to demonstrate leadership and strategic thinking in that difficult times, and his behaviour during the epidemic was psychologically much more correct than the one shown by the Democrats. The fact is that the coronavirus has exposed a whole series of problems in the American economy and society, for which, for some reason, people began to blame Donald Trump.

Keywords: Donald Trump; coronavirus; China; Joe Biden; USA

For citation: Mirzayan G.V. Political victims of the coronavirus: the impact of the epidemic on Trump's chances of winning the U.S. presidential election. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-6-12

ВВЕДЕНИЕ

«Коронавирус убил Дональда Трампа». Именно эта фраза — в различных ее итерациях — регулярно встречается в западных СМИ и аналитических статьях. Еще в конце прошлого года шансы нынешнего президента США переизбраться были весьма высоки. В лагере демократов царил хаос, их партия была заражена левыми идеями, которыми сложно привлечь нейтральных избирателей. С другой стороны, Трамп — при всей своей неоднозначности — мог похвастать серьезнейшими экономическими успехами, являющимися для американского электората главным мерилом эффективности действующей власти.

Эпидемия коронавируса не просто свела на нет все эти успехи и ликвидировала столпы предвыборной кампании Дональда Трампа. Демократы использовали эпидемию для дискредитации действующего президента. Встроили ее в собственную предвыборную кампанию как доказательство некомпетентности Трампа, его неспособности управлять страной и выводить ее из кризисов (хотя, справедливости ради, в распространении коронавируса в США виноват не столько президент, сколько особенности американской системы здравоохранения). Попытки хозяина Белого дома перевести вину на внешние силы — тот же Китай, по сдерживанию которого в США есть bipartisan консенсус — особого успеха не дали. И сейчас Дональд Трамп пробует использовать собственное заражение коронавирусом в свою пользу. Насколько эта попытка будет успешна, станет понятно в ноябре — после подсчета голосов.

РАСПЛАТА ЗА МЕДИЦИНУ

На сегодняшний день США являются страной с наибольшим количеством заболевших коронавирусом людей — почти 8 млн чел. (более 20% от всех зараженных в мире). 218 тыс. человек умерли, что опять же составляет около 20% всех потерь (<https://coronavirus-monitor.ru/>).

Почему так произошло? Почему самая развитая экономика мира больше всего пострадала от коронавируса? Демократы винят в этих печальных рекордах Дональда Трампа. Так, соперник Трампа на выборах, кандидат от демократов Джозеф Байден, говорил о том, что «Трамп не несет ответственность за коронавирус — но он в ответе за то, как мы реагируем на эту угрозу» [1]. И доля истины в этих обвинениях есть.

Власти действительно проморгали эпидемию на первоначальном этапе. В то время как китай-

ские власти жестко противостояли вирусу, а южнокорейцы, японцы, сингапурцы и тайваньцы (те, кто в итоге смогли ограничить распространение эпидемии) готовились к худшему, США, по мнению The New York Times, «жили обычной жизнью — интересовались импичментом Трампа, делом Харви Вайнштейна, Брекзитом и Оскарами» [2]. Причем интересовались не только простые люди, но и ответственные чиновники. В администрации США (внутри Совбеза) был человек, который отвечал за координацию действий властей на случай пандемии — адмирал Тимоти Зимер. Однако он ушел со своего поста в мае 2018 г., а его команда была распущена тогдашним советником по нацбезопасности Джоном Болтоном — тем самым, который выпускает мемуары, где рассказывает об ошибках Трампа на посту президента [3]. На место Зимера никого не назначили.

Также власти не организовали быстрое и массовое тестирование (чтобы понять масштаб эпидемии). По мнению директора Национального института по изучению аллергии и инфекционных заболеваний Энтони Фаучи, виноваты «технические сложности» при производстве тестов [4]. Однако это не совсем так. Да, в предложенных Центром по профилактике и контролю заболеваний (ЦКЗ — государственное агентство в рамках Минздрава, занимающееся эпидемиями) тестах один из компонентов оказался бракованным [5]. При этом, когда начали появляться тесты от частных компаний, возникла другая проблема со стороны Центра по контролю над заболеваниями (ЦКЗ) — задержка с их сертифицированием [6]. Наконец, первоначальные инструкции ЦКЗ предписывали тестировать только тех, кто вернулся из-за рубежа или общался с человеком, чья зараженность доказана [7]. В результате, по состоянию на 1 марта 2020 г., в Южной Корее было сделано почти 110 тыс. тестов, в Италии — 23 тыс., в Великобритании — 13 тыс., а в США — 472 (<https://www.worldometers.info/coronavirus/covid-19-testing/>). Напомним, к этому моменту в США от коронавируса уже начали умирать. Если же брать в пересчете на душу населения, то даже к концу первой декады марта в США делали 23 теста на 1 млн жителей (для сравнения, в Великобритании — 327, на Тайване — 615, а в Южной Корее более 3,5 тыс.) [8]. Однако когда в США создали достаточное количество тестов и начали тестировать широкие массы, кривая поползла вверх. И власти неожиданно поняли, что их самой мощной экономике банально не хватает оборудования и медицинских средств

для борьбы с эпидемией. Не было достаточного количества ИВЛ [9] и даже масок с халатами (значительная часть защитного оборудования для врачей покупалась в Китае). Дошло до того, что главный хирург США Джером Адамс обратился с призывом к населению «прекратить покупать маски», поскольку «они неэффективны в деле защиты населения от коронавируса, однако, если врачи, которые ухаживают за больными людьми, не смогут достать маски, то они — а также районы, которые они обслуживают, — окажутся под угрозой» (https://twitter.com/Surgeon_General/status/1233725785283932160?). А сам Трамп вынужден был ввести в действие закон о производстве оборонной продукции 1950 г. (позволяющий принуждать компании к производству нужных властям товаров) и уже обязал компанию General Motors срочно производить ИВЛ.

Однако проблема была не только в безалаберности властей, но и в структурных особенностях американской системы здравоохранения. В каких-то моментах она не то что не помогала, а мешала бороться с болезнью.

Как известно, в США нет универсальной бесплатной медицины — часть населения лечится бесплатно по программам государства (для пожилых и самых бедных), а другая часть — по страховке, которую они покупают сами или получают от работодателя. Третья же не в состоянии купить страховку или не хочет это делать.

В последнюю категорию по состоянию на 2018 г. входило 27 млн американцев (8,5% населения). И поскольку медицина в США очень дорогая (причин тому множество — монополизм американских фармацевтов, включенные в счета расходы больниц на адвокатов и т.п.), то 28% от всех незастрахованных в возрасте от 18 до 65 лет «с трудом» оплачивали медицинские счета [10]. Однако платить приходилось и тем, у кого вроде как была страховка. Если человек посетил врача, то ему может прийти «счет-сюрприз» в том случае, если часть стоимости его визита не входит в страховое покрытие. Например, каждый пятый человек, которого увозит «скорая», получает такой счет. В среднем он составляет порядка 600 долл. [11], но может достигать и сотен тысяч долларов. В итоге от четверти до половины всех банкротств физлиц в США происходили потому, что люди не могли оплачивать медицинские счета, а почти половина опрошенных американцев «боялась» или «очень боялась» того, что незапланированные расходы на медицинское обслуживание приведут

к банкротству (<https://news.gallup.com/poll/248123/westhealth-gallup-us-healthcare-cost-crisis.aspx>). Поэтому около половины американцев, нуждающихся в медицинской помощи, либо откладывали ее на потом, либо вообще не шли к врачу, либо предпочитали лечиться дома самостоятельно с помощью лекарств, которые продают без рецепта [12]. Собственно, когда у них проявлялись симптомы коронавируса, они надеялись, что это простое ОРВИ и предпочитали лечиться дома.

В итоге кривая больных резко выросла, и на повестке дня встал вопрос о карантине. Дональд Трамп был противником этой идеи, а когда карантинные мероприятия все-таки ввели, президент регулярно выступал за скорейшую отмену ограничительных мер. Не потому, что он не ценил жизни простых американцев — как раз наоборот. Трамп понимал, что из-за особенностей американской системы здравоохранения и рынка труда закрытие экономики приведет к еще большим жертвам, чем сохранение ее открытой.

Дело в том, что у большинства американцев нет значительных сбережений. Увольнение или отпуска по болезни (а почти четверть рабочих не может оформить себе оплачиваемый больничный — только за свой счет) [13] приводят к потере дохода, просрочкам по ипотеке, а также невозможности оплатить медицинские счета. В результате из-за той же безработицы и личных банкротств людей умрет больше, чем от коронавируса. По некоторым весьма усредненным подсчетам, рост безработицы на 1% приводит к одному дополнительному самоубийству на 100 тыс. населения. Еще больше умрет от негативных последствий. По другим подсчетам, увеличение безработицы на тот самый 1% приводит к росту смертей от передозировки опиоидами на 3% [14]. И это не учитывая тот факт, что американцам надо лечиться не только от коронавируса! В стране 30 млн человек с сердечно-сосудистыми заболеваниями, 34 млн диабетиков и 35 млн — с легочными заболеваниями. Потеря страховки может для многих означать прекращение лечения текущих хронических заболеваний — с летальным исходом.

ИЩЕМ ВИНОВАТОГО

Действия президента не нашли понимания внутри страны. Поэтому Белый дом пытается возложить вину за эпидемию и десятки тысяч погибших американцев на внешних игроков — Китай и его якобы марионетку в лице Всемирной Организации Здравоохранения: будто они

скрывали данные об эпидемии, из-за чего весь мир и стал ее жертвой.

Еще в апреле президент приостановил финансирование Всемирной Организации Здравоохранения «до проведения расследования» относительно роли этой организации в распространении эпидемии коронавируса. А 18 мая он в официальном письме уведомил главу ВОЗ Тедроса Гебрейесуса о результатах этого расследования (<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1262577580718395393>), которые, якобы, подтверждают его раннее высказывание о том, что ВОЗ является «марионеткой Китая — ну или, если сказать мягче, китаеццентрична» [15].

Американцы, по его словам, выяснили, что Организация постоянно игнорировала «надежные» данные об эпидемии в Ухане и принимала во внимание лишь те показатели, которые не противоречили официальной позиции КНР. Более того, ВОЗ «вероятно, по политическим причинам» не поделилась с миром переданными ей в конце декабря Тайванем данными о том, что новый вирус передается от человека к человеку. ВОЗ якобы не защищала и не поддерживала китайских врачей, которые в обход китайского правительства пытались рассказать миру о пандемии, а вместо этого восхваляла действия Пекина по борьбе с коронавирусом. Не сумела заставить Китай принять свою независимую комиссию для расследования ситуации с коронавирусом в Ухане вплоть до середины февраля и вплоть до сегодняшнего дня якобы покрывает сокрытие Китаем важных данных о вирусе, включая историю его происхождения.

Трамп требовал от ВОЗ признать ошибки и «исправить их». В частности, реформировать организацию и «продемонстрировать независимость от Китая» (<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1262577580718395393>). То есть ВОЗ была должна возложить на Китай вину за происхождение вируса, раскритиковать его за сокрытие масштабов эпидемии, поддерживать американские требования к Пекину выплатить компенсации всем пострадавшим от коронавируса — ну и подписаться под другими претензиями Трампа к КНР, дабы помочь американцам легитимировать свои претензии к Китаю. Ничего этого ВОЗ, понятно, не сделала.

Но Трамп не просто пытается сделать Пекин виноватым — он хочет «привязать» эту вину и к демократам. То же происходило в 2016 г., когда такой же «привязкой» была Россия. Теперь, правда, этот элемент работает не против Трампа, а против его соперника — Джоозефа Байдена, который, по

мнению республиканцев, уж слишком прокитайский. Организации сторонников Трампа (так называемые «супер-паки», имеющие право агитировать и тратить деньги в поддержку кандидата, но не обязанные — в отличие от штаба кандидата — отчитываться за свои деньги и ограничивать размеры пожертвований в свои фонды) тратили миллионы долларов на то, чтобы рассказать колеблющимся избирателям Мичигана, Висконсина, Пенсильвании и других штатов о связи Джоозефа Байдена и «агрессивного Китая» [16]. Собственно, в рамках этой кампании Байдену придумали новое прозвище — «Пекин-Байден» (на английском получается два похожих слова — Beijing-Biden, Бейджин-Байден).

Надо отдать должное демократам — они сразу же оценили опасность и ответили моментально. Нет, команда Байдена не стала оправдываться — наоборот, она обвинила Трампа в прокитайскости. Якобы президент в январе недооценил исходящую из КНР опасность, понадеялся на свои теплые отношения с Си Цзиньпином и поверил китайским заявлениям на слово — из-за чего Америка оказалась не готова к эпидемии. Советники Байдена рекомендовали шефу делать упор на «колоссальном разрыве между жесткой риторикой и вялыми действиями» Трампа в отношении КНР, что и было в итоге закреплено как базовый ответ Трампу на его «прокитайские» претензии в адрес Байдена [17].

Трамп хочет выиграть соревнование за статус «самого антикитайского кандидата», поэтому говорит о том, что церемониться с Пекином не будет. По его словам, «китайская чума, ударившая по миру» нанесла такой экономический ущерб, который не покроют и 100 торговых сделок — не говоря уже о «всех невинных жертвах» болезни (<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1260578860992737285>). Советник Белого дома по вопросам торговли Питер Наварро предложил выставить Китаю счет [18]. У сенатора Тома Коттона другая идея — счет должны выставить не США, а американские граждане [19]. После небольшого изменения законодательства американцы смогут обращаться в американские суды с исками против правительства КНР за ущерб от коронавируса.

Однако пока что эти угрозы не были реализованы. Во многом потому, что они могут быть чреваты жестким китайским ответом — и, как предупреждают китайские товарищи, серьезными последствиями для американской экономики [20].

Более того, эти санкции могут быть последней каплей в чаше терпения китайского руководства. Китайцы все время пытались умиротворить Трампа, избегали прямого конфликта с американским президентом — и если Трамп будет продолжать конфликт, то они могут и перестать уступать.

В результате словесная атака на Китай не оказала особого позитивного влияния на рейтинг действующего главы государства.

ИЗ БОЛЬНОГО — В ПРИМЕР

Ситуация для президента обострилась после того, как он в начале октября сам заболел коронавирусом. Под вопросом оказался один из главных оплотов его предвыборной программы — что он, в отличие от Байдена, здоровый человек, способный управлять государством. Однако в то же время эта болезнь является его последним шансом подправить рейтинг.

Коронавирус у президента США и его жены Меланьи диагностировали 2 октября, после чего главу государства в достаточно плохом (для 74-летнего человека) состоянии отправили в госпиталь. Однако лечили его лишь несколько дней, после чего Трамп вернулся в Белый дом. И не просто вернулся, а вернулся как победитель — не только коронавируса, но и страха перед болезнью. «Не бойтесь коронавируса! Не позволяйте ему доминировать в вашей жизни. В период администрации Трампа мы разработали великолепные лекарства и методы лечения. Я себя чувствую лучше, чем 20 лет назад», — написал президент США у себя на странице в твиттере (<https://twitter.com/realDonaldTrump/status/1313186529058136070>).

Неважно, благодаря чему он поправился за три дня: «великолепным лекарствам и методам лечения» или же из-за того, что никаким коронавирусом Трамп изначально не болел. Важно лишь то, что победивший болезнь президент использует свою победу для набора внутривластных очков. Президент, по мнению некоторых наблюдателей, демонстрирует «маскулинность» — то, чего так не хватает погрязшей в расовых истериках и половых (во всех смыслах этого слова) разборках американцев [21].

Дело в том, что в Соединенных Штатах — как сейчас и в России — идет серьезнейшая дискуссия о том, как власть и общество должны себя вести в условиях эпидемии коронавируса. Кто-то — за изоляцию, как Джозеф Байден, выступающий «в бункере» под камеру и соблюдающий социальную дистанцию. Но те, кому это нравится, далеки от

«американского духа». Духа, которым были заряжены колонисты, покорявшие дикий Запад, или американские бизнесмены, сделавшие Америку самой успешной страной в мире, или американские политики, победившие в холодной войне могучий Советский Союз (чье руководство, кстати, чем-то напоминает нынешнего Байдена — не только уровнем маразма, но и существованием в идеологических «бункерах»). Не говоря уже о том, что тактика «сиди по углам и самоизолируйся» ударила по доходам граждан США.

Именно поэтому множество настоящих американцев крайне недовольны призывами демократов «оставаться в безопасности». «Следуя уничтожающему дух предписанию „оставаться в безопасности“, Соединенные Штаты уничтожили тот уровень процветания, который был достигнут десятилетиями упорной работы. Закрывание экономики разрушило мечты тысяч предпринимателей и лишило работы миллионы. Мегалополисы — например, тот же Нью-Йорк — стали похожи на умирающие города-призраки... Детям прививают культуру страха», — пишут журналисты [21].

И эта культура страха, которую демократы навязывают обществу, уже открыто критикуется администрацией Трампа. Так, например, 8 октября состоялись дебаты между вице-президентом США Майком Пенсом и кандидатом в вице-президенты Камалой Харрис (<https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54459078>). Согласно решению Комиссии по проведению президентских дебатов они были организованы с дополнительными мерами безопасности, которые, по всей видимости, появились по просьбе демократов. Так, между политиками будет установлена перегородка из плексигласа (органического стекла). Республиканцы сразу же ее высмеяли. «Если сенатор Харрис хочет выстроить вокруг себя крепость, то пусть выстраивает», — заявила представительница Майка Пенса Кэти Миллер [22].

Дональд Трамп же не просто не выстраивает крепости — он их ломает. Призывая людей не сидеть на карантине, он обращается не только к рядовым избирателям, но и к властям штатов, которые не желают снимать карантинные ограничения. А Трампу нужно это снятие для того, чтобы возродить экономическую активность.

Неудивительно, что подобное поведение Дональда Трампа вызвало очень противоречивую реакцию американских СМИ. Одни его хвалят. «Дональд Трамп — не парень из подвала, — говорят его сторонники, — конечно, он мог бы по-

ступить как Джо Байден и последние 5 месяцев безвылазно сидеть в Белом доме. Как президент на карантине, трусливо прячущийся от китайского вируса. Символизм такого шага был бы катастрофой для могущественнейшей нации планеты. Трамп должен был показать свое бесстрашие перед лицом вируса» [23]. Пусть некоторые называют это поведение авторитарным, но Америке нужен сильный лидер.

Критики же утверждают, что стране нужен не только сильный, но и адекватный лидер. Взрослый, умеющий признавать свои ошибки, а не повторять их. «Похоже, болезнь Трампа лишь укрепила его непоколебимую веру в катастрофическую политику, которая не только сделала его и его сотрудников беззащитными перед пандемией, но и побудила американцев пойти на смертельный риск, за который они заплатили своими жизнями», — возмущается CNN [24]. Байден тоже нагоняет страх. «Уже 210 тысяч американцев умерли от коронавируса, и, если ничего не изменится, еще 200 тысяч умрут до конца года», — говорит Джо Байден [25].

Хозяина Белого дома продолжают обвинять в том, что он намеренно принижает опасность от болезни — и это якобы признают даже в Белом доме, где поведение президента вызывает панику [26]. Ну, и демонстрируют рейтинги, говорящие, что 60% американцев не разделяют призыв Трампа «не бояться коронавируса» (<https://morningconsult.com/form/reaction-poll-trump-covid/>).

Но симпатизируют ли при этом американцы хозяину Белого дома за его смелость и настоящий американский дух, за то, что страх не убил его разум и не парализовал его волю? Это будет понятно только на избирательных участках. Пока же рейтинг президента невысок. Он отстает от Байдена на 9,5 пункта, предварительно набирает в два раза меньше выборщиков (180 против 358 у демократического кандидата), и его шансы на победу букмекеры оценивают в 34,5% (<https://www.realclearpolitics.com/>). И если эти цифры окажутся реальностью после голосования, то с большой вероятностью можно будет сказать, что Трампа действительно убил коронавирус.

REFERENCES

1. Wegmann Philip. Biden Tells Trump to Act Like a 'Wartime President'. *RealClearPolitics*; March 24, 2020. URL: https://www.realclearpolitics.com/articles/2020/03/24/biden_tells_trump_to_act_like_a_wartime_president.html.
2. McNeil Donald Jr. The U.S. Now Leads the World in Confirmed Coronavirus Cases. *The New York Times*; March 26, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/26/health/usa-coronavirus-cases.html>.
3. Qiu Linda. Trump's False Claims About His Response to the Coronavirus. *The New York Times*; March 13, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/13/us/politics/fact-check-trump-coronavirus.html>.
4. Bowden John. Fauci: Neither Trump nor CDC to blame for the testing delay. *The Hill*; March 17, 2020. URL: <https://thehill.com/policy/healthcare/487985-fauci-neither-trump-nor-cdc-to-blame-for-testing-delay>.
5. Madrigal Alexis, Meyer Robinson. How the Coronavirus Became an American Catastrophe. *The Atlantic*; March 21, 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2020/03/how-many-americans-are-sick-lost-february/608521/>.
6. Khazan Olga. The 4 Key Reasons the U.S. Is So Behind on Coronavirus Testing. *The Atlantic*; March 13, 2020. URL: <https://www.theatlantic.com/health/archive/2020/03/why-coronavirus-testing-us-so-delayed/607954/>.
7. Fink Sheri, Baker Mike. Coronavirus May Have Spread in the U.S. for Weeks, Gene Sequencing Suggests. *The New York Times*; March 21, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/03/01/health/coronavirus-washington-spread.html>.
8. Scott Dylan. Coronavirus is exposing all of the weaknesses in the U.S. health system. *The Vox*; March 16, 2020. URL: <https://www.vox.com/policy-and-politics/2020/3/16/21173766/coronavirus-covid-19-us-cases-health-care-system>.
9. Jacobs Andrew, Fink Sheri. How prepared is the U.S. for the coronavirus outbreak? *The New York Times*; February 29, 2020. URL: <https://www.nytimes.com/2020/02/29/health/coronavirus-preparation-united-states.html>.
10. Cha Amy, Cohen Robin Problems Paying Medical Bills, 2018. *NCHS Data brief*; February 2020. URL: <https://www.cdc.gov/nchs/data/databriefs/db357-h.pdf>.
11. Pipes Sally. A Surprise in the Congressional Stimulus Package? *RealClearHealth*; March 26, 2020. URL: https://www.realclearhealth.com/articles/2020/03/26/a_surprise_in_the_congressional_stimulus_package_111004.html.
12. Kirzinger Ashley, Muñana Cailey, Wu Bryan, Brodie Mollyann. Data Note: Americans' Challenges with Health Care Costs. *KFF*; June 11, 2019. URL: <https://www.kff.org/health-costs/issue-brief/data-note-americans-challenges-health-care-costs/>.

13. Luhbi Tami. Here's how the U.S. health care system makes it harder to stop coronavirus. *CNN*; March 11, 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/03/11/us/us-health-care-system-coronavirus/index.html>.
14. Arnott Robert. Moore Stephen. Shutdown is killing the economy — and is also no good for our health. *The Hill*; March 25, 2020. URL: <https://thehill.com/opinion/finance/489566-shutdown-is-killing-the-economy-and-is-also-no-good-for-our-health>.
15. Wise Justin. Trump rejected invitation to speak to WHO conference. *The Hill*; May 18, 2020. URL: <https://thehill.com/homenews/administration/498369-trump-rejected-invitation-to-speak-to-who-conference>.
16. Treene Alayna. Exclusive: Biggest Trump super PAC test drives #BeijingBiden campaign. *Axios*; April 16, 2020. URL: <https://www.axios.com/biggest-trump-super-pac-test-drives-beijingbiden-campaign-75582a64-6edc-48ec-9b38-f307816b6a32.html>.
17. Martina Michael. Exclusive: Biden to hammer Trump's 'tough talk, weak action' on China, a top adviser says. *Reuters*; May 13, 2020. URL: <https://www.reuters.com/article/us-usa-election-biden-china-exclusive/exclusive-biden-to-hammer-trumps-tough-talk-weak-action-on-china-top-adviser-says-idUSKBN22P02B>.
18. White Martha. Trump's \$200 billion trade deal with China already at risk due to coronavirus. *NBC News*; May 13, 2020. URL: <https://www.nbcnews.com/business/economy/200-billion-trade-deal-china-already-risk-due-coronavirus-n1204326>.
19. Cotton Tom, Crenshaw Dan. Sen. Cotton, Rep. Crenshaw: Coronavirus has destroyed countless lives — Here's how to make China pay. *Fox News*; April 24, 2020. URL: <https://www.foxnews.com/opinion/coronavirus-china-pay-cotton-crenshaw>.
20. Zhao Chen. Why Trump's threats to 'punish' China over Covid-19 ring hollow. *South China Morning Post*; May 14, 2020. URL: <https://www.scmp.com/comment/opinion/article/3084041/why-trumps-threats-punish-china-over-covid-19-ring-hollow>.
21. Macdonald Heather. Against Fear. *City Journal*; October 05, 2020. URL: <https://www.city-journal.org/trump-coronavirus-diagnosis-models-positive-masculinity>.
22. Collinson Stephen. Trump mounts bizarre and misleading White House return despite warnings. *CNN*; October 06, 2020. URL: <https://www.bbc.com/news/election-us-2020-54459078>.
23. Devine Miranda. Coronavirus battle shows the bravery of President Trump. *The New York Post*; October 04, 2020. URL: <https://nypost.com/2020/10/04/coronavirus-battle-shows-the-bravery-of-president-trump-devine/>.
24. Ghitis Frida. Trump's grotesque coronavirus theater. *CNN*; October 06, 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/06/opinions/trump-covid-grotesque-theater-ghitis/index.html>.
25. Louis Errol. Biden checkmates Trump on Covid. *CNN*; October 06, 2020. URL: <https://edition.cnn.com/2020/10/06/opinions/biden-town-hall-checkmates-trump-covid-louis/index.html>.
26. Treene Alayna, McCammond Alexi, Allen Mike. With Trump's return, risks rise in the West Wing. *Axios*; October 06, 2020. URL: <https://www.axios.com/trump-coronavirus-west-wing-staff-risks-c56a04cc-44ff-4521-82d0-695840b5395b.html>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АТОРЕ

Геворг Валерьевич Мирзаян — кандидат политических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
GVMirzayan@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Gevorg V. Mirzayan — Cand. Sci. (Political Sciences), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
GVMirzayan@fa.ru

Статья поступила 09.10.2020; принята к публикации 13.10.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 09.10.2020; accepted for publication on 13.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-13-22

УДК 32(045)

Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы

С.Л. Чепель

Финансовый университет; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается динамика электоральной подвижности в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ) в начале XXI в. как фактор, влияющий на стабильность партийных систем. Автор подчеркивает, что неустойчивость партийно-групповых связей сдерживает процесс институционализации политических партий, чрезмерно усиливает политическую неопределенность, снижает степень ответственности правящих элит, что в целом затрудняет консолидацию режимов «новой демократии». Отмечается, что ограниченный уровень доверия политическим партиям, представляющий собой характерную черту политической культуры посткоммунистических обществ, является во многом результатом слабо выраженных исторических социально-политических размежеваний как наследия тоталитарной эпохи. Неустойчивая партийная идентификация граждан посткоммунистических государств ЦВЕ проявляется в значительной степени мобильности электората. Однако сохранение электоральной подвижности избирателей на высоком уровне связано также с применением избирательных систем, полностью, либо по большей части, базирующихся на принципе пропорциональности. Автор приходит к выводу, что на современном этапе условием консолидации посткоммунистических демократий в странах ЦВЕ становится обеспечение стабильности органов государственной власти за счет некоторого ограничения их представительности. Поэтому политические партии, потенциально выигрывающие от применения мажоритарных электоральных систем, будут стремиться к осуществлению реформы действующего избирательного законодательства.

Ключевые слова: электоральная подвижность; партийная идентификация; консолидация демократии; политическая партия; избирательная система; посткоммунистические страны; партийная система.

Для цитирования: Чепель С.Л. Электоральная подвижность и стабильность партийных систем в посткоммунистических странах Центральной и Восточной Европы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):13-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-13-22

ORIGINAL PAPER

Electoral Volatility and Stability of Party Systems in Post-Communist Countries of Central and Eastern Europe

S.L. Chepel

Financial University; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7962-6337>

ABSTRACT

The article examines the dynamics of electoral volatility in the post-communist countries of Central and Eastern Europe at the beginning of the XXI century as a factor which influences the stability of party systems. The author emphasizes that unstable party and group links impede the process of the institutionalization of political parties, excessively increase political uncertainty, reduce the level of the responsibility of ruling elites. All these things as a whole make the consolidation of "new democracy" regimes more difficult. The author noted that the lowered confidence in political parties being the characteristic of the political culture in post-communist societies is mostly the result of a weakly expressed historic socio-political cleavage which comes out as the legacy of the totalitarian age. In the post-communist states of

CEE, the unsteady party identification of citizens is expressed in considerable mobility of the electorate. However, the high level of electoral volatility accounts for using electoral systems that, for the most significant part are based on the principle of proportionality. The author concluded that presently the consolidation of post-communist democracies in countries of CEE is possible on condition that the stability of public authorities is provided at the expense of restraining their representation to a certain extent. Consequently, political parties which potentially gain using majoritarian systems will strive for the realization of a reform of the electoral law that is currently in force.

Keywords: electoral volatility; party identification; consolidation of democracy; political party; electoral system; post-communist countries; party system

For citation: Chepel S.L. Electoral volatility and stability of party systems in post-communist countries of Central and Eastern Europe. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences.Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):13-22. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-13-22

Преобладающей тенденцией политического развития постсоциалистических стран в начале XXI в. стало замедление темпов процесса демократизации. В период 2008–2018 гг., по оценке исследовательской организации Nations in Transit, в 19 из 29 посткоммунистических и постсоветских государств наблюдалось падение качества демократии по одному или даже нескольким показателям, таким как демократичность системы правления на национальном и местном уровне, избирательный процесс, гражданское общество, независимость СМИ, независимость судебной системы, коррупция. Согласно методике определения уровня демократического развития, используемой этой организацией, политические режимы могут получить от 1 до 7 баллов, где 1 — наивысший показатель, а 7 — самый низкий. В указанный период, по данным Nations in Transit, средний показатель качества демократии снизился в постсоциалистических странах Евразийского региона с 5,84 до 6,10; Балканского региона — с 4,03 до 4,24; Центрально-Европейского региона — с 2,33 до 2,67¹. Ослабление демократии в большинстве посткоммунистических и постсоветских государств в начале XXI в. свидетельствует о сохранении в этой группе стран ограниченного либо даже низкого культурно обусловленного общественного спроса на политическую свободу. Но, как в свое время заметил Г. Алмонд, отвечая на вопрос, «является ли удовлетворенная и демократическая общественность порождением демократии или же наличие соответствующей политической культуры ведет к появлению демократической политической

системы»: «Безусловно, взаимосвязь здесь двоякого рода» [1]. Иными словами, включение граждан в деятельность демократических политических институтов способно существенно изменять их политическую культуру. Поэтому исследование влияния избирательных правил на уровень подвижности электората и на степень стабильности партийных систем дает возможность выявить причины замедления демократического развития посткоммунистических стран Центральной и Восточной Европы (ЦВЕ).

В статье в качестве изучаемых кейсов выступают такие страны, как Болгария, Венгрия, Польша, Румыния, Словакия, Чехия, а также Латвия, Литва и Эстония. Включение балтийских государств, членов бывшего Советского Союза, в группу анализируемых кейсов представляется вполне оправданным с точки зрения методологии сравнительных исследований. Во-первых, как страны западного христианства, государства Балтии исторически всегда оставались частью восточно-европейского культурного пространства. Во-вторых, как и все социалистические страны Европы, государства Балтии находились в составе советского блока относительно короткий срок, что объективно ограничило масштабы тоталитарной трансформации их общественной жизни. Наконец, все девять стран, отобранные для изучения, это новые члены Европейского Союза, условием пребывания в котором является безупречная прочность демократического режима. В то же время нельзя отрицать, что пребывание в составе СССР наложило заметно более выраженный отпечаток «советизации» на политическую культуру стран Балтии, в отличие от социалистических государств Европы, сохранявших формально свою национальную самостоятельность. В этой связи можно вполне согласиться с утверждением Б. Эпперли о том,

¹ Nations in Transit 2018 Confronting Illiberalism. URL: https://freedomhouse.org/sites/default/files/FH_NationsInTransit_Web_PDF_FINAL_2018_03_16.pdf.

Таблица 1 / Table 1

Доверие политическим партиям в странах Центральной и Восточной Европы в период 2004–2018 гг. (по шкале от 0 до 10, среднее значение) / Trust in political parties in Central and Eastern Europe in the period 2004–2018 (on a scale of 0 to 10, the average value)

Страна / Год	2004	2008	2010	2012	2014	2016	2018
Болгария	–	1,7	2,0	1,8	–	–	2,1
Венгрия	2,7	2,0	3,1	4,2	3,0	3,6	3,9
Латвия	–	1,6	–	–	–	–	–
Литва	–	–	2,2	–	3,0	–	–
Польша	1,9	2,3	2,5	2,2	2,0	2,4	3,2
Румыния	–	3,1	–	–	–	–	–
Словакия	2,7	3,6	2,7	2,8	–	–	–
Чехия	2,7	2,9	2,7	2,7	3,4	3,5	3,6
Эстония	3,1	3,2	3,4	3,2	3,4	3,6	3,7

Источник / Source: URL: <https://www.europeansocialsurvey.org>.

что «ни одно из клиентских восточноевропейских государств не испытывало такого же уровня контроля со стороны Москвы и тщательности в разрушении местных институтов как Эстония, Латвия и Литва» [2]. Тем не менее современные Латвию, Литву и Эстонию можно отнести в большей степени к категории стран ЦВЕ, чем к группе постсоветских государств.

Одним из ключевых показателей прочности демократического режима является устойчивое функционирование конкурентной партийной системы. Как отмечал Э. Штатшнайдер, «политические партии создали демократию и современная демократия немыслима в условиях отсутствия партий» [3]. История стран Запада свидетельствует о том, что деятельность партий как политических организаций ориентированных, главным образом, на выполнение electoralной функции действительно способствовала укреплению возникавших в XIX в. демократических режимов за счет направления имеющихся социальных разногласий в русло политического диалога и поддержания эффективных каналов взаимосвязи гражданского общества и правящих элит. Вместе с тем органичный процесс модернизации в странах Запада, сопровождавшийся последовательным распространением гражданских ориентаций в массовой культуре, содействовал росту общественного доверия политическим партиям. Поэтому становление партии как стабильного социально значимого

института происходило не столько вследствие нормативного регулирования политического процесса, сколько, по выражению К. Джанды, за счет «материализации партии в общественном сознании, в результате чего она существует независимо от собственных лидеров, регулярно вовлекаясь в значимые модели поведения» [4]. В посткоммунистических странах ЦВЕ формальное законодательное закрепление места и роли партий в политической системе было осуществлено еще на первом этапе демократических преобразований. Однако процесс укоренения партий в политической культуре общества не завершен в полной мере до настоящего времени, что представляется главной причиной организационной и идеологической нестабильности партийных систем. Как справедливо отмечает в этой связи С. Бёрч, «большинство появившихся в Центральной и Восточной Европе партийных систем характеризуются текучестью, расколами, объединениями и слабыми связями с избирателями» [5]. Нестабильность партийных систем создает угрозу процессу консолидации посткоммунистических «новых демократий». Во-первых, она препятствует институционализации партий, сдерживая формирование долговременной взаимосвязи партийных элит и избирателей. Во-вторых, значительно повышает уровень политической неопределенности, ослабляя взаимодействие партий и социальных групп в борьбе за реализацию альтернативных

программ развития общества. В-третьих, снижает степень ответственности правящих элит, так как быстрое и частое организационное и идеологическое переформатирование партий не позволяет избирателям точно судить о том, какие политические силы действительно заслуживают их поддержки на грядущих парламентских выборах. Как видно из табл. 1, низкий уровень доверия партиям был и остается типичной чертой политической культуры обществ ЦВЕ.

Несмотря на преобладание в общественном сознании посткоммунистических стран ценностей выживания, которые должны способствовать укреплению чувства коллективизма и обеспечивать стабильную поддержку социальными группами политических партий, выражающих их социально-экономические запросы, партийная идентификация граждан посткоммунистических стран ЦВЕ спустя 20 лет после начала демократического перехода продолжает оставаться невысокой и неустойчивой. По данным Европейского социального исследования, с 2008 по 2018 г. доля граждан, заявивших о том, что какая-то политическая партия им ближе, чем остальные, выросла в Венгрии с 38 до 42% и в Польше — с 23 до 33%, но снизилась в Болгарии — с 53 до 39%, в Чехии — с 41 до 38%, в Эстонии — с 44 до 41% [5].

Когда политические партии служат основными каналами социального представительства, а также формируют состав законодательных собраний и правящих кабинетов, условием стабильного функционирования демократического механизма выработки государственного курса выступает прочность партийно-групповых связей. Одним из главных показателей степени приверженности граждан политическим партиям является динамика электоральной подвижности, отражающая интенсивность смены партийных предпочтений электората. Научный интерес к проблеме электоральной мобильности в странах Западной Европы усилился в 70-е гг. XX в., когда под влиянием начавшегося в общественном сознании культурного сдвига от ценностей выживания к ценностям самовыражения стало меняться отношение избирателей к сложившимся партийным системам. Эти перемены выразились, прежде всего, в ослаблении позиций ведущих политических партий, которые в недавнем прошлом полностью контролировали электоральное поле, и росте популярности партий, выражающих запросы нового электората, в качестве кото-

рого стал выступать формирующийся массовый средний класс. «Взаимоотношения между избирателями и партиями, очевидно, претерпели изменения, — писал в этой связи датский исследователь М. Педерсен, — в одних странах обнаружена тенденция понижения партийной идентификации, в других — увеличение доли неконвенционального политического поведения, в некоторых случаях произошел полный переход большого количества избирателей от старых партий к новым»². Для определения уровня электоральной подвижности М. Педерсен предложил использовать специальный индекс, фиксирующий в процентах наличие или отсутствие изменений в поддержке избирателями действующих партий на следующих друг за другом парламентских выборах. Применение индексного подхода позволило М. Педерсену сделать вывод об общем усилении электоральной мобильности в демократических политических системах в период 1948–1977 гг., хотя динамика смены партийных предпочтений избирателей различалась в зависимости от страны. Дальнейшие исследования показали, что средний индекс электоральной подвижности в «старых демократиях» оставался достаточно умеренным, составив в период 1945–2005 гг. в Западной Европе и США 10,7% [6, р. 4]. Иная картина складывалась в странах «новой демократии», где наблюдались высокая и очень высокая мобильность электората. Так, средний индекс электоральной подвижности в поставторитарных странах Латинской Америки в период 1983–2005 гг. составил 26,4%, а в посткоммунистических странах ЦВЕ и постсоветского пространства в период 1990–2005 гг. — 43,6% [6, р. 4]. Значительный разрыв в показателях флуктуации электората в поставторитарных и посттоталитарных странах объясняется во многом влиянием фактора исторического прошлого этих двух типов «новых демократий». Осуществление большинством авторитарных режимов глубокой экономической и социальной модернизации содействовало возникновению отчетливо выраженных структурных размежеваний, которые в процессе перехода к демократии получили оформление в виде достаточно устойчивых политических партий. Курс тоталитарных ре-

² Pedersen Electoral Volatility in Western Europe 1948–1977. URL: <http://janda.org/c24/Readings/Pedersen/Pedersen.htm>.

Таблица 2/Table 2

**Электоральная подвижность на парламентских выборах в период 2001–2018 гг., % /
Electoral mobility in parliamentary elections in the period 2001–2018, %**

Страна / Период	2000–2005	2005–2010	2010–2014	2014–2018	Средний показатель
Болгария	39,3	54,5	25,9	21,3	35,2
Венгрия	11,2	34,3	15,7	16,9	19,5
Латвия	25,5	61,0	22,8	40,8	37,5
Литва	50,3	50,4	49,3	39,9	47,4
Польша	34,9	24,9	12,9	32,3	26,2
Румыния	34,8	47,8	56,6	44,1	45,8
Словакия	28,0	29,4	21,1	29,8	27,0
Чехия	16,7	35,6	37,3	31,3	30,2
Эстония	45,3	10,4	16,7	19,8	23,0

Источник / Source: <http://www.electionresources.org>.

жимов, направленный на достижение социальной однородности общества, практически полностью разрушил сложившиеся структурные размежевания, тем самым уничтожив культурно обусловленный спрос на разнообразие партийно-политического представительства. Поэтому с переходом к демократии история политических партий в посттоталитарных странах началась фактически с чистого листа. «Важная характеристика посткоммунистического транзита в том, — отмечают в частности А. Багенхольм и А. Йоханссон, — что политические партии сформировались во время и после режимной трансформации, но не до нее» [7]. Развитие партий как организаций, мобилирующих поддержку избирателей на основе политической идеологии, сдерживалось также той специфической ситуацией, в которой оказались все посткоммунистические страны ЦВЕ в процессе освобождения от тоталитаризма. По сути, понимание неизбежности радикального реформирования неэффективной и неконкурентоспособной социалистической экономики, а также важности включения стран в общеевропейские экономические и политические структуры привело к возникновению идейного консенсуса ведущих партийных элит по поводу стратегической линии развития посткоммунистических «новых демократий». В условиях когда борьба за власть разворачивалась на довольно узком идеологическом пространст-

ве, партии создавались и действовали исходя из текущей политической конъюнктуры, а не политических запросов социальных групп и, опираясь на популистскую предвыборную риторику, стремились лишь повысить свои шансы на прохождение в парламент. При этом избиратели, получив возможность широкого выбора между различными партийными программами, не получили возможность выбора между разными политическими курсами. Следует также подчеркнуть, что в ситуации ограниченного выбора идеологических альтернатив единственной рациональной тактикой борьбы за повышение своей электоральной привлекательности оставалась постоянная организационная трансформация партий. Появление на электоральном поле новых политических игроков в результате расколов и слияний действующих партий, а также прежде не существовавших партийных структур стало характерной чертой политической жизни всех стран ЦВЕ. Поэтому можно согласиться с утверждением А. Иннес о том, что «сохраняющаяся нестабильность партийных систем фактически является прямым следствием того типа партийной конкуренции, который появился в Восточной Европе из доминирующего типа электоральной стратегии» [8]. Несмотря на то что к началу XXI в. были в значительной степени преодолены экономические и социальные проблемы, вызванные рыночной реформой,

и в массовом общественном сознании закрепились гражданские ценностные ориентации, партийные системы в посткоммунистических странах ЦВЕ не обрели устойчивости. Как следует из *табл. 2*, высокий уровень электоральной подвижности продолжает оставаться выраженным признаком политического процесса в посткоммунистических странах ЦВЕ, хотя в каждой из них динамика мобильности избирателей имеет свою специфику.

Исследования электоральной подвижности в странах Западной Европы показали, что ее уровень напрямую зависит от степени фрагментации и поляризации партийных систем. Безусловно, многочисленность партий, действующих на электоральном поле, дает избирателям возможность легко менять свои партийные предпочтения, что способствует повышению уровня электоральной подвижности. Как отмечают И. Деджегир и Р. Дассонвилль, «такое количество партий увеличивает вероятность того, что избиратель получает достойную поддержки альтернативу его предшествующего выбора» [9]. Напротив, небольшое число партий, контролирующих электоральное поле, вынуждает избирателей быть более последовательными при осуществлении своего выбора, что ведет к ограниченной или даже низкой электоральной мобильности. Не меньшее воздействие на электоральную подвижность оказывает и степень идеологической поляризации партийных систем. Нечеткость идеологических размежеваний повышает вероятность смещения поддержки избирателей от одной партии к другой. Напротив, отчетливо выраженное идеологическое расщепление партийной системы содействует снижению уровня флуктуации электората, укрепляя барьеры, разделяющие группы избирателей как носителей альтернативных ценностных ориентаций. Степень фрагментации

и поляризации партийных систем во многом зависит не только от социокультурной среды, в которой возникали и развивались политические партии, но и от избирательных правил, которые формируют модели поведения участников электорального процесса. Как отмечается в исследовании Международного института демократии и содействия выборам, «в большинстве случаев факт выбора избирательной системы скорее, чем другие, имеет глубокие последствия для политической жизни, однажды выбранная

система имеет тенденцию к сохранению, так как политические интересы организуются для извлечения из нее преимуществ»³. Так как избирательные системы основываются на разных принципах, их применение способно расширять либо ограничивать шансы новых участников избирательного процесса на включение в состав парламента, что усиливает либо ослабляет электоральную подвижность избирателей.

Необходимо подчеркнуть, что выбор типа избирательной системы стал непростым делом для политических элит посткоммунистических стран ЦВЕ, так как осуществление режимной трансформации требовало одновременного решения двух противоположных задач: обеспечить представительность и стабильность органов государственной власти. Первая могла быть достигнута за счет использования пропорциональной системы в многомандатных округах с низким электоральным порогом, которая бы способствовала увеличению числа политических партий, возникновению представительных парламентов и коалиционных правящих кабинетов. Вторая могла быть обеспечена за счет применения той или иной разновидности мажоритарной системы в одномандатных округах, которая бы содействовала сокращению количества партий и формированию стабильных правительств, опирающихся на сплоченное парламентское большинство. В посткоммунистических странах ЦВЕ, как следует из *табл. 3*, возобладали пропорциональные избирательные системы с использованием как открытых, так и закрытых списков, с невысокими электоральными порогами, не превышающими 5% для политических партий. Большинство стран приняли пропорциональную систему еще на начальном этапе демократического транзита, а Болгария и Румыния перешли к ней со временем, пройдя через череду избирательных реформ. В Венгрии и Литве на протяжении всей посткоммунистической истории на парламентских выборах используется смешанная избирательная система, при которой одна часть депутатов избирается на основе пропорционального принципа, а другая — на основе принципа большинства. Разрешение дилеммы в пользу представительности органов государственной власти отразило, прежде все-

³ La Conception des Systemes Electoraux Un manuel de International IDEA. Andrew Reynolds et Ben Reilly. Edition francaise, URL: <http://www.eods.eu/library/IDEA.Electoral%20Systems%20Design%20FR.pdf>.

Таблица 3 / Table 3

**Избирательные системы стран Центральной и Восточной Европы /
Electoral systems in Central and Eastern Europe**

Страна	Избирательная система и электоральный порог
Болгария	Пропорциональная с закрытыми списками, порог 4%
Венгрия	Смешанная с закрытыми списками, порог 5%
Латвия	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Литва	Смешанная с открытыми списками, порог 5%
Польша	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Румыния	Пропорциональная с закрытыми списками, порог 5%
Словакия	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Чехия	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%
Эстония	Пропорциональная с открытыми списками, порог 5%

Источник / Source: URL: http://www.stevendroper.com/elect_system.html.

го, мощный общественный спрос на широкое политическое участие, который сложился в посткоммунистических странах после распада однопартийных диктатур. Свою роль сыграло и то, что в условиях тоталитарных режимов так называемые выборы проводились с использованием мажоритарной системы простого большинства в одномандатных округах, и поэтому выбор пропорциональной системы или смешанной системы с весомым пропорциональным компонентом представлял собой стремление элит и граждан к созданию радикальной альтернативы прежним политическим порядкам. Как весьма точно отмечают Дж. Беласьяк и Дж. Халси, «после коллапса коммунизма выход на политическую арену множества мнений создал «дух включенности», который продвинул вперед строительство конкурентных институтов, благоприятствовавших принятию правил пропорциональной системы» [10].

Выбор большинством посткоммунистических стран ЦВЕ пропорциональной избирательной системы был вполне оправдан и с точки зрения строительства политических партий как влиятельного социального института. Известно, что голосование избирателей за партийные списки, а не за индивидуальных кандидатов, содействует как организационному укреплению самих партий, вынужденных совершенствовать свою структуру с целью охвата общенационального электорального поля, так и формированию устойчивой партийной иден-

тификации граждан, уясняющих связь своих социально-экономических интересов с программами партий. В то же время расплатой за использование принципа пропорциональности представительства становится значительный рост числа партий на политической арене, так как проникновение в парламент политических сил даже с небольшим электоральным потенциалом вполне возможно в одиночку, без вступления в коалицию с крупными партиями, что стимулирует повышение электоральной подвижности. Однако в группе стран ЦВЕ, отдавших предпочтение пропорциональной избирательной системе, уровни электоральной мобильности избирателей заметно различаются. Как следует из сравнения данных табл. 2 и 3, в рассматриваемый период не слишком высокий, по меркам посткоммунистических обществ, средний показатель электоральной подвижности (до 30%) имел место в большинстве стран, использовавших на парламентских выборах открытые партийные списки. К их числу относятся Польша, Словакия, Чехия, Эстония. Напротив, в Болгарии и Румынии, где применяются закрытые партийные списки, средний показатель электоральной мобильности был намного выше. Оценивая эту тенденцию, можно предположить, что граждане посткоммунистических стран, не испытывающие сильной приверженности политическим партиям, склонны больше доверять политическим персонам, которые за счет своих личных

качеств сохраняют устойчивые связи с избирателями от выборов к выборам. Очевидно, что данный политико-психологический феномен, который можно было бы назвать *персонализацией электорального поведения*, представляет собой типичное проявление посттоталитарного политического сознания, отмеченного верой в конструктивную роль руководителей и вождей. В этой связи следует согласиться с утверждением С. Бёрч о том, что «чем больше индивидуальные кандидаты могут удерживать персональную преданность избирателей, тем вероятнее они способны привязать избирателей к партиям более эффективно, чем партии могут это сделать своими средствами» [11]. Поэтому думается, что в условиях неустойчивой партийной идентификации граждан закрытые списки, предполагающие выбор только между партиями, а, значит, деперсонифицированное голосование, ослабляют и без того непрочные партийно-групповые связи. В предложенное объяснение динамики электоральной подвижности не вписывается кейс Латвии, где, несмотря на использование открытых списков, имел место довольно высокий средний показатель смены партийных предпочтений избирателей. Но, как уже отмечалось, в решении задачи построения общества социальной однородности Советский Союз продвинулся намного дальше, чем его сателлиты в Европе. Во многом поэтому процесс институционализации политических партий в постсоветских государствах развивался медленно и противоречиво. По-видимому, в ситуации крайне низкого уровня партийной идентификации избирателей сдерживающее воздействие открытых списков на электоральную подвижность уже не проявляется. Вместе с тем, необходимо подчеркнуть, что национальные культуры республик, входивших в состав СССР, оказались в разной степени восприимчивы к политике советской унификации. Примером может служить Эстония, где сохранившиеся корни социокультурных различий содействовали укреплению партийной идентификации избирателей, свидетельством чего стал один из самых низких средних показателей электоральной подвижности среди стран ЦВЕ. Заметное влияние на смену партийных предпочтений избирателей в странах, использующих пропорциональную систему, оказал также уровень электоральных порогов. Как видно из сравнения данных *табл. 2 и 3*, в таких

странах, как Польша, Словакия, Чехия, Эстония, применяющих 5%-ный заградительный барьер, наблюдается не слишком высокий средний показатель электоральной подвижности. Более высокий уровень электоральной мобильности избирателей, отмечаемый в Болгарии, очевидно, связан в том числе и с использованием 4%-ного заградительного барьера. Таким образом, в ситуации неустойчивости партийной идентификации избирателей некоторое снижение электоральной подвижности при применении пропорциональной системы достигалось за счет сочетания открытых списков с умеренно высоким электоральным порогом.

Второй по частоте использования посткоммунистическими и постсоветскими государствами является смешанная система. Следует подчеркнуть, что данный тип избирательной системы, предоставляющий избирателям право поддержать одним своим голосом партийный список, а другим — индивидуального кандидата, увеличивает число каналов доступа партий в парламент. Таким образом, число партий, участвующих в выборах, имеет тенденцию к увеличению, что объективно создает условия для усиления электоральной подвижности. Ведь наряду с крупными партиями, ведущими борьбу за голоса избирателей в многомандатных округах и располагающих поддержкой для преодоления электорального порога, в избирательную кампанию включается немало средних и малых партий, рассчитывающих провести в парламент своих представителей, победив в одномандатных округах. Как отмечает С. Бёрч, смешанные системы «расширяют набор типов конкурентов, которые способны добиваться представительства — от независимых и неидеологизированных политических предпринимателей с очень локализованной и персонализированной поддержкой социальных сетей до ярко выраженных программных партий с небольшими и рассеянными группами сторонников, которые разделяют систему убеждений и преданы общей идеологии» [12]. При этом основной акцент на решении общенациональных проблем, который делают крупные партии, и специализация небольших политических организаций на выражении местных интересов могут содействовать расщеплению партийных предпочтений избирателей. Среди стран, отобранных для изучения, смешанную систему используют Венгрия и Литва, которые,

как следует из *табл. 2*, занимают диаметрально противоположные позиции по среднему показателю электоральной мобильности. Именно этот факт позволяет утверждать, что выбор типа избирательной системы предполагает точную оценку того политико-культурного контекста, в котором будут применяться избирательные правила. Пример Венгрии, где, несмотря на использование смешанной системы, имеет место самый низкий уровень электоральной подвижности, свидетельствует о сдерживающем воздействии политической культуры на флуктуацию электората. Заметим, что внедрение элементов рынка в сельском хозяйстве и торговле еще в период социализма позволило сохранить достаточно дифференцированную структуру венгерского общества, ставшую в период демократизации базой весьма устойчивой партийной системы. Что же касается электоральной формулы, то в Венгрии применяется разновидность смешанной системы с элементами компенсации. Неиспользованные голоса избирателей, поданные за кандидатов партии в одномандатных и региональных многомандатных округах, учитываются при распределении мандатов по национальным спискам партии. Как показывает электоральная практика, прежде всего ФРГ, применение смешанных компенсаторных систем способствует тому, что избиратель, голосуя в одномандатном округе за индивидуального кандидата, нередко делает выбор в пользу того, кто представляет политическую партию, список которой избиратель поддержал в многомандатном округе. Иными словами, такой тип смешанной системы содействует большей последовательности электорального поведения граждан, а значит, и меньшей электоральной подвижности. Добавим к этому, что в 2010 г. Венгрия перешла в избрании депутатов в одномандатных округах от принципа абсолютного к принципу относительного большинства. Голосование в один тур, в отличие от двухтуровых выборов, исключает дезориентирующее избирателей маневрирование партий накануне второго тура, что благоприятствует снижению электоральной мобильности избирателей. В отличие от Венгрии, Литва несла на себе более отчетливый отпечаток политики построения социально однородного общества, которая осуществлялась в Советском Союзе. Поэтому процесс демократизации, как и в большинстве

постсоветских государств, не привел к формированию устойчивой партийной идентификации литовских граждан. Использование в этих условиях смешанной избирательной системы трудно назвать правильным выбором, так как присущий ей эффект расширения партийных предпочтений избирателей проявился в наибольшей степени, содействуя росту электоральной подвижности. В отличие от Венгрии, в Литве применяется параллельная смешанная система без каких-либо элементов компенсации. Распределение мест в парламенте, полученных партией в многомандатных округах, никак не связано с результатами ее борьбы за победы в одномандатных округах. Независимость друг от друга парламентских результатов двух видов голосования ведет, как правило, к непоследовательности электорального поведения избирателей, которая возрастает в обществах с нечеткими линиями социокультурных размежеваний. Высокий средний показатель электоральной подвижности в Литве связан и с тем, что выборы половины депутатов парламента в одномандатных округах проводятся на основе принципа абсолютного большинства в два тура. Как уже было отмечено выше, двухтуровое голосование, предполагающее перегруппировку партийных сил накануне второго тура, способно дезориентировать избирателей, усилив, тем самым, их электоральную мобильность.

Таким образом, можно сделать вывод, что сохраняющийся в посткоммунистических странах ЦВЕ высокий уровень электоральной подвижности является одной из главных причин неустойчивости партийных систем, что оказывает негативное влияние на процесс демократического развития. Выбор большинством государств ЦВЕ пропорциональной либо смешанной избирательной системы был исторически оправданным шагом в процессе освобождения от тоталитарного наследия. Однако на современном этапе, когда задачи демократического транзита уже решены, условием консолидации демократических режимов становится не повышение представительности, а укрепление стабильности органов государственной власти. Поэтому следует ожидать шагов правящих элит государств ЦВЕ в направлении осуществления мажоритарных по своей сути реформ избирательных систем с целью снижения уровня электоральной мобильности избирателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Алмонд Г., Пауэлл Дж., Стром К., Далтон Р. Сравнительная политология сегодня: Мировой обзор. М.: Аспект Пресс; 2002. 537 с.
Almond G., Powell J., Strom K., Dalton R. Comparative political science today: World review, Moscow: Aspect Press; 2002. (In Russ.).
2. Epperly B. Institutions and Legacies: Electoral Volatility in the Post-communist World. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/518c/4f73e564c83d640c9ff1b75fbdee80c6dfdd.pdf>.
3. Schattschneider E. Party Government: American Government in Action; With a new introduction by Sydney A. Pearson. URL: https://books.google.com/books/about/Party_government.html?id=KJZu0qE0IKAC.
4. Janda K. Comparative Political Parties: Research and Theory. 1993. URL: http://janda.org/comparative%20parties/Janda_on_parties.htm.
5. Birch S. Electoral Systems and Party System Stability in Post-Communist Europe. URL: <https://pdfs.semanticscholar.org/c485/d2962834357ee1a1443a6861804ec0831b1e.pdf>.
6. Mainwaring S., Gervasoni C., Espana A. Extra- and within-system electoral volatility. URL: https://www.academia.edu/22310372/Extra-_and_Within-system_Electoral_Volatility.
7. Bagenholm A. Johansson A. Why are the post-communist party systems not stabilizing? URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/4e82214b-da99-4d0d-827b-7a44b5ff01fc.pdf>.
8. Innes A. Party Competition in Post-communist Europe: The Great Electoral Lottery. URL: <https://e-edu.nbu.bg/mod/resource/view.php?id=288365>.
9. Dejaeghere I., Dassonneville R. The Impact of the Party System on Electoral volatility. A Cross-Countries Analysis of Inter-Election Switching. URL: https://www.sociology.ox.ac.uk/materials/documents/epop/papers/Dejaeghere_Dassonneville_EPOP2012.pdf.
10. Bielasiak J., Hulsey W. Party Systems Determinants of Electoral Reform in the Post-communist States. URL: <https://ecpr.eu/Filestore/PaperProposal/2400ae4c-94e5-4e48-bb2b-798dcc95dc09.pdf>.
11. Birch S. Electoral Systems and Political Transformation in Post-Communist Europe Palgrave Macmillan. URL: <https://www.academia.edu/25223073>.
12. Birch S. The Effects of Mixed Electoral Systems in Eastern Europe. URL: <http://citeseerx.ist.psu.edu/viewdoc/download?doi=10.1.1.107.8170&rep=rep1&type=pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Сергей Львович Чепель — кандидат исторических наук, доцент Департамента политологии и массовых коммуникаций, Финансовый университет; доцент кафедры теоретической и прикладной политологии, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ChepelSL@mpei.ru

ABOUT THE AUTHOR

Sergey L. Chepel — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Political Sciences and Mass Communications, Finance University, Moscow, Russia; Associate Professor, Department of Theoretical and Applied Political Sciences, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
ChepelSL@mpei.ru

Статья поступила 07.07.2020; принята к публикации 11.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 07.07.2020; accepted for publication on 11.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-23-28

УДК 327.7(045)

Этические взгляды Китая в отношении концепции Шелкового пути и нового мирового порядка

В.П. Рошманов

Российский университет дружбы народов, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-7863-9707>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается тема «Мораль и политика», анализируется процесс реформирования Китая под руководством Си Цзиньпина. Автор рассматривает Китай в качестве одного из главных политических, моральных, экономических и технологических лидеров в построении нового мирового порядка и прочного сообщества единой судьбы. Глобальная инициатива «Один пояс, один путь» (ОПОП) стала планом работы и дорожной картой создания Нового шелкового пути. Китай подает миру пример со своим новым подходом к международной дипломатии, основанным на традиционной китайской культуре. Все политические действия Поднебесной связаны с глубоким осознанием философской концепции и стратегии для полноценной реализации и продвижения глобальной инициативы ОПОП. Методология работы основывается на цивилизационном, системном, историческом и социологическом подходах.

Ключевые слова: Шелковой путь; Один пояс, один путь (ОПОП); сообщество единой судьбы; Си Цзиньпин; Китай; Европейская комиссия; Европейский союз; этические взгляды; мораль и политика; традиционная культура; международная дипломатия

Для цитирования: Рошманов В.П. Этические взгляды Китая в отношении концепции Шелкового пути и нового мирового порядка. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):23-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-23-28

ORIGINAL PAPER

Great Moralists: China's Ethical Views on the Silk Road and World Order

V.P. Roshmanov

Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-7863-9707>

ABSTRACT

The article analyses the basic moral ideas of order, the eternal theme of "Morality and Politics" and the connections between them. The policy of reforming China and the individual are also examined, at the heart of these changes is Xi Jinping. I consider China as one of the foremost political, moral, economic, and technological leaders in building a new world order. The global initiative "One Belt, One Road" (OBOR), has become a mechanism of work and outlined as a roadmap on the new Silk Road. All these political actions are associated with a deep awareness of the philosophical concept and strategy for the full implementation and promotion of the global initiative of the OBOR.

Keywords: Silk Road; "One Belt, One Road" (OBOR); Xi Jinping; China; European Commission; European Union; Ethical Views; Morality and Politics

For citation: Roshmanov V.P. Great moralists: China's ethical views on the silk road and world order. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):23-28. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-23-28

ВВЕДЕНИЕ

Этические взгляды, которые легли в основу концепции Шелкового пути, зародились еще до н.э. Исторически у Китая есть две основные моральные идеи порядка: *Тянься* (все под небесами) и *Чаогун Тикси* (система притока). Они возникли в начале правления династии Чжоу (около 1100–256 гг. до н.э.) и с тех пор сопровождают китайских политиков, философов и мыслителей. На этих идеях основывается современная этическая концепция нового международного порядка. Я выделю лишь ключевые характеристики обеих.

Традиционная культура Поднебесной лежит в основе современной концепции международной дипломатии Китая. Она имеет тысячелетний опыт и постепенно становится примером для всех других стран. Глобальная инициатива «Один пояс — один путь» (ОПОП) — это цивилизационный проект, который определит геополитический характер XXI в.

КОНЦЕПЦИЯ «ТЯНЬСЯ»

Понятие «Тянься» составляет основу традиционной китайской концепции политического порядка. Как указывает Эдвард Ван, «Чжунго» (срединное царство) указывало на центр мира, в то время как «Тянься» ссылалась на расширенный китайский мир, несмотря на его вселенские требования [1].

Кроме того, «Тянься» не подчиняется никаким географическим границам, объединяя все под властью правителя, которому передана Вселенская Сила. Мораль и авторитет Императора взаимосвязаны. «Конфуцианская концепция “Тянься” относится к идеальному моральному и политическому порядку, не допускающему территориальных границ — весь мир должен управляться мудрецом в соответствии с принципами обрядов (li) и добродетелей (de)» [2]. Мудрец, который управляет страной, — китайский император, назначенный небесами (тянь). Он держит Небесный Мандат (тяньмин), который узаконивает его власть. Таким образом, Император — Сын Неба (Тяньцзы), и он представляет высший уровень морали и этики поведения и управления. В идеале Император делает счастливыми и привлекает всех под небеса (Тянься), потому что «если люди под вашим правлением счастливы, хорошее правление будет притягивать и пробуждать позитивных людей из далеких стран» [3].

В многополярном (как нынешний) мире все ревностно хранят свои национальные традиции. Эта концепция, по мнению автора, является доказательством того, что в многополярной системе не может быть один правитель. Это система с несколькими лидерами, которые управляют своими странами и уважают суверенитет других стран. Могу сказать, что вижу воплощение этой концепции только на территории Китая. Нельзя не отметить тот факт, что Китай видит себя в качестве ядра, которое притягивает периферию. Маленькие суверенные государства — периферия — с течением времени через механизмы сотрудничества будут принимать и соблюдать правила ядра, если они захотят быть частью «большой игры».

КОНЦЕПЦИЯ «ЧАОГУН ТИКСИ»

«Чаогун Тикси» (система притоков) организовала и структурировала различные сущности в китайской системе «Тянься». Эта система двусторонняя: создание отношений других стран с Китаем и наоборот — Китая с остальным миром. Это пример концепции, которая основана на глобальной инициативе Китая: «Один пояс, один путь». Она определит геополитический горизонт нового этапа цивилизации XXI века. Здесь мы снова возвращаемся в прошлое: центр (Китайская империя) и периферия (все другие племена или вассальные государства). Китайская культура воспринималась как верхушка, а все остальные периферийные страны культуры не имели, что равносильно отсутствию суверенного государства. Как подчеркивает Чжао, «Гегемонистская природа китайской культуры в регионе породила ложную уверенность среди китайских императоров в том, что мировая иерархия была универсальной. На международной арене не было никаких других иерархий и других источников власти» [4]. Можно сказать, что в сознании китайских лидеров с древних времен все государства были «спутниками» Китая. Внутри спутников существовала самоопределенность, но противодействие Китаю считалось восстанием против установленного порядка и традиционных культурных ценностей, в частности, против концепции «сообщество единой судьбы для всего человечества» [5].

Фэй Сяотун вводит концепцию Chaxu Geju, которую он считает центральной для понимания традиционного социального порядка

Китай: окружности с ядром посередине [6]. У этого автора мы видим новые термины, которые определяют современные отношения между Китаем и остальным миром, а именно: личность, качества, которыми она обладает, и социальные отношения, которые она строит с другими людьми. Автор проводит разделительную линию между Западом и Востоком с точки зрения двухполюсных способов объединения людей. Я могу согласиться с тем, что каждый человек находится в центре своей собственной сети (эгоцентризм), и все сети взаимосвязаны. Но, в отличие от западного способа объединения, который, следуя Фею, предполагает автономию индивидов и состоит из четких границ, которые человек ставит между собой и другими (внутри/снаружи, субъект/объект, публичный/частный и т.д.), для Востока характерен коллективный подход к объединению людей. Этот способ объединения основывается на «перекрывающихся сетях людей, связанных друг с другом через дифференцированные по категориям социальные отношения» [3].

Автор пишет о том, что мир может существовать без границ и законов, основываясь только на морали и этике, чтобы они были основным механизмом контроля человеческих отношений. «Это общество, в котором преобладают соображения порядка, а не законы; и в этом контексте порядок означает, что каждый человек должен соблюдать моральные обязательства своих сетевых связей».

МОРАЛЬ И ПОЛИТИКА В КИТАЙСКОЙ ИНИЦИАТИВЕ ОПОП

Тема «Мораль и политика», а также связи между ними — это парадокс между взаимоисключающими правилами. Нелегко принять утопическое убеждение, что мораль может контролировать социальные и политические отношения в современном мире. Все коренится в основе одной из самых опасных проблем этики, а именно — принятии некоторыми индивидами аморальных средств для достижения хороших целей, т.е. речь идет «о допустимости использования насилия в борьбе за социальную и человеческую справедливость» [7].

Так или иначе, дифференциальный способ ассоциации Фэй (Chaxu geju) является важной отправной точкой для дальнейшего обсуждения. Несмотря на то, что он должен применяться с осторожностью к современному

китайскому обществу и политике, китайская концепция работы в сети поможет нам понять основные черты инициативы ОПОП.

Китай видит себя в качестве ядра, которое притягивает периферию. Маленькие суверенные государства — периферия — с течением времени через механизмы сотрудничества будут принимать и соблюдать правила ядра, если они захотят быть частью «большой игры».

Современные внутривластные и внешнеполитические концепции Китая практически полностью основываются на конфуцианских морально-этических представлениях: гармоничный мир, взаимная выгода, общество малого благоденствия, добрососедство, сообщество судьбы и «китайская мечта».

Внешняя политика Китая, подчиняющаяся Си Цзиньпину, характеризуется концепцией единой судьбы человечества. Эта концепция заключается в уважении прав государств на самостоятельное использование своей социальной системы и выбор пути развития. Согласно этой логике, в каждой стране, при установлении коллективной ответственности, должна соблюдаться свобода личности. Однако в современной истории Китая есть примеры грубого нарушения прав и свобод личности на основе религиозных и культурных принципов. Религиозная и культурная нетерпимость мусульманского сообщества является абсолютным фактом в некоторых провинциях Китая. Китайские лагеря с миллионами уйгуров, где нарушается концепция гармонии, составляют контраст с китайской доктриной единой судьбы человечества (<https://www.dw.com/ru/культурный-геноцид-власти-китая-отправляют-мусульман-уйгуров-в-лагеря/a-51425001>).

СИ ЦЗИНЬПИН — КРАСНЫЙ ИМПЕРАТОР

Когда Си Цзиньпин впервые встретился с иностранцами после вступления в должность генерального секретаря, он сказал, что между-

народное сообщество все чаще становится «сообществом судьбы» (<https://baike.baidu.com>). Это был четкий сигнал о том, что вся внешняя политика Си Цзиньпина будет основана на традиционной культуре Китая.

В политике реформирования Китая мы видим, как Си Цзиньпин ставит свою страну на политической карте мира в качестве ведущего морального лидера в построении концепции нового миропорядка. Он обрисовывает харизматический образ Китая, который в рамках международных отношений имеет стабильную этическую и политическую основу для сотрудничества, дружбы и взаимодействия, независимо от религиозной, этнической и культурной принадлежности разных стран мира.

Одним из наиболее важных шагов для международного признания этой новой концепции международных отношений стало выступление Си Цзиньпина с важной речью на 70-й Генассамблее ООН в сентябре 2015 г. Он заявил: «В современном мире все страны взаимозависимы, у них общее будущее. Мы должны подтвердить свою приверженность целям и принципам Устава ООН, создать международные отношения нового типа, ядром которых будет сотрудничество и взаимный выигрыш, построить сообщество единой судьбы, нам еще предстоит немало потрудиться. Мы должны создать систему безопасности, в основе которой будут лежать справедливость, законность, совместный вклад и коллективная выгода. В эпоху экономической глобализации безопасность всех стран взаимосвязана и взаимозависима. Ни одна страна не может обеспечить себе абсолютную безопасность только собственными усилиями, и ни одна страна не в состоянии добиться стабильности за счет нестабильности в других странах. «Сильный поедает слабого» — этот закон джунглей не подходит для межгосударственных отношений» (http://russian.china.org.cn/exclusive/txt/2015-11/02/content_36956721.htm).

Нет сомнений в том, что стабильной основой для успешных международных отношений является мир. В политической доктрине, которую Китай принимает с объявлением о глобальной инициативе — мир, экономическое сотрудничество путем улучшения инфраструктурных связей; создание торговых потоков; движение капитала и людей; консультирование в различных областях: медицине, экономике, строительстве и т.д.

Глобализация и проект ОПОП являются отправной точкой для укрепления статуса Китая

как мирового экономического и технологического лидера. Китайцы уже ставят новые стандарты в международной дипломатии, используя их для своей глобальной миссии, в которой они предлагают новый и иной международный порядок, основанный на многополярной системе. Китай создает кооперативные механизмы взаимодействия, которые приобретают имидж в форме институтов.

ШЕЛКОВЫЙ ПУТЬ XXI ВЕКА

Конкретным воплощением концепции «сообщества единого будущего для человечества» является мегапроект КНР ОПОП — «Один пояс, один путь», который призван реализовать великую идею национального возрождения — «китайской мечты» [8].

Китай преследует цель изучить политические и общественные отношения во всех странах, которые являются настоящими или будущими партнерами ОПОП, сотрудничая на разных уровнях (политическом, общественном, бизнес- и социальном) и внести философскую концепцию Нового шелкового пути. Мощная экономика имеет возможность финансировать этот процесс, который можно назвать «мозговой штурм». Визиты своих делегаций и прием иностранных делегаций: все с одной главной целью — получить необходимую информацию, которая послужит отправной точкой в следующих международных политических шагах руководства Китая. Пример того, как Китай реализует эти механизмы на мировой политической арене и в областях, имеющих первостепенное значение для национальной безопасности и интересов стран, присоединившихся к ОПОП, — «Ледовый шелковый путь», широкомасштабный проект в рамках китайской инициативы ОПОП. Арктика вызывает все больший интерес не только у арктических и приарктических стран, но и у всех государств мирового сообщества. Китай выступает в роли нерегионального игрока, однако, несмотря на это, акцентирует внимание на том, что богатства Арктики — это достояние всего мирового сообщества. Однако у России вызывает некое беспокойство, что инвестиции, научные исследования со стороны Китая — это некий способ войти в Арктический регион, продвигать в нем свои интересы и в итоге играть главную роль в развитии Арктики, а также осуществлять контроль над морскими маршрутами [9].

Возникает вопрос: насколько это морально? Не корректирует ли Китай свои политические

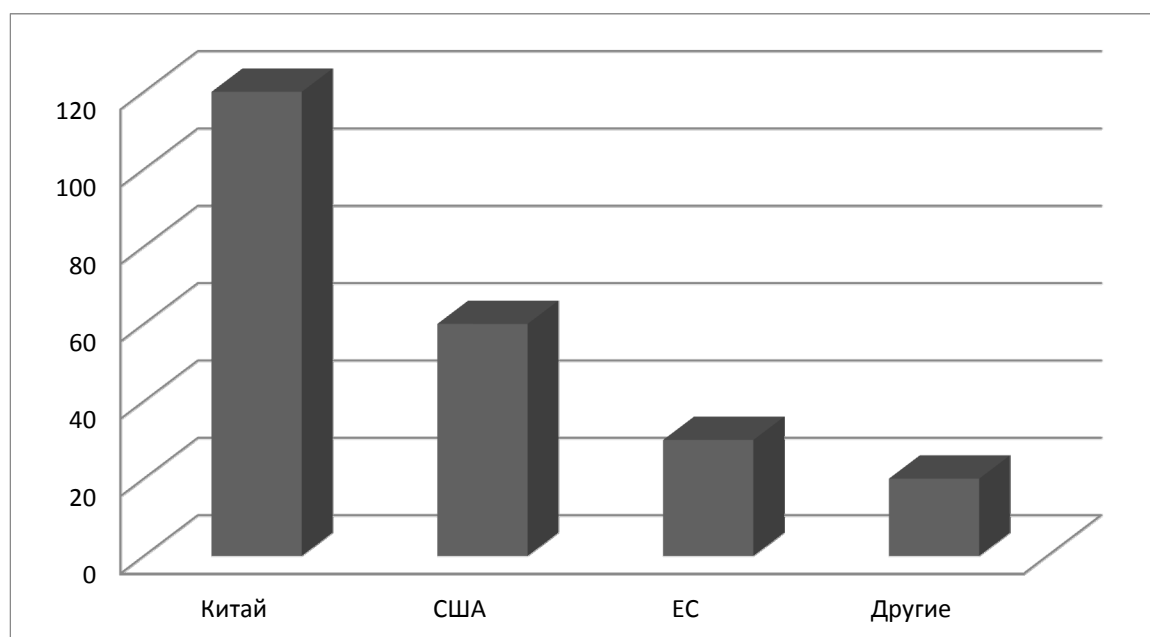

Рис. 1 / Fig. 1. Лидеры в области технологий и искусственного интеллекта 2017–2018 гг. /
Leaders in technology and artificial intelligence 2017–2018

Источник / Source: URL: <https://news.bg/society/parviyat-superkompyutar-na-balkanite-zarabotva-u-nas-do-2020-g.html>.

взгляды в соответствии с важными и насущными мировыми проблемами? По мнению автора статьи, существует опасность того, что откроется «дипломатическая дверь», за которой — красивый популизм, формирующий идеальное идеологическое видение инициативы ОПОП, выявляя потребности и предлагая конкретные решения проблем, которые явно связаны с финансовыми интересами. Короче говоря, стратегия глобальной экспансии Китая — это мировой секрет, «китайская мечта» под лозунгом «строительство сообщества единой судьбы человечества» [10]. Заявление Си Цзиньпина на Давосском форуме в 2017 г. показывает готовность Китая к роли ведущего игрока в современном процессе глобализации. Именно концепция ОПОП была предложена в качестве реального механизма строительства и модели современной глобализации. И в настоящее время Китай обладает финансовой грамотностью, чтобы реализовать эту экспансию, а также является ведущим игроком области технологий, искусственного интеллекта и прогресса. Это подтверждают ряд ведущих экспертов, в том числе, Европейский комиссар по цифровой экономике и цифровому обществу в Европейской комиссии (<https://news.bg/society/parviyat-superkompyutar-na-balkanite-zarabotva-u-nas-do-2020-g.html>).

Европейский союз отстает от Китая в области технологических достижений, что видно на гра-

фике (см. рисунок). И хотя в ЕС вскоре появятся восемь суперкомпьютеров (один из которых будет установлен в Болгарии), у объединения есть большие проблемы — демографический кризис, а также запоздалая и не столь эффективная на данный момент единая европейская политика в развитии исследований и инноваций. В Китае этих проблем не существует, поэтому он опережает ЕС в технологическом развитии в рамках новых технологий XXI в.

ВЫВОДЫ

ОПОП — не организация, а механизм сотрудничества, но он также является конкретной моделью новой концепции мирового порядка. Нет устава, нет правил, нет письменных законов, нет бюрократии, но есть мораль, которая создает условия для глобального сотрудничества, основанного на теории и практике взаимных интересов, когда все зависят друг от друга и взаимосвязаны между собой. Иногда вы даете, иногда берете, иногда делаете один шаг назад, другой раз — два шага вперед, и все это — для устойчивого развития. Это дипломатия, а в дипломатии есть этика. Налог на добавленную стоимость китайского опыта в каждой области включен в кассовый чек цивилизационного проекта ОПОП. Решение технических, деловых, медицинских, дипломатических и других задач послужит примером для всего мира, и все будут платить политическую цену за передовой опыт.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCE

1. Edward J. W. History, Space, and Ethnicity: The Chinese Worldview. *Journal of World History*. 1999;10(2):286–305.
2. Joseph C. W. Territorial Boundaries and Confucianism. Princeton, NJ: Princeton University Press; 2008.
3. Godehardt N. No End of History. A Chinese Alternative Concept of International Order? SWP Berlin; 2016.
4. Zhao S. Power Competition in East Asia: From the Old Chinese World Order to Post-Cold War Regional Multipolarity. New York: St. Martin's Press; 1997.
5. Chen Zhaohe. The Chinese cultural root of the community of common destiny for all mankind. *Advances in Social Science, Education and Humanities Research: 4th International Conference on Education, Language, Art and Intercultural Communication*; 2017.
6. Fei X. From the Soil. The Foundations of Chinese Society. University of California Press; 1992.
7. Нижников С.А. Мораль и политика: теоретические основания и практические последствия. М.: Российский ун-т дружбы народов; 2017.
Nizhnikov S.A. Moral and politics: theoretical foundations and practical consequences. Moscow: RUDN University; 2017. (In Russ.).
8. Бояркина А., Печерица В., Мефодьева С. Традиционная культура Китая в контексте концепции «общества единой судьбы для человечества». URL: <http://www.crossbordereconomy.ru/5.html>.
Boyarkina A., Pecheritsa V., Mefod'eva S. Traditional Chinese culture in the context of the concept of "community of common destiny for humanity". URL: <http://www.crossbordereconomy.ru/5.html>. (In Russ.).
9. Михайличенко К.М. Проект «Ледовый Шелковый путь» в рамках инициативы «Один пояс, один путь» как реализация интересов России и Китая в Арктическом регионе. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2019;21(2):333–345.
Mikhailichenko K.M. Project "Ice Silk Road" in the framework of the "One Belt, One Road" initiative as the implementation of the interests of Russia and China in the Arctic region. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Politologiya*. 2019;21(2):333–345. (In Russ.).
10. Лю Ижу, Авдокушин Е.Ф. Проект «Один пояс, один путь» 2.0 — стратегия стимулирования глобальной экспансии Китая. *Мир новой экономики*. 2019;13(1):67–76. DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–1–67–76.
Liu Yizhu, Avdokushin E.F. Project "One Belt, One Road" 2.0 — the strategy for stimulating China's global expansion. *Mir novoi ekonomiki*. 2019;13(1):67–76. DOI: 10.26794/2220–6469–2019–13–1–67–76. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Вадим Петров Рошманов — аспирант кафедры сравнительной политологии, Российский университет дружбы народов, Москва, Россия
Vadim.roshanov@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Vadim P. Roshmanov — Post-graduate student, Department of Comparative Political Sciences, Peoples' Friendship University of Russia, Moscow, Russia
Vadim.roshanov@gmail.com

Статья поступила 13.08.2020; принята к публикации 30.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.08.2020; accepted for publication on 30.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-29-34

УДК 32(045)

Проблема соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти в современном Казахстане

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

АННОТАЦИЯ

В современных политологических исследованиях, посвященных анализу внутриэлитных раскладов, все чаще фигурирует разделение механизмов осуществления власти на формальные и неформальные. Основанием для этого является реальная политика, влияющая на которую может ограниченный пул акторов. Исходя из этого, уместно поставить вопрос: всегда ли люди, имеющие формальный статус, могут влиять на принятие решений, или же лишь небольшая группа акторов может влиять на остальных представителей политического класса и принимать политические решения. С целью раскрытия проблемы соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти автором была взята Республика Казахстан, анализ внутриэлитного расклада в которой позволяет оценить реальный вес акторов и выделить перечень факторов, влияющих на позиции представителей элиты в вертикали власти.

Ключевые слова: Казахстан; механизмы осуществления власти; система рекрутирования элит; вертикаль власти

Для цитирования: Осинина Д.Д. Проблема соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти в современном Казахстане. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):29-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-29-34

ORIGINAL PAPER

The Interrelation between Formal and Informal Mechanisms of the Exercise of Power in Modern Kazakhstan

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

ABSTRACT

In modern political studies devoted to the analysis of intra-elite alignments, differentiation of the mechanisms of the exercise of power into formal and informal appears more and more often. The main reason for this process is real politics, which can be influenced by a limited number of actors. Therefore, the question is: can people with formal status always influence decision-making processes, or only a small group of actors can influence the rest of the political class and make political decisions. The author has taken the Republic of Kazakhstan as an example to reveal the interrelation between formal and informal mechanisms of the exercise of power. The analysis of the intra-elite alignment in Kazakhstan allows us to assess the real weight of the actors and highlight the list of factors that affect the elite's position in the chain of command.

Keywords: Kazakhstan; mechanisms of exercise of power; elite recruitment system; chain of command

For citation: Osinina D.D. The interrelation between formal and informal mechanisms of the exercise of power in modern Kazakhstan. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):29-34. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-29-34

19 марта 2019 г. президент Казахстана Нурсултан Абишевич Назарбаев сложил с себя полномочия главы государства. Исполняющим обязанности президента стал Председатель Сената Парламента Республики Казахстан Касым-Жомарт Кемелевич Токаев, который 9 июня того же года выиграл на внеочередных президентских выборах, получив поддержку не только элитных кругов, но и народа. В то же время Н. Назарбаев сумел сохранить за собой ключевые рычаги влияния на ситуацию в стране, а именно — пожизненное председательство в Совете безопасности РК, руководство политическим советом правящей партии «Нур Отан» и конституционно закрепленный за ним статус Лидера Нации (Елбасы)¹. Закрепленный за первым президентом РК статус Лидера нации дополнен целым спектром прав и полномочий, среди которых необходимость согласования внутривластного и внешнеполитического курса страны с ним, а также недопустимость воспрепятствования его законной деятельности со стороны любых акторов. Подобная ситуация многими экспертами оценивается как двоевластие. Однако во многом она вытекает из двух основных подходов к анализу политических элит — эмпирическому и нормативному, в основе которых лежит ответ на вопросы: кто правит? кто должен править? Соответственно, эмпирический подход демонстрирует явления такими, какие они есть в реальности, а нормативный исходит из долженствования в политике. Поэтому казахстанский кейс демонстрирует проблему соотношения формального статуса и реального веса в политике, которые необходимо учитывать при анализе внутриэлитного расклада в той или иной стране, а также выявлении акторов, влияющих на принятие политических решений.

С другой стороны, один из создателей теории элит, итальянский социолог Гаэтано Моска, пришел к выводу, что в любом обществе существует организованное меньшинство, «формирующее систему государственной

власти и управляющее неорганизованным большинством». Это организованное меньшинство он назвал политическим классом. Анализируя данное понятие, он исходил из того, что политический класс не является гомогенным [1]. И в реальности лишь небольшая группа акторов может влиять на остальных представителей политического класса и принимать политические решения. Большая же часть политического класса выполняет роль посредника между населением и «топовыми» представителями элиты. Задачей последних, по мнению Г. Моски, является разработка политической формулы, состоящей из доктрин и принципов функционирования власти, на которую опирается функция легитимизации господства элиты. Подобные формулы Г. Моска разделял на два типа: основанные на вере в сверхъестественное (божественный источник власти, особая миссия) и рациональные (где народ выступает источником власти). Применительно к Казахстану подход Г. Моски позволяет интерпретировать текущий расклад сил в стране и объяснить наличие пирамидально-иерархической структуры власти, где группы интересов распределены по уровням, исходя из реального аппаратного веса и наличия возможностей влиять на принятие политических решений, зачастую неформальных.

Дабы понять реальный внутриэлитный расклад сил, а также соотношение формальных и неформальных механизмов осуществления власти в современном Казахстане, рассмотрим принципы и механизмы рекрутирования элиты в республике. Так, современная казахстанская элита формируется на основе целого ряда критериев, ключевыми из которых являются:

- *национальный критерий*, подразумевающий деление по этническому принципу;
- *клановый критерий*, исходящий из принадлежности представителей элиты к одному из трех жузов² — Старшему, Среднему, Младшему;
- *семейно-родственный критерий*.

На практике в системе рекрутирования элит данные критерии имеют разный вес, и их соотношение менялось на протяжении 1991–2020 гг. Для более подробного анализа соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти выделим четыре этапа

¹ Конституционный закон Республики Казахстан от 20.07.2000 № 83-ІІ. Статья 1. Статус и полномочия Первого Президента Республики Казахстан — Елбасы. URL: https://www.akorda.kz/ru/official_documents/constitutional_laws/opervom-prezidente-respubliki-kazahstan-lidere-nacii.

² Исторически сложившееся объединение казахов.

кадровой политики в истории современного Казахстана.

Итак, первый этап приходится на временной отрезок 1991–1994 гг. и связан со становлением нового независимого государства. В данный период перед «молодым» Казахстаном стоял вопрос поиска государственно-национальной идентичности, была взята на вооружение модель «консолидации титульных этносов и легитимации этнократии» [2]. Задача подобной политики заключалась в укреплении режима и снижении влияния внешних центров силы на Казахстан. Соответственно, в этот период менялся состав политико-управленческой элиты — на смену представителям «нетитульных» наций в высшие эшелоны власти продвигались этнические казахи. Подобная политика затронула и силовые ведомства, на которые опиралось руководство молодого государства. Так, если раньше брежневская формула кадровой политики в национальных республиках подразумевала жесткое соблюдение иерархии, в рамках которой руководителем республиканского КГБ был русский, а вторым человеком в системе — представитель титульного этноса, то в декабре 1991 г. данный принцип нарушается, и главой КГБ становится Б. Баекенов (ранее был Н. Вдовин).

Помимо национального фактора, особое значение на данном этапе играет и клановый. На соотношении представителей жузов в высших эшелонах власти сказалась принадлежность Н. Назарбаева к Старшему жузу. Вторым по численности и представительности в элитных кругах стал Младший жуз. Такая тактика Н. Назарбаева в выстраивании властной иерархии обусловлена амбициями Среднего жуза и попыткой продвинуть на пост главы государства в первой половине 1990-х гг. своего представителя, известного казахского поэта и общественно-политического деятеля Олжаса Сулейманова. Для противодействия растущему влиянию оппозиции в лице Среднего жуза Н. Назарбаев вступает в коалицию с младежузовцами, чьи представители входят в политико-управленческую элиту страны. В качестве примера можно привести назначение помощником президента РК И. Тасмагамбетова в 1993 г.; министром нефтяной и газовой промышленности в 1994 г. — Н. Балгимбаева, а заместителем руководителя Аппарата Президента РК — М. Тажина. Параллельно идет уси-

ление Старшего жуза — заместителем министра иностранных дел РК становится К.-Ж. Токаев, «вызванный» с посольской работы, а руководителем Аппарата президента РК — Н. Абыкаев. Все вышеназванное свидетельствует о роли национального и кланового факторов в системе рекрутирования элит, а также демонстрирует значение неформальных механизмов осуществления власти, которые начинают формироваться на данном этапе. Выстраиваемая Н. Назарбаевым иерархия власти ранжирует представителей политико-управленческой элиты в зависимости от близости к первому лицу, и особую роль в этом процессе играет клановый фактор. Более того, учитывая, что жузы — родоплеменные объединения, имеющие территориальную привязку, продвижение в политико-управленческую элиту страны выходцев из родного села Н. Назарбаева — Чемолган — также свидетельствует об особой роли кланового фактора и росте влияния неформальных механизмов осуществления власти.

Итальянский социолог Гаэтано Моска, пришел к выводу, что в любом обществе существует организованное меньшинство, «формирующее систему государственной власти и управляющее неорганизованным большинством».

Далее идет второй этап, временные рамки которого 1995 г. — середина 2000-х гг. Для данного периода характерно дальнейшее усиление роли неформальных механизмов осуществления власти — параллельно увеличению аппаратных позиций Н. Назарбаева в Казахстане выстраивалась вертикаль власти, на вершине которой находился президент. Победа над оппозицией и ослабление Среднего жуза позволили Н. Назарбаеву закрепить рычаги влияния на политическую ситуацию в стране за собой. Вместе с тем внутриэлитная турбулентность первой половины 1990-х гг. поставила на повестку вопрос о формировании лояльной президенту команды в рядах политико-управленческой элиты. Поэтому с середины 1990-х гг.

особую роль в системе рекрутирования элиты начинает играть семейно-родственный фактор. Так, в управленческую элиту республики рекрутируются родственники Н. Назарбаева, в числе которых племянник президента А. Есимов (первый заместитель премьер-министра, Председатель Государственного комитета РК по инвестициям, позднее — руководитель Администрации Президента РК, 1994–1998 гг.). Первые шаги в политике и бизнесе делает старшая дочь Елбасы Дарига Назарбаева (медиа-империя «Хабар»; собственный партийный проект «Асар», избрание в Мажилис в 2004 г.), экс-супруг Дариги Назарбаевой Рахат Алиев делает карьеру по линии силовых структур. А средний зять Тимур Кулибаев начинает свой путь в нефтегазовых структурах, став в 1997 г. вице-президентом по экономике и финансам в компании «Казахойл».

Таким образом, на данном этапе в экспертных кругах все чаще начинает фигурировать понятие «семья президента», что отражает новый ключевой принцип формирования управленческой элиты в Республике Казахстан.

На третьем этапе (вторая половина 2000-х — 2013 г.) идет балансирование между представителями «старой гвардии» (младшежузовцы и старшежузовцы, попавшие в управленческую элиту на первом этапе) и членами семьи Н. Назарбаева. Среди представителей «старой гвардии» растет аппаратный вес К. Масимова, ставшего в 2007 г. премьер-министром страны, М. Тажина, назначенного в 2009 г. на пост секретаря Совета Безопасности РК, Н. Абыкаева, возглавившего Комитет национальной безопасности (КНБ) в 2010 г. Соответственно, на данном этапе особую роль в системе рекрутирования элиты играет лояльность и преданность лично Н. Назарбаеву, а уже потом клановый и иные факторы. Маркером для формирования подобной сбалансированной модели элитообразования стало открытое проявление Р. Алиевым личных амбиций с целью занять пост главы государства и соответствующая поддержка со стороны Д. Назарбаевой.

И, наконец, четвертый этап, начавшийся в 2014 г. и продолжающийся по сегодняшний день, связан со снижением аппаратного веса целого ряда игроков и сокращением числа акторов, входящих во властную вертикаль. На протяжении всего периода идет ранжирование представителей элиты в рамках структурно-

иерархической пирамиды власти в зависимости от доступа к первому лицу и ресурсного потенциала. На верхних уровнях «пирамиды» находятся члены семьи Н. Назарбаева. Подобный тренд в кадровой политике республики связан с преклонным возрастом Елбасы, которому в 2014 г. было 74 года, и постепенной подготовкой транзита власти. Соответственно, основной задачей является укрепление и подготовка позиций «семьи» к периоду ухода Н. Назарбаева из большой политики. Для этого Н. Назарбаев провел целый ряд назначений, закрепив за ближайшими родственниками стратегически важные позиции, позволяющие им гарантировать личную безопасность, а также в перспективе обеспечить «мягкий» транзит власти в республике.

Так, наиболее устойчивые позиции в системе власти, так называемый «пул» казахстанской элиты, имеют С. Абиш, племянник Н. Назарбаева и Т. Кулибаев, средний зять Елбасы. До недавнего времени на одном уровне с ними стояла Д. Назарбаева. Особый статус С. Абиша, с 2015 г. назначенного на пост первого заместителя председателя Комитета национальной безопасности (КНБ), предопределен возросшим уровнем влияния силовиков в системе власти. А учитывая опыт соседнего Узбекистана, где после смерти И. Каримова 2 сентября 2016 г. Служба национальной безопасности под руководством Рустама Иноятова сыграла особую роль в бескровном транзите власти, данное назначение Н. Назарбаева работает на перспективу и подстраховывает как его личные позиции, так и ситуацию в стране в целом. Более того, «приход» в КНБ близкого родственника Елбасы связан с необходимостью поддержания внутриэлитного баланса и недопустимостью чрезмерного «усиления» К. Масимова, председателя КНБ в системе власти. Помимо родственных связей с Н. Назарбаевым, на аппаратных позициях С. Абиша положительно отражается и его статус в рамках воинской иерархии — будучи генерал-лейтенантом, он стоит выше генерал-майора К. Масимова, что также сказывается на соотношении формальных и неформальных механизмов осуществления власти в силовом ведомстве.

Другой представитель элиты — Т. Кулибаев, несмотря на отсутствие официальных политических должностей, имеет особый статус в системе власти и вполне может быть отнесен

Рис. 1 / Fig. 1. **Пирамидально-иерархическая структура власти / The pyramidal-hierarchical structure of power**

Источник / Source: [4].

к «топовому» уровню элиты. С 2013 г. Т. Кулибаев руководит Национальной палатой предпринимателей «Атамекен», задача которой — объединить на своей платформе ключевых представителей бизнеса и выстроить диалог между бизнес-структурами и государством [3]. На практике задачей Т. Кулибаева также является обеспечение лояльности режиму и отдельно семье Н. Назарбаева.

И, наконец, Дарига Назарбаева, которая также относится к пулу казахстанской элиты, до недавнего времени являлась спикером Сената — вторым человеком в формальной государственной иерархии согласно Конституции РК. На сегодняшний день за ней закреплён статус «медиапринцессы» ввиду фактической монополии на медиарынке республики. Контроль за информационным пространством республики вкупе с близостью к Н. Назарбаеву наделяет ее особым статусом во властной иерархии.

Таким образом, анализ принципов и механизмов рекрутирования элиты позволяет представить реальный внутриэлитный расклад сил в республике в виде пирамидально-иерархической структуры власти, на вершине которой, несмотря на сложение президентских полномочий, продолжает оставаться Н. Назарбаев (см. рисунок).

Логика подобного вывода заключается в следующем: помимо сохранения рычагов влияния на политическую ситуацию в стране за собой, Н. Назарбаеву за годы президентства удалось выстроить «вертикаль власти», замыкающуюся на нем. И ключевыми бене-

фициарами существующей системы являются как раз-таки представители данной властной «пирамиды», имеющие помимо аппаратного веса еще и серьезный ресурсный потенциал. А увеличение аппаратного веса ближайшего окружения Н. Назарбаева позволило им самим формировать вокруг себя клиентелу, лояльные им, что еще сильнее укрепило и «законсервировало» сложившуюся систему. Ситуация может кардинально измениться только после ухода Н. Назарбаева с политической арены. Именно тогда и наступит реальный транзит власти и переформирование «правил игры». А до тех пор, пока внутренняя ситуация подконтрольна ему, и внешние центры силы считаются с его «топовым» статусом (что видно на примере недавнего визита Госсекретаря США М. Помпео, встретившегося с Елбасы, а также государственных визитов В. Путина и С. Цзиньпина), сложившийся внутриэлитный расклад продолжает функционировать.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что по мере укрепления личных позиций Н. Назарбаева росло и значение неформальных механизмов осуществления власти. Сформированная им властная вертикаль опирается на лояльность и личную преданность ему, а ключевыми каналами рекрутирования элиты выступили клановый и семейно-родственный факторы. На сегодняшний день внутриэлитный консенсус в Казахстане во многом опирается именно на семейно-родственный фактор. А ввиду сохранения «топового» статуса Н. Назарбаева во властной иерархии налицо пробле-

ма соотношения формальных и неформальных механизмов осуществления власти. Завязанная на конкретную персону система таит в себе серьезную опасность — окончательный уход

с политической арены Н. Назарбаева повлечет за собой переигрывание сложившихся правил и, как следствие — формирование новых внешнеполитических ориентаций Казахстана.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Современная политическая наука: Методология. О. В. Гаман-Голутвина, А. И. Никитин, ред. М.: Аспект Пресс; 2019.
2. Осинина Д. Д. «Смена караула»: кадровый резерв Центрально-Азиатских элитных сообществ. М.: ИНФРА-М; 2020. 224 с.
3. Осинина Д. Д. Борьба ведущих мировых держав за формирование «кадрового резерва» элитного сообщества Казахстана в контексте стартовавшего транзита власти. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;3(39):18–24.
4. Осинина Д. Д. Элитные группы Центральной Азии в большой геополитической «игре» России, КНР и США в начале XXI века. М.: ИНФРА-М; 2018. 147 с.

REFERENCES

1. Contemporary Political Science: Methodology. O. V. Gaman-Golutvina, A. I. Nikitin, (Eds.). Moscow: Aspect Press; 2019. (In Russ.).
2. Osinina D. D. "Changing of the Guard": the personnel reserve of the Central Asian elite communities. Moscow: INFRA-M; 2020. (In Russ.).
3. Osinina D. D. The struggle of the leading world powers for the formation of a "personnel reserve" of the elite community of Kazakhstan in the context of the starting transit of power. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;3(39): 18–24. (In Russ.).
4. Osinina D. D. Elite groups of Central Asia in the tremendous geopolitical "game" of Russia, China and the United States at the beginning of the XXI century. Moscow: INFRA-M; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирантка 2-го года обучения Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
DDOsinina@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Daria D. Osinina — 2-year postgraduate student at the Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
DDOsinina@fa.ru

Статья поступила 16.09.2020; принята к публикации 15.10.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 16.09.2020; accepted for publication on 15.10.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-35-42

УДК 327(045)

Общественная дипломатия как инструмент международного позиционирования: сравнительный анализ политических практик Великобритании и России

Е.А. Данилова^а, Т.Ю. Артамонов^б

^а Финансовый университет, Москва, Россия;

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

^б Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-6152-1139>; ^б <https://orcid.org/0000-0002-7163-9392>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу особенностей применения инструмента общественной дипломатии Россией и Великобританией и влиянию общественной дипломатии на формирование национальных брендов стран. В результате исследования выявлено, что потенциал Великобритании в области применения «мягкой силы» выше, чем потенциал России. Сделаны выводы о причинах сложившейся ситуации и даны определенные рекомендации по улучшению позиций России в области развития потенциала «мягкой силы». При исследовании использовались институциональный, исторический и сравнительный методы. Эмпирической базой исследования являются статьи ученых, изучающих общественную дипломатию и «мягкую силу» в России и Великобритании, а также сайты организаций, ответственных за осуществление национальной общественной дипломатии и развитие «мягкой силы».

Ключевые слова: общественная дипломатия; публичная дипломатия; «мягкая сила»; национальный бренд; национальный брендинг; инструменты общественной дипломатии; благоприятный имидж; Британский совет

Для цитирования: Данилова Е.А., Артамонов Т.Ю. Общественная дипломатия как инструмент международного позиционирования: сравнительный анализ политических практик Великобритании и России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):35-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-35-42

ORIGINAL PAPER

Public Diplomacy as an Instrument of International Positioning: A Comparative Analysis of the Political Practices of Great Britain and Russia

E.A. Danilova^a, T. Yu. Artamonov^b

^aFinancial University, Moscow, Russia; National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

^bFinancial University, Moscow, Russia

^a<https://orcid.org/0000-0002-6152-1139>; ^b<https://orcid.org/0000-0002-7163-9392>

ABSTRACT

This article is devoted to the analysis of the features of the public diplomacy tool in Russia and Great Britain and the influence of public diplomacy on the formation of national brands. Based on the results of the study, the authors concluded that the potential of the U.K. in the field of “soft power” use is higher than the one in Russia. We explained the reasons for the current situation and made recommendations to improve Russia’s position in the field of developing the potential of “soft power”. In our research, we used institutional, historical, and comparative methods. The empirical basis of the study is the articles of scientists studying public diplomacy and “soft power” in Russia and the U.K., as well as the sites of organizations responsible for the implementation of national public diplomacy and the development of “soft power”.

Keywords: public diplomacy; “soft power”; national brand; national branding; public diplomacy tools; favourable image; British Council

For citation: Danilova E.A., Artamonov T. Yu. Public diplomacy as an instrument of international positioning: A comparative analysis of the political practices of Great Britain and Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):35-42. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-35-42

Наличие сформированного, узнаваемого и притягательного бренда страны открывает большие возможности для развития международной кооперации и сотрудничества и является эффективным инструментом продвижения государственных интересов в мире. С этой целью страны используют общественную дипломатию как инструмент воздействия «мягкой силы» на международные политические и экономические процессы в других странах. В эпоху развития средств массовых коммуникаций, когда существует множество способов быстрой передачи информации для формирования общественного мнения, наблюдаются коренные изменения в построении мировой политики и структуре международных отношений. Дипломатия стала зависимой от современных средств воздействия на общественное мнение и репутационных параметров государства.

Ключевой силой в формировании значений и смыслов в международной политике стали социальные медиа, изменив природу публичной дипломатии международных акторов, в том числе США и Великобритании, использующих теперь Web 2.0. для создания благоприятного мнения среди международной общественности. Публичная дипломатия 2.0. формирует горизонтальные сетевые связи с привлечением общественности вместо вертикальных иерархий [1]. Дж. Раджул и Л. Уиннер отмечают ключевую роль связей с общественностью и формированием репутации страны, влияющей на рост ее экономических показателей (производительности, туризма, международной торговли) [2]. Социальные медиа все больше используются в качестве канала для корпоративной коммуникации, а также для общественной дипломатии в поддержании национального самосознания и единства [3] и как новый инструмент публичной дипломатии в глобальном информационном мире могут быть задействованы в целях реализации стратегии национального брендинга.

Общественную дипломатию можно охарактеризовать как комплекс мер правительственных и неправительственных общественных структур по взаимодействию с иностранными сообществами и формированию у них положительного образа представляемой страны для достижения политических и экономических целей, которые реализуется с помощью таких механизмов, как передача объективной информации о стране и формирование ее бренда через современные

средства массовой коммуникации, а также проведение образовательного обмена.

Общественная дипломатия тесно связана с концепцией «мягкой силы», которую сформулировал американский политолог Дж. Най в 1990 г. [4]. «Мягкая сила» заключается в способности формировать предпочтения других за счет нематериальных активов, таких как культура, образование, политические ценности и институты и др. Использование механизмов «мягкой силы» позволяет государствам оказывать влияние на другие страны даже при ограниченности собственных инструментов «жесткой силы» и в условиях современного миропорядка, когда открытое применение «жесткой силы» порицается международным сообществом. Выявлено, что у брендинга страны есть значительное совпадение с публичной дипломатией [5–7], а это значит, что недооценка важности инструмента общественной дипломатии может негативно сказаться на формировании национального бренда государства.

Сравнительный анализ общественной дипломатии России и Великобритании указывает на наличие у России ряда проблем (недостаточное финансирование, отсутствие скоординированной деятельности по развитию общественной дипломатии, неразвитость горизонтальных связей между организациями, осуществляющими общественную дипломатию в России и др. [8]), которые препятствуют реализации полного потенциала в области формирования положительного имиджа страны. В пользу успеха общественной дипломатии Великобритании говорят устойчивые политические институты, развитая экономика, наука и технологии (как базис для убедительного транслирования национальных ценностей) и частично то, что длительное время Великобритания была крупнейшей колониальной империей. После окончания Второй мировой войны, когда в мире образовались две крупнейшие сверхдержавы, а у Великобритании были значительные экономические трудности (следствием чего стал процесс деколонизации и развал Британской империи), возможности применения «жесткой силы» Великобританией стали ограничены. Особенно остро это ощущалось после Суэцкого кризиса, во время которого США оказали на страну дипломатическое давление, и Великобритания была вынуждена вывести войска из Египта. В связи с этим в новом биполярном мире стране потребовалось сделать акцент на применении «мягкой силы», для того чтобы

иметь возможность влиять на политику других стран. «Мягкой силе» уделено большое внимание в Национальной стратегии безопасности Великобритании и Стратегическом обзоре обороны и безопасности, а в 2013–2014 гг. Палата лордов создала Комитет по «мягкой силе», который провел общественные слушания и подготовил доклад с рекомендациями для правительства. Кроме того, в формирование благоприятного имиджа Великобритании значительный вклад внесли негосударственные акторы, в большей степени — бизнес [9].

Высокой эффективности использования инструментов «мягкой силы» в Великобритании способствуют следующие факторы:

- высокий уровень жизни населения, развитая экономика, политическая система и богатая культура, что является необходимыми условиями для успешного действия «мягкой силы»;
- большой опыт взаимодействия с подконтрольными (колониальными) государствами, как результат — выработана стратегия «мягкой силы» и преимущества ее использования;
- большое внимание к концепции «мягкой силы» со стороны британской политической элиты;
- участие многочисленных неправительственных акторов (таких как коммерческие компании, неправительственные организации, бизнес-ассоциации и учреждения высшего образования) в работе по расширению влияния «мягкой силы».

Результативность данной политики подтверждается высокими рейтингами Великобритании в различных индексах, измеряющих потенциал использования «мягкой силы» и репутацию страны, а также тем фактом, что большинство стран бывших колоний состоят в Содружестве наций. В Великобритании не существует документа, регламентирующего цели общественной дипломатии, однако, ее цели можно отождествить с теми, которые в 1987 г. Министерство иностранных дел и по делам Содружества установило в рамках реализации культурной дипломатии:

1. Передавать образ Британии как творческого, хорошо интегрированного и смотрящего вперед общества, основанного на либеральных ценностях — общественной и культурной модели, которой стоит подражать и доверять.

2. Обеспечивать уважение и понимание британского народа и его достижений.

3. Исправлять неправильное и неблагоприятное впечатление о Великобритании.

4. Объяснять британскую политику и интересы иностранным ответственным лицам и лидерам общественного мнения.

5. Обеспечивать британские экономические интересы за рубежом, включая экспорт британских товаров и услуг.

Основным органом, осуществляющим общественную дипломатию, является Британский совет — международная организация, устанавливающая культурные связи между Великобританией и другими странами, предоставляющая образовательные возможности для иностранцев, а также формирующая положительный образ Великобритании за границей (<https://www.britishcouncil.org/about-us>). Организация была создана в 1934 г. Она сотрудничает более чем со 100 странами. Задачами Британского совета являются: обеспечение культурного взаимодействия и понимания между людьми Великобритании и других стран; продвижение широких знаний о Великобритании; содействие распространению английского языка в мире; поощрение культурного, научного, технологического и образовательного сотрудничества между Великобританией и другими странами; развитие образования¹.

Методами осуществления общественной дипломатии Британским советом являются публикация различных материалов о культуре Великобритании, обучение английскому языку, улучшение образовательных условий в развивающихся государствах, помощь талантливым художникам и обмен студентами. 85% бюджета организации формируется за счет преподавания английского языка и сдачи экзаменов, а также различных партнерских выплат. 15% Британский совет получает в результате финансирования от Министерства иностранных дел и по делам содружества. Общий бюджет организации в 2019 г. составил 1 млрд 351 млн фунтов. Британский совет координирует свою деятельность с государственными органами Великобритании, а также правительствами ее отдельных частей (Правительство Шотландии, Уэльса и Северной Ирландии)².

Британский совет работал в России с 1992 г. Ранее он имел 15 представительств на территории России в крупных городах. Деятельность Британского совета в России была прекращена в 2018 г.

¹ Corporate Plan 2019–2020. British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/corporate-plan-2019-20.pdf>.

² How we work. British Council. URL: <https://www.britishcouncil.org/about-us/how-we-work>.

в связи с обострением российско-британских отношений из-за «дела Скрипалей» (<https://www.bbc.com/russian/features-43442807>). Официальной причиной закрытия Совета является «неурегулированность статуса» (статус Британского совета отсутствует в российском законодательстве). Однако фактической причиной закрытия Совета являются ответные санкции России в связи с применением санкций Великобританией. Все культурные и образовательные программы Британского совета в России также были прекращены. Это не первая политическая ситуация подобного рода: в связи с обострением российско-британских отношений в 2007–2008 гг. региональные отделения Совета также были закрыты с аналогичной официальной формулировкой «неопределенный статус». В связи с ухудшением дипломатических отношений России и Великобритании результативность британской общественной дипломатии в России также сократилась. Данное обстоятельство указывает на сохранение ценности традиционной дипломатии и необходимость ее гармоничного сочетания с дипломатией общественной.

Важным каналом трансляции Великобритании по ключевым вопросам в области политики и международных отношений, осуществляющим общественную дипломатию, является BBCWorldService. На сегодняшний день еженедельная аудитория службы составляет 279 млн чел., четверть из которых — люди в возрасте от 15 до 24 лет³. Такая значительная аудитория, доступность передачи информации на множестве языков и в разных частях света делают Всемирную службу BBC мощным инструментом общественной дипломатии Великобритании.

Главным национальным символом в Великобритании является королевская семья. Институт монархии — важная часть благоприятного национального бренда Великобритании. Интерес к монархии поддерживается британскими СМИ, культивируется и оплачивается британским обществом, привлекая в страну многочисленных туристов. Кроме того, элементами общественной дипломатии являются британские футбольные клубы, автомобилестроение и автомобильные выставки ретроавтомобилей, международные садовые выставки, музыкальные фестивали, скачки, модная индустрия и многое другое. Великобритания обладает великим историческим и культурным

наследием, что в совокупности с устойчивыми политическими институтами и высоким уровнем жизни формируют хорошую основу для благоприятного восприятия страны в мире.

Для проведения оценки эффективности инструментов «мягкой силы» России и Великобритании ниже приведена *таблица* с рейтингами, измеряющими показатели потенциала использования «мягкой силы», бренд страны и репутацию страны.

Soft Power 30 — индекс, составляемый британской некоммерческой организацией «Институт управления» в партнерстве с журналом *Monocle*. Такие высокие позиции Великобритании в данном индексе объясняются страной происхождения данного исследования, так как в других индексах позиции Великобритании не так высоки. Индекс определяет потенциал «мягкой силы» различных стран. С этой целью анализируется около 50 показателей, которые объединены в 5 категорий: государственное управление, культура, дипломатия, образование и бизнес/инновации. Кроме того, используется методика экспертной оценки приглашенных специалистов, которые определяют ряд субъективных параметров. Future Brand Country Index — индекс, составляемый консалтинговым агентством Future Brand. Исследование строится на основе опроса мнения граждан, которые часто путешествуют в другие страны по делам или в качестве туристов, а также «лидеров мнений» (узнаваемость бренда страны, ассоциации с ним и готовность порекомендовать посещение определенной страны другим людям). Как видно из данного рейтинга, простые жители разных стран гораздо выше оценивают Россию, чем иностранные эксперты по «мягкой силе», что является точкой роста для развития общественной дипломатии в нашей стране. Country Rep Track — индекс, составляемый консалтинговым агентством Reputation Institute. Индекс базируется на опросе общественного мнения стран G8 на основе эмоциональных (чувства, уважение, восхищение и доверие) и рациональных (оценка экономики, системы управления) факторов.

Несмотря на высокую долю субъективности и возможность оказания влияния на общественное мнение, существенно более низкие показатели нашей страны, по сравнению с Великобританией, требует изучения проблем общественной дипломатии в России и подхода к их решению в Великобритании. Во-первых, одной из главных проблем общественной дипломатии в России является отсутствие единого понимания данного концепта.

³ Global news services. BBC. URL: <https://www.bbc.co.uk/aboutthebbc/whatwedo/worldservice>.

Таблица 1 / Table 1

Сравнительный анализ позиций России в Великобритании в рейтингах SoftPower 30, FutureBrandCountry, IndexCountryRepTrack / Comparative analysis of Russia's positions in the U.K. in the SoftPower 30, FutureBrand Country, IndexCountryRepTrack ratings

Индекс	Методология оценки	Предмет оценки	Место России в рейтинге	Место Великобритании в рейтинге
Soft Power 30	Комбинация показателей различных источников и рейтингов и экспертная оценка	Потенциал «мягкой силы»	30	2
Future Brand Country Index	Опрос общественного мнения	Бренд страны	27	19
CountryRepTrack	Опрос общественного мнения стран G8	Репутация страны	51	18

Источник / Source: Overall Ranking. The Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com/>; Future Brand Country Index. Future Brand. URL: <https://www.futurebrand.com/futurebrand-country-index>; Overall Ranking. The Soft Power 30. URL: <https://softpower30.com>.

Существует мнение, что общественная дипломатия — это взаимодействие на уровне специализированных неправительственных организация (НПО), в то время как ее деятельность имеет более широкий спектр [10]. При том, что в Великобритании определение и цели общественной дипломатии и «мягкой силы» также не зафиксированы в каких-либо концептуальных документах [11], британская политическая элита уделяет большое внимание общественной дипломатии как важному составляющему элементу своей внешней политики, в которой активно задействован, в том числе, британский бизнес.

Вместе с тем политическое руководство РФ также заявляет о стремлении способствовать развитию общественной дипломатии. Впервые о важности позитивного восприятия России в мире было заявлено в Концепции внешней политики РФ 2000 г. В Концепции внешней политики России 2016 г. зафиксировано, что важным направлением внешнеполитической деятельности Российской Федерации является доведение до широких кругов мировой общественности полной и точной информации о ее позициях по основным международным проблемам, и в рамках публичной дипломатии Россия будет добиваться объективного восприятия ее в мире, развивать собственные эффективные средства информационного влияния на общественное мнение за рубежом, обеспечивать усиление позиций российских средств массовой информа-

ции в мировом информационном пространстве, предоставляя им необходимую государственную поддержку (<http://static.kremlin.ru/media/events/files/41d447a0ce9f5a96bdc3.pdf>). Важными направлениями современной российской общественной дипломатии являются: сохранение исторической правды и роли СССР в победе над нацизмом во Второй мировой войне, популяризация русской культуры и русского языка в мире, сохранение за русским языком статуса одного из ведущих, а также работа с соотечественниками за рубежом и защита их интересов и прав.

С этой целью в России начали работу несколько организаций, главная из которых — Федеральное агентство по делам Содружества Независимых Государств, соотечественников, проживающих за рубежом, и по международному гуманитарному сотрудничеству, также известное как Россотрудничество. Организация проводит различные культурные мероприятия, способствует культурному и образовательному обмену, участвует в оказании помощи соотечественникам за рубежом и поддерживает важные для России историко-мемориальные объекты. Другой организацией является Фонд поддержки публичной дипломатии имени А.М. Горчакова, созданный в 2010 г. Учредителем фонда выступает Министерство иностранных дел Российской Федерации. Миссия фонда: «Поощрение развития сферы публичной дипломатии, а также содействие в формировании благоприятного для России общественного, политического

и делового климата за рубежом»⁴. Похожей деятельностью занимается фонд «Русский мир», цель которого — популяризация русского языка и поддержка программ изучения русского языка в Российской Федерации и за рубежом.

В целом для России вопрос управления международной репутацией и глобального позиционирования является крайне актуальным, и она находится в поиске каналов и средств влияния на международную общественность. Каналом трансляции российской точки зрения по ключевым вопросам в области международных отношений является функционирующий с 2005 г. Russia Today (RT), транслирующий информацию на шести языках. Это конкурент BBC World Service, CNN и Euronews и самый популярный новостной YouTube-каналом в мире, обладающий твердой пророссийской позицией, направленной на предотвращение проигрыша в битве имиджей.

Сам институт общественной дипломатии в России, где созданием концепции «мягкой силы» заинтересовались только в начале 2000-х гг., после распада СССР и формирования нового государственного образования, значительно моложе. Свой новый имидж страна начала формировать со сменой политической системы на волне экономических трудностей. Во многом поэтому у представителей власти и экспертного сообщества до сих пор не сформировалось единого понимания общественной дипломатии и ее целей. Чтобы внести ясность предлагается концептуализировать общественную дипломатию России [12], создать документ, который содержал бы определение общественной дипломатии, ее основные направления, список основных организаций, осуществляющих общественную дипломатию и описание роли министерства иностранных дел. Также было бы полезно создать единый координационный центр общественной дипломатии.

Во-вторых, проблемой для общественной дипломатии в России является недостаточное финансирование программ. Общий бюджет организаций, занимающихся общественной дипломатией, составляет в среднем 5 млрд руб. в год (<http://rs.gov.ru/%20/news/33280>). В Великобритании бюджет только одного Британского Совета в 2019 г. составил 1 млрд 351 млн фунтов, что примерно равняется 110 млрд руб. (<https://www.britishcouncil.org/sites/default/files/corporate-plan-2019-20.pdf>). Для

увеличения финансирования необходимо вести разъяснительную работу, дающую информацию о том, что такое общественная дипломатия, какую выгоду влечет за собой ее осуществление, какие мероприятия проводят различные организации и как это отражается на репутации России. Кроме того, предлагается разработать систему долгосрочных грантов с использованием «долгих денег», в том числе сроком на 2–3 года. Подобные гранты должны выдаваться неправительственным коммерческим организациям (НКО) с хорошей репутацией и уже имеющимся опытом реализации подобных проектов [12].

В-третьих, проблемой деятельности общественной дипломатии в России является нехватка квалифицированных кадров. В Великобритании для повышения квалификации будущих специалистов в области общественной дипломатии действуют специальные магистерские программы в университетах, имеющих международную и политологическую направленность, курсы повышения квалификации на базе организаций, занимающихся общественной дипломатией. В России также следует развивать подобные образовательные практики.

В-четвертых, проблемная точка в реализации стратегии общественной дипломатии в России — неразвитость горизонтальных связей. Слабо развита кооперация между отдельными структурами. Необходимо способствовать проведению регулярных встреч и мероприятий для представителей данных организаций для выработки основных направлений деятельности, целей и вариантов решения определенных проблем.

В-пятых, уязвимость стратегии общественной дипломатии определяет короткий период внедрения и осуществления общественной дипломатии в России. Общественная дипломатия преследует долгосрочные стратегические цели, которые достигаются в течение многих лет. Для формирования или реформирования бренда страны необходим продолжительный период. Национальный бренд современной России начал складываться относительно недавно.

В-шестых, важной проблемой, препятствующей формированию благоприятного бренда страны, является низкий уровень социально-экономического развития. Для успешного продвижения «мягкой силы» в мире России необходимо стремиться к преодолению социально-экономических проблем и повышению уровня жизни в стране.

Для формирования благоприятного национального бренда нужно, чтобы страна обладала

⁴ Фонд поддержки публичной дипломатии имени А. М. Горчакова. URL: <https://gorchakovfund.ru/about/>.

значительными ресурсами «мягкой силы», которые делают привлекательными ее модели социально-экономического, политического и культурного развития. Современные геополитические вызовы, с которыми приходится сталкиваться России на мировой арене, требуют наращивания потенциала общественной дипломатии: как в отношении глобальных оппонентов и постепенной нормализации политического климата на западном направлении, так и для формирования благоприятных отношений с потенциальными альтернативными партнерами России, в том числе в области восточного вектора международной политики. Немаловажно активизировать применение технологий общественной дипломатии и на постсоветском пространстве, что будет способствовать укреплению глобальной субъектности России.

Хорошей базой для формирования устойчивого национального бренда России является русская культура — одна из самых узнаваемых

в мире (литература, музыка, изобразительное и театральное искусство, балетная школа), приверженность традиционным семейным и нравственным ценностям. Также убедительная основа для формирования привлекательного имиджа России — научные достижения России, успехи отдельных национальных научных школ и инновационные компетенции отдельных отраслей (оборонной и космической). Для формирования привлекательного образа России в мире необходимо обеспечить повышение уровня жизни россиян и социально-экономического развития страны. Реализация успешной модели экономического роста на основе политики инноваций в стратегически значимых отраслях промышленности совместно с эффективным применением инструментов общественной дипломатии будет способствовать созданию положительной репутации страны, демонстрируя миру ее сильные и привлекательные стороны [13–14].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Iosifidis P., Wheeler M. Public Diplomacy 2.0 and the Social Media. Public Spheres and Mediated Social Networks in the Western Context and Beyond. Palgrave Global Media Policy and Business. London: Palgrave Macmillan; 2016:149–173.
2. Rajul J., Winner L.H. Country reputation and performance: The role of public relations and news media. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2013;9(2):109–123.
3. Cull N.J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in U.S. public diplomacy. *International Studies Review*. 2013;15(1):123–139.
4. Nye J. Bound to lead: The changing nature of American power. New York: BasicBooks; 1990. 307 p.
5. Pamment J. Towards a new conditionality? The convergence of international development, nation brands and soft power in the British National Security Strategy. URL: <https://doi.org/10.1057/s41268-016-0074-9>.
6. Clarke D., Cento Bull A., Deganutti M. Soft power and dark heritage: multiple potentialities. *International Journal of Cultural Policy*. 2017;23(6):660–674.
7. Winter T. Heritage Diplomacy. *International Journal of Heritage Studies*. 2015;21(10):997–1015.
8. Лебедева О. Особенности института публичной дипломатии в России. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315>.
9. Харитонов Е.М. «Мягкая сила» Великобритании: сравнительный анализ механизмов, инструментов и практик. *Сравнительная политика*. 2017;(1):5–19.
10. Долинский А. Что такое общественная дипломатия и зачем она нужна. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna->.
11. Шелепов А.В. Факторы успеха политики «мягкой силы» Великобритании. *Вестник международных организаций*. 2014;(2):10–27.
12. Бурлинова Н., Шакиров О., Иванченко В., Василенко П. 10 шагов на пути к эффективной публичной дипломатии России. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/10-shagov-na-puti-k-effektivnoy-publichnoy-diplomatii-rossii>.
13. Данилова Е.А. Инновационный потенциал предприятий ОПК как фактор повышения качества жизни в контексте формирования стратегии национального брендинга. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2020;1(53):197–204.
14. Данилова Е.А. Стратегия формирования национального бренда России в аспекте инновационного потенциала оборонно-промышленного комплекса РФ. *Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология*. 2019;3(51):178–182.

REFERENCES

1. Iosifidis P., Wheeler M. Public Diplomacy 2.0 and the Social Media. In: Public Spheres and Mediated Social Networks in the Western Context and Beyond. Palgrave Global Media Policy and Business. London: Palgrave Macmillan; 2016:149–173.
2. Rajul J., Winner L.H. Country reputation and performance: The role of public relations and news media. *Place Branding and Public Diplomacy*. 2013;9(2):109–123.
3. Cull N.J. The long road to public diplomacy 2.0: The Internet in U.S. public diplomacy. *International Studies Review*. 2013;15(1):123–139.
4. Nye J. Bound to Lead: The changing nature of American power. New York: Basic Books; 1990. 307 p.
5. Pamment J. Towards a new conditionality? The convergence of international development, nation brands and soft power in the British National Security Strategy. URL: <https://doi.org/10.1057/s41268-016-0074-9>.
6. Clarke D., Cento Bull A., Deganutti M. Soft power and dark heritage: multiple potentialities. *International Journal of Cultural Policy*. 2017;23(6):660–674.
7. Winter T. Heritage Diplomacy. *International Journal of Heritage Studies*. 2015;21(10):997–1015.
8. Lebedeva O. Features of the Institute of public diplomacy in Russia. URL: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1315>. (In Russ.).
9. Kharitonova E.M. “Soft power” of Great Britain: a comparative analysis of mechanisms, tools and practices. *Sravnitel'naya politika*. 2017;(1):5–19. (In Russ.).
10. Dolinsky A. What is public diplomacy and why it is needed. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/chto-takoe-obshchestvennaya-diplomatiya-i-zachem-ona-nuzhna>. (In Russ.).
11. Shelepov A.V. Success factors of the “soft power” policy of Great Britain. *Vestnik mezhdunarodnykh organizatsii*. 2014;(2):10–27. (In Russ.).
12. Burlinova N., Shakirov O., Ivanchenko V., Vasilenko P. 10 steps towards effective public diplomacy in Russia. URL: <https://russiancouncil.ru/activity/publications/10-shagov-na-puti-k-effektivnoy-publichnoy-diplomatii-rossii>. (In Russ.).
13. Danilova E.A. Innovative potential of defence industry enterprises as a factor of improving the quality of life in the context of forming a national branding strategy. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2020;1(53):197–204. (In Russ.).
14. Danilova E.A. Strategy of formation of the national brand of Russia in the aspect of innovative potential of the military-industrial complex of the Russian Federation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Filosofiya. Sotsiologiya. Politologiya*. 2019;3(51):178–182. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Елена Александровна Данилова — доктор политических наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия; старший научный сотрудник, Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия
eadanilova@fa.ru

Тимофей Юрьевич Артамонов — студент 4-го курса Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
Timofey.artamonoff@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Elena A. Danilova — Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia; Senior Researcher, National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia
eadanilova@fa.ru

Timofey Yu. Artamonov — 4th-year student, Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
Timofey.artamonoff@yandex.ru

Статья поступила 10.08.2020; принята к публикации 01.09.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.08.2020; accepted for publication on 01.09.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-43-61

УДК 32(045)

Экономические реформы в СССР в 80–90-х годах XX века: попытка переосмысления главных моментов и построения основной сюжетной линии

М.Ю. Алексеев

Финансовый университет; Банк России, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-5059-2329>

АННОТАЦИЯ

Распад Советского Союза — одно из важнейших событий новейшей мировой истории, в значительной степени предопределившее (и в какой-то мере определяющее до сих пор) многие процессы, которые сейчас происходят у нас в стране и за рубежом. Несмотря на то что в последнее время делалось много попыток понять, проанализировать и объяснить причины произошедшего, до сих пор в вопросе о том, почему СССР прекратил свое существование, остается много неясного. Существует множество различных, порой полярных, взаимно исключающих мнений и суждений, свести которые к целостной, непротиворечивой картине совсем не просто. Тема, о которой идет речь, сильно политизирована. Далеко не всем по многим причинам безразлично, в каком виде утвердятся те или иные интерпретации случившегося и будет ли найдена истина. Экономическим реформам в СССР, их подоплеке, описанию и анализу связанных с ними событий посвящено большое количество публикаций. Многим удалось высказаться по этому поводу. Тем не менее представляется, что далеко не все существенные моменты, связанные с попытками изменить советскую экономическую систему, до сих пор должным образом изучены, проанализированы, освещены и представлены в виде целостной, системной, подробной картины, описания, опирающегося на анализ фактов и большого числа точек зрения, порой диаметрально противоположных.

Ключевые слова: СССР; экономические реформы; Горбачёв; Ельцин; Рыжков; Абалкин; Явлинский

Для цитирования: Алексеев М.Ю. Экономические реформы в СССР в 80–90-х годах XX века: попытка переосмысления главных моментов и построения основной сюжетной линии. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):43–61. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-43-61

ORIGINAL PAPER

Economic Reforms in the USSR in the 80s–90s of the XX century: An Attempt to Rethink the Main Points and Build the Main Storyline

M. Yu. Alekseev

Financial University; Bank of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5059-2329>

ABSTRACT

The collapse of the Soviet Union is one of the most critical events in recent world history, largely predetermining (and to some extent still determining) many processes that are now taking place in our country and abroad. In recent years there have been many attempts to understand, analyse, and explain the reasons for what happened. Nevertheless, there is still much unclear on the question of why the USSR ceased to exist. There are many different, sometimes polar, mutually exclusive opinions and judgments, which are not at all easy to reduce to a holistic, consistent picture. The topic in question is highly politicised. For many reasons, not everyone is indifferent to the form in which one or another interpretation of what happened, and whether the truth can be found. A large number of publications are devoted to economic reforms in the USSR, their background, description and analysis of related events. Many managed to speak out on this matter. Nevertheless, it seems that by no means all the significant points associated with attempts to change the Soviet economic system have still been adequately studied, analysed, illuminated, and presented in the form of a holistic, systemic, detailed picture — description based on the analysis of facts and a large number of points of view, sometimes diametrically opposite.

Keywords: USSR; economic reforms; Gorbachev; Yeltsin; Ryzhkov; Abalkin; Yavlinsky

For citation: Alekseev M. Yu. Economic reforms in the USSR in the 80s–90s of the XX century: An attempt to rethink the main points and build the main storyline. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):43–61. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-43-61

ВВЕДЕНИЕ

В последнее время вышли в свет отдельные публикации, позволяющие дополнить, углубить и уточнить представления о ходе проводившихся в Советском Союзе в 80–90-х гг. прошлого века экономических преобразованиях. В частности, огромный пласт фактического материала и много новых свидетельств и сведений содержатся в фундаментальной монографии Н. И. Коротова [1]. Автор настоящей публикации, принявший участие в подготовке упомянутой монографии Н. И. Кротова к выходу в свет и написавший к ней обширную вступительную статью, в свое время поставил перед собой задачу, по возможности, максимально кратко и концентрированно выделить в потоке опубликованных сведений наиболее значимые моменты, «реперные», узловые точки и сюжеты и на их основе попытаться описать в самом общем виде историческую и хронологическую логику происходившего в нашей стране процесса реформ. Результаты, полученные в ходе попытки реализации этой задачи, представлены в статье в виде сжатого изложения исторической картины.

ПРЕДЫСТОРИЯ ЭКОНОМИЧЕСКИХ РЕФОРМ 80-Х ГГ.

После проведения в 1930-х гг. коллективизации, индустриализации и создания плановой системы организации экономики (на которую усилиями некоторых публицистов был навешены ярлык «административно-командной системы») СССР сумел создать довольно мощные для своего времени промышленность и сельскохозяйственное производство, что позволило стране выжить и оказаться в лагере победителей во Второй мировой войне, а также обеспечило небывало высокие темпы восстановления разрушенного народного хозяйства в послевоенный период и бурный экономический рост в 1950–1960-е гг.

В 70-е гг. темпы экономического развития Советского Союза замедлились по сравнению с достигнутыми в предыдущий период пиковыми значениями, хотя в абсолютном размере, даже по меркам нынешнего времени, они оставались вполне приличными. К началу 1980-х гг. негативные тенденции снижения темпов экономического роста, производительности труда, отдачи от основных фондов и ухудшения других экономических параметров сохранились. Обозначенная в свое время перспектива «догнать и перегнать» развитые капиталистические стра-

ны стала казаться ускользающей. В сознании некоторых людей, в том числе отдельных руководителей высокого уровня, складывающаяся ситуация стала восприниматься как проблемная.

ПЕРВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПО ИЗМЕНЕНИЮ СОВЕТСКОЙ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

Так или иначе, но факт остается фактом — по тем или иным причинам Ю. В. Андропов практически сразу после своего назначения Генеральным секретарем ЦК КПСС 12 ноября 1982 г. поручает группе лиц, которым он, видимо, доверял, в числе которых Н. И. Рыжков, М. С. Горбачёв, В. И. Долгих, начать подготовку предложений по реформированию советской экономики. В 1983 г. была создана Комиссия Политбюро ЦК КПСС по совершенствованию управления народным хозяйством. Ее номинальным руководителем был назначен Председатель Совета министров СССР Н. А. Тихонов. Под эгидой комиссии началась подготовка документов по изменению советской экономической системы, но работа не была завершена в связи с кончиной Андропова. Как известно, после его смерти в феврале 1984 г. Генеральным секретарем ЦК КПСС стал К. У. Черненко, при котором инициированный его предшественником процесс был приостановлен.

ПРОДВИЖЕНИЕ ВО ВЛАСТЬ М. С. ГОРБАЧЁВА

По всей видимости, назначение Константина Устиновича стало компромиссным решением, отражающим баланс сложившегося к тому моменту расклада сил на вершине советской властной пирамиды, не позволявшим другим претендентам на место первого лица страны сразу после ухода Ю. В. Андропова занять его место. В числе таких претендентов, помимо М. С. Горбачёва, авторы многочисленных публикаций называют члена Политбюро ЦК КПСС Г. В. Романова. Думается, что в случае, если бы ему улыбнулась удача, многое у нас в стране, да и в мире в целом пошло по-другому. Но произошло именно то, что произошло, потому что к решению вопроса о том, кто станет новым лидером советского государства, подключились очень мощные силы как внутри страны, так и за ее пределами, и ими был использован обширный арсенал средств, методов и ресурсов достижения поставленных целей.

Столь большое внимание обстоятельствам и причинам прихода к власти М. С. Горбачёва имеет смысл уделять потому, что одного этого события было достаточно для получения тех результатов, которые сложились в итоге. Есть все основания предполагать, что для развала СССР нужно было всего лишь тем или иным способом поставить во главе государства человека, обладавшего чертами характера, качествами и связями, которые были у Михаила Сергеевича. Безусловно, мы отдаем отчет в том, что такая точка зрения является как минимум не бесспорной, возможно, в чем-то упрощенной и односторонне-примитивной, но это — наша авторская рабочая гипотеза и мы имеем право высказать ее среди многих других позиций.

В многочисленных публикациях на соответствующую тему представлено много суждений о том, что назначение М. С. Горбачёва состоялось не без участия влиятельных зарубежных сил, часто называемых «мировой закулисой», в числе которых М. Тэтчер, Р. Рейган и Г. Коль. По всей видимости, активно способствовали назначению нового генсека и связанные с ним такие противоположные друг другу люди, как А. Н. Яковлев и Е. К. Лигачев, чьи интересы на какое-то время совпали, а также многие другие персонажи.

После формально состоявшегося 11 марта 1985 г. объявления нового руководителя СССР остальное, как представляется, было «делом техники» и только функцией времени. Спустя 15 лет после своего назначения на должность Генерального секретаря ЦК КПСС в интервью словацкой газете *Usvit* («Заря»; № 24 за 1999 г.) М. С. Горбачёв сказал буквально следующее: «Целью всей моей жизни было уничтожение коммунизма. Меня полностью поддержала моя жена, которая поняла необходимость этого даже раньше, чем я. Именно для достижения этой цели я использовал свое положение в партии и стране. Именно поэтому моя жена подталкивала меня к тому, чтобы я последовательно занимал все более и более высокое положение в стране. Для достижения этой цели я должен был заменить все руководство КПСС и СССР, а также руководство во всех социалистических странах. Мне удалось найти сподвижников в реализации этих целей. Среди них особое место занимают А. Н. Яковлев и Э. А. Шеварднадзе, заслуги которых в нашем общем деле просто неоценимы. Мир без коммунизма будет выглядеть лучше».

Попробуем хотя бы вкратце ретроспективно представить основные моменты той драмы, которая развернулась после марта 1985 г. в части, касающейся попыток изменить советскую экономику.

ПЕРВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ НОВОГО ГЕНСЕКА

Сделавшись генсеком, М. С. Горбачёв постепенно сосредоточил в своих руках большую власть. Гиперактивность генсека мотивировалась благими намерениями, декларируемыми в формате лозунгов «изменить жизнь народа к лучшему», «укрепить страну», «ускорить темпы экономического роста» и т.д.

«Процесс пошел» уже через месяц после воцарения нового генсека. 23 апреля 1985 г. в Москве состоялся Пленум ЦК КПСС, на котором М. С. Горбачёв выступил с программным докладом, провозглашающим курс на ускорение экономического и социального развития СССР. В оборот было введено слово «перестройка», а предыдущий период был назван «застоем».

«Новый курс предполагал модернизацию советской системы, внесение структурных и организационных изменений в хозяйственные, социальные, политические и идеологические механизмы. В речи Михаила Горбачёва были сформулированы главные задачи реформирования экономики.

По вопросу о том, насколько на эпоху, предшествовавшую приходу к власти М. С. Горбачёва, правомерно навешивание ярлыка «застой», до сих пор нет общепринятой, устоявшейся в общественном сознании точки зрения. Разумеется, в Советском Союзе в 1970-е и в первой половине 1980-х гг. (как у других подобных обществ, социумов, цивилизаций) были проблемы в экономической, социальной, политической и других сферах. Однако о том, насколько эти проблемы были критическими, фатальными, неустраняемыми в принципе, в чем были их глубинные причины и какими могли быть возможные средства решения, до сих пор высказываются порой самые полярные мнения.

В последние годы бытует мнение, что к середине 1980-х гг. СССР находился в жесточайшем социально-экономическом кризисе, тупике, выход из которого был только один — распад страны, ее демонтаж. В то же время непредвзятый анализ ситуации позволяет сделать и иные выводы: к середине 80-х гг. распад СССР вовсе не был запрограммирован и абсолютно неиз-

бежен, что дела на тот момент были, хотя и не блестящими, но и не катастрофическими, гарантированно ведущими к «летальному исходу». Об этом, в частности, свидетельствуют многие факты, цифры, публикации.

Можно рискнуть выдвинуть рабочую гипотезу о том, что если бы к середине 1980-х гг. к власти в стране пришел бы руководитель, менее решительно настроенный на ломку и перестройку всего и вся, Советский Союз, пусть и не без проблем, в том числе усиливающихся и нарастающих, мог бы еще долго просуществовать.

НЕУДАЧНАЯ ПОПЫТКА УСКОРЕНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РОСТА

Для реализации провозглашенного в апреле 1985 г. курса на ускорение социально-экономического развития страны были увеличены расходы на обновление производственных фондов и закупку нового оборудования. Сами по себе дополнительные инвестиции не могли автоматически обеспечить желаемого результата, скорее, наоборот, в условиях, когда приоритет отдавался созданию новых мощностей и производств, а действующие предприятия модернизировались медленно, такие инвестиции замедляли темпы развития.

Для того чтобы производимые дополнительные инвестиции могли обеспечить повышение темпов экономического роста, требовалось правильно организовать модернизацию существующих производств на основе внедрения современных технологий и передовых достижений научно-технического прогресса (НТП). Эти проблемы планировалось рассмотреть на Пленуме ЦК КПСС еще до прихода М. С. Горбачёва к власти и в первые месяцы его руководства страной. Однако довольно скоро повестка дня генсека поменялась, и фокус в ней начал смещаться с насущных экономических задач модернизации производства на основе внедрения передовых научно-технических решений на кадровую и политическую работу. Вместо намеченного на 1986 г. Пленума ЦК по НТП, в начале 1987 г. было организовано мероприятие гораздо более низкого статусного уровня — совещание. Неспособность сфокусировать усилия на решении одной из краеугольных экономических проблем, уделив ей должное внимание и отдав приоритет, как представляется, стала важной, если не сказать решающей, причиной срыва планов ускорения экономического роста.

ИЮНСКИЙ (1987 Г.) ПЛЕНУМ ЦК

Где-то примерно с конца 1986 — начала 1987 г. каким-то образом в сознании отдельных высших политических руководителей страны вопросы реализации провозглашенного в апреле 1985 г. курса на ускорение темпов экономического и социального развития страны стали замещаться новой повесткой дня, в которой начали фигурировать планы радикальной смены экономической системы.

Возможно, на такое смещение акцентов повлияли симпатии, испытываемые М. С. Горбачёвым, А. Н. Яковлевым, Э. А. Шеварднадзе и некоторыми другими высшими партийными руководителями к проводившейся в СССР в 1920-х гг. новой экономической политике (НЭП), основанной на использовании элементов частной капиталистической собственности. Нельзя исключать и того, что отдельные советские политические деятели, работавшие в контакте с некоторыми своими контрагентами за рубежом, из числа так называемой мировой закулисы, уже изначально взяли курс на постепенный демонтаж советской плановой экономической системы и, следуя соответствующим целевым установкам, попытались инициировать движение в соответствующем направлении. Так или иначе, к началу 1987 г. высшим политическим руководством страны была поставлена задача подготовки к середине года Пленума ЦК КПСС, призванного дать мощный толчок перестройке существовавшей в то время экономической системы.

Подобное управленческое решение, характерное для стиля руководства М. С. Горбачёва, создавало проблему реализации решений, которые готовились для пленума. Эти решения разрабатывались не в недрах правительственного аппарата, а вне его, группой лиц, большая часть которых не входила в состав правительства и не должна была отвечать за исполнение того, что нарабатывалось и предлагалось. Такая практика могла расцениваться в определенной мере как знак недоверия к Правительству СССР, выражение сомнения в его способности подготовить целостный план улучшения положения дел в экономике, порождала предпосылки для возникновения трений и даже конфликта между разработчиками концепций и документов и теми, кто, по идее, должен был их воплощать в жизнь. Однако думается, что подобный аппаратный ход был далеко не случайным. М. С. Гор-

бачёв в тандеме со своим ближайшим в то время соратником А. Н. Яковлевым, как представляется, уже тогда ориентировались на отказ от основополагающих принципов советской экономической модели, основанной на государственной (называемой также общенародной) собственности на средства производства, централизованном планировании и распределении Госпланом СССР, Госснабом СССР, Минфином СССР основных материальных и финансовых ресурсов при контроле за уровнем оптовых и розничных цен по линии Госкомцен СССР.

Важным условием успеха задуманного плана, по всей видимости, было привлечение к его непосредственному исполнению группы лиц, способных проявить большую гибкость мышления и потенциально готовых публично отказаться от господствовавших в то время базовых, фундаментальных представлений о том, как должна быть организована экономика социалистического государства, должным образом мотивировав и обосновав свою позицию.

На роль таких лиц хорошо подходили представители академических научных кругов, с которыми были связаны М. С. Горбачёв, А. Н. Яковлев, В. А. Медведев. Под их руководством и/или с их одобрения была сформирована функционирующая на постоянной основе рабочая группа по подготовке материалов экономического пленума, в которую вошли такие высокостатусные экономисты-академики, как А. И. Анчишкин, Л. И. Абалкин, А. Г. Аганбегян. От ЦК КПСС их текущую работу организовывал и координировал заведующий сектором экономических наук ЦК О. И. Ожерельев. В какие-то моменты рабочая группа усиливалась временно привлекаемыми к ее работе первым зампредом Госплана СССР С. А. Ситаряном, начальником отдела финансов, себестоимости и цен Госплана СССР В. С. Павловым, главным редактором журнала «Коммунист» Н. Б. Биккениным и некоторыми другими специалистами в своих областях.

Осознавая тот факт, что правительство в лице Совета министров СССР, его аппарата и руководители главных экономических ведомств прогнозируемо будут сопротивляться предлагаемым радикальным изменениям, разработчики материалов пленума вместе с их кураторами задумали применить казавшийся им беспроектным хитрый аппаратный ход. Они решили вынести на пленум, вопреки устоявшимся ранее традициям, не только материалы концептуального

характера, задающие в самом общем виде только главные направления изменения генеральной линии партии, но и пакет обязательных для исполнения правительством готовых решений в виде весьма конкретных, детально прописанных постановлений по широкому кругу вопросов, решение которых должно было быть закреплено одной из высших партийных инстанций.

По всей видимости, расчет делался на достижение молниеносной победы, «блицкрига», за счет эффекта неожиданности и внезапности и лишения правительственных органов возможности повлиять на готовящиеся решения в процессе их предварительной проработки, а также шансов на выхолащивание сути того, что предлагалось после пленума.

В принципе задуманный план удался. Вынесенные рабочей группой по подготовке пленума на его рассмотрение материалы, включавшие набор постановлений и решений, оказались шоком для руководства правительства, они были приняты на партийном форуме, в результате чего руководство Совета министров СССР, как это и было задумано, оказалось просто поставлено перед необходимостью выполнить конкретные, детально прописанные решения ЦК.

Главные разработчики материалов пленума и их кураторы не учли только одной возможности — принятые на пленуме постановления оказались настолько радикальными, идущими вразрез с базовыми представлениями руководства исполнительной власти, что она в лице Н. И. Рыжкова и других его коллег просто пошла на беспрецедентный ответный шаг — проигнорировала принятые решения, от подготовки которых правительство было отстранено. Планы заставить аппарат исполнить то, что ему хотели силовым путем навязать сверху, провалились. Все осталось как было. А между тем, время текло быстро, и в силу разных причин экономическая ситуация в стране стала ухудшаться.

УХУДШЕНИЕ СИТУАЦИИ

В ЭКОНОМИКЕ В 1988–1989 ГГ.

Большинство факторов, обусловивших стремительную деградацию положения дел в экономической области, носило искусственный, рукотворный характер или было обусловлено целенаправленным воздействием извне. Одной из существенных причин ухудшения экономической ситуации в стране стала антиалкогольная кампания, начатая в мае 1985 г. по инициативе

членов Политбюро ЦК КПСС М.С. Соломенцева и Е.К. Лигачева. Уровень потребления алкоголя в СССР к середине 80-х гг. был довольно высок (в пересчете на водочный эквивалент он составлял в среднем примерно 100 бутылок в год на одного взрослого человека). Однако доходы от продажи спиртных напитков формировали значительную часть бюджета. Полезное начинание проводилось агрессивно и было не очень продуманным как в центре, так и на местах. В результате инициаторы кампании и руководство страны, их поддержавшее, умудрились одновременно разозлить народ и поспособствовать снижению государственных доходов, составившему, по некоторым оценкам, около 10% поступлений в бюджет.

Другим важным фактором нарастания экономических проблем стало резкое падение в середине 1980-х гг. цен на нефть. В предыдущее десятилетие стоимость условной нефтяной бочки (барреля) подскочила примерно с 10 до более чем 100 долл., что обеспечило значительный приток валютных поступлений в Советский Союз. Однако к осени 1985 г. влиятельные западные круги через руководство США достигли соглашения с Саудовской Аравией (являвшейся одним из основных поставщиков «черного золота» на мировой рынок) о резком наращивании ею объемов добычи, уровень которой к 1986 г. возрос примерно в пять раз — с 2 до 10 млн баррелей в день. В результате успешно проведенной экономической диверсии был нанесен второй мощный удар по доходам бюджета, уже извне.

Одновременно, как говорилось ранее, в попытке обеспечить ускорение темпов роста социально-экономического развития начиная с 1985 г., были увеличены расходы на приобретение нового оборудования, в том числе иностранного, покупаемого за счет валютных поступлений. Руководство СССР было умело втянуто американцами в очередной виток гонки вооружений, поверив в озвученный президентом Рейганом блеф о возможности осуществления так называемой Стратегической оборонной инициативы (СОИ), предусматривавшей размещение лазерного оружия в космосе. Реагируя на агрессивные действия и риторику заокеанского соседа, советское руководство не жалело денег на новые оборонные программы. Дополнительным бременем на советский бюджет легли многие другие военные расходы, в том числе на войну в Афганистане, на участие в которой советское

руководство было спровоцировано еще в 1980 г.

Резкое сокращение доходов в условиях сохранения и наращивания дополнительных расходов привело к разбалансированию бюджета. Некоторое время дефицит бюджета удавалось скрывать, однако впоследствии его масштабы приняли такой характер, что не замечать их стало невозможным.

Реализуя установку на размывание общегосударственной собственности, советское руководство весной 1987 г. инициировало создание при райкомах комсомола так называемых центров научно-технического творчества молодежи (НТТМ), по сути, являвшихся кооперативными организациями. За два года в стране было создано более 600 таких центров, многие из которых, пользуясь полученными возможностями, вместо развития официально декларируемой деятельности научно-производственного характера занялись торгово-посреднической деятельностью, в частности закупая за рубежом и перепродавая внутри страны с огромной прибылью компьютерную технику.

Выполняя партийные установки, в феврале 1987 г. Совет министров СССР принял Постановление «О создании кооперативов по производству товаров народного потребления», открывшее возможность создавать кооперативные предприятия, а уже через год, 26 мая 1988 г., был принят Закон «О кооперации в СССР», существенно расширявший возможности ведения соответствующей деятельности. Многие созданные кооперативы воспользовались открывшимися возможностями получения сырья и материалов по низким государственным ценам с тем, чтобы потом перепродавать их или реализовывать изготавливаемые из них изделия уже по более высоким, «кооперативным, свободным» ценам как внутри страны, так и за рубежом. Принятый Верховным Советом СССР 30 июня 1987 г. и введенный в действие с 1 января 1988 г. Закон «О государственном предприятии (объединении)» узаконил возможность продажи предприятиями части своей продукции по договорным и свободным ценам. Шанс сыграть на разнице между государственными ценами, по которым можно было получать сырье, материалы и продукцию других предприятий и устанавливаемыми по своему усмотрению «свободными» ценами, обогатил многих предприимчивых людей, посчитавших себя свободными от строгих норм советской морали.

В результате принятых руководством страны решений резко возросли получаемые в наличной форме отдельными «инициативными» людьми денежные доходы, использование которых стало оказывать растущее давление на потребительский рынок, на котором товары продолжали реализовываться в основном по фиксированным государственным ценам. Расширение свободы предприятий по выплате своим работникам средств из фондов экономического стимулирования привело к росту заработных плат, премий и иных доходов граждан, не обеспеченных в должном объеме аналогичным приростом товарной массы. Как следствие, в 1987 и 1988 гг. по и без того не сильно сбалансированному потребительскому сектору экономики был нанесен мощный удар, многократно усиливший товарный дефицит.

Попытки хоть как-то сбалансировать этот дефицит, ограничив возможность наращивания денежных выплат работникам «налогом» на рост фондов экономического стимулирования с тем, чтобы поставить их увеличение в зависимость от роста производительности труда, или усилия по насыщению рынка новым производством товаров и их закупкой по импорту из-за рубежа, не давали желаемых результатов.

Отчасти образовавшиеся проблемы могли быть амортизированы через проведение комплексного пересмотра оптовых и розничных цен. Такой пересмотр был в 1987 г. подготовлен Госкомцен СССР под руководством В. С. Павлова и запланирован в рамках принятого июньским Пленумом ЦК КПСС пакета постановлений. Однако, открыв с одной стороны шлюзы для роста денежных доходов населения, правительство страны, возглавляемое Н. И. Рыжковым, и политическое руководство, возглавляемое М. С. Горбачёвым, в последний момент побоялись менять оптовые и розничные цены в сторону повышения, опасаясь «негативных социальных последствий», т.е. усиления недовольства народа. Подобные непоследовательность и нерешительность, проявленные там, где их нельзя было проявлять, не позволили нейтрализовать негативные последствия принятых в 1987–1988 гг. решений. В итоге посадка экономики сделалась действительно жесткой.

КОМИССИЯ ПО ЭКОНОМИЧЕСКОЙ РЕФОРМЕ

Правительство Николая Ивановича Рыжкова, да и он сам, прежде всего, оказались в непростой

ситуации. Успехов было мало, а уклонение от реализации в полном объеме навязанных Совету министров СССР через июньский (1987 г.) Пленум ЦК решений чем дальше, тем больше подставляло правительство под удар критики с разных сторон. На состоявшейся в середине 1988 г. XIX партийной конференции избранный делегатом этого мероприятия академик Л. И. Абалкин не упустил возможность критически высказаться по поводу реализации того курса, который был намечен подготовленным с его участием для июньского пленума пакетом документов.

Скорее всего, где-то в тот момент председатель Совета министров СССР Н. И. Рыжков для того, чтобы усилить позиции правительства по своей инициативе и/или по подсказке со стороны взял курс на сближение с академической наукой в лице Л. И. Абалкина, решив «перетянуть» одного из разработчиков материалов к июньскому (1987 г.) Пленуму ЦК на свою сторону. Сначала он предложил академику посетить заседание Президиума Совета министров. Потом последовало поручение возглавляемому Л. И. Абалкиным Институту экономики Академии наук СССР представить к концу 1988 г. «предложения по совершенствованию проводимой в стране экономической реформы». На состоявшемся 4 января 1989 г. заседании Президиума Совета министров СССР эти предложения в течение примерно шести часов долго и подробно обсуждались в рамках широкого обмена мнениями по оценкам состояния и перспектив развития экономической ситуации в стране. По итогам обсуждения было сформулировано предложение разработать программу финансового оздоровления народного хозяйства, целью которой стало бы сокращение бюджетного дефицита, нормализация денежного обращения и стабилизация потребительского рынка.

Через полгода Л. И. Абалкин получил от Н. И. Рыжкова предложение возглавить создаваемую в рамках аппарата Совета министров СССР Государственную комиссию по экономической реформе, войдя при этом в состав правительства в ранге заместителя председателя Совета министров СССР. Пришла ли эта идея Н. И. Рыжкову самостоятельно или кто-то ее ему «подбросил» — нам неизвестно. Однако 27 июля 1989 г., вечером, непосредственно перед утверждением его кандидатуры на пленарном заседании Верховного Совета СССР, у Абалкина состоялась частная

встреча с известным финансистом и «филантропом» Джорджем Соросом, очень похожая на смотрины. Можно предположить, что этот представитель одного известного международного влиятельного клана уже в 1989 г. начал оказывать определенное влияние на ключевые события советской общественно-политической жизни, хотя, конечно, такое предположение, скорее, пока можно отнести к области догадок.

Государственная комиссия по экономической реформе была образована 5 июля 1989 г. во исполнение решения I Съезда народных депутатов СССР Постановлением Совета министров СССР № 538. Этим постановлением упразднялась действовавшая в то время Комиссия по совершенствованию хозяйственного механизма, часть аппарата и материально-технической базы которой были использованы в структурах нового органа.

Приход такого крупного ученого-экономиста, как Л. И. Абалкин, в правительство и налаживание его конструктивного взаимодействия с опытным управленцем-практиком Н. И. Рыжковым давало шанс на создание своеобразного рабочего тандема. Однако их деятельность оказалась контрпродуктивной. Хотя то, как все начиналось, порождало иллюзию отнюдь не совсем безнадежных перспектив.

В структуре Правительства СССР за счет мобилизации внутренних ресурсов была изыскана возможность образования под руководством Л. И. Абалкина довольно сильного по меркам любого времени рабочего аппарата Государственной комиссии по экономическим реформам. Аппарат этот был сформирован на основе ранее функционировавшего отдела Совета министров СССР, занимавшегося (хотя и не с таким радикализмом и размахом) решением в чем-то схожих, но гораздо более скромных задач «совершенствования хозяйственного механизма». В штат комиссии вошло более 100 специалистов разного профиля, в том числе довольно грамотных теоретиков и практиков с неплохими по меркам того времени окладами, с широким набором прав и полномочий, с хорошим обеспечением всей доступной информацией относительно положения дел в экономике. Сотрудникам комиссии и членам правительства была предоставлена возможность выезжать за рубеж «для ознакомления с зарубежным опытом». Для некоторых участников процесса такие поездки действительно были нечто

большим, чем обыкновенно практикуемый «деловой туризм».

Результат не заставил себя ждать. Аппарат Государственной комиссии по экономической реформе под руководством Л. И. Абалкина в тесном взаимодействии с правительством и его ключевыми фигурами сумел примерно за год довольно глубоко и системно по меркам своего времени проработать большой комплекс вопросов, связанных с направлениями возможных экономических преобразований, выдав итоговый документ, в котором предлагались три возможных варианта действий. Эти варианты были условно обозначены как умеренный, радикальный и умеренно-радикальный, т. е. компромиссный. Председатель Совета министров СССР изначально высказывался в пользу умеренного варианта реформ. Заместитель Н. И. Рыжкова Л. И. Абалкин обозначил, что он склоняется в сторону «умеренно-радикального варианта».

Для того чтобы подготовить общественность к лучшему восприятию новых возможных планов правительства, получить мнение широкого экспертного сообщества и заручиться его поддержкой, 13–15 ноября 1989 г. в Колонном зале Дома союзов была устроена экономическая конференция, на которой наработки правительственной комиссии впервые были представлены широкой публике. В работе конференции приняли участие высшие политические руководители страны: М. С. Горбачёв, Н. И. Рыжков, члены Политбюро и секретари ЦК КПСС, члены правительства. Возможность публично высказать свое мнение относительно сложившейся ситуации, возможных вариантов действий и распространённых материалов, подготовленных правительством, получили около 250 человек, в том числе ведущие академики, ученые, министры, хозяйственники, публицисты и популярные тогда общественные деятели.

По итогам конференции некоторые высказанные в ходе нее замечания и соображения были учтены в наработках правительства, и уже через две недели Н. И. Рыжков подписал окончательно утвержденный им вариант доклада II Съезду народных депутатов СССР, представляющего предложения по реформированию экономики. С некоторыми положениями итогового документа далеко не все лица, участвующие в подготовке концепции, были согласны, включая главного разработчика — Л. И. Абалкина, но время торопило, и надо было выдавать хоть какой-то продукт.

Представляя от своего имени предложения по реформированию экономики, правительство в неявном виде снимало с повестки дня необходимость выполнения решений, вмененных ему в обязанность июньским (1987 г.) Пленумом ЦК.

На проходившем с 12 по 24 декабря II Съезде народных депутатов СССР Н.И. Рыжков представил предложения правительства по проведению экономических реформ. В отличие от практики предыдущего времени, доклад Председателя Совета министров СССР не был сразу «горячо и единодушно» одобрен съездом, попав под перекрестный огонь острой критики с разных сторон. Триумфом такое выступление точно назвать было нельзя.

По всей видимости, не позднее конца 1989 г. у влиятельных политических сил внутри России и за ее пределами начал оформляться тактический курс на «заваливание» правительства Н.И. Рыжкова. Представители оформившегося к тому времени оппозиционного блока внутри Верховного Совета СССР, называемого «межрегиональной депутатской группой», строго соблюдая полученные установки и дисциплину в координации (или без таковой) с другими делегатами, развернули активную кампанию по дискредитации советского правительства. «Вишенкой на торте» стал пробный шар, брошенный народным депутатом Г.И. Фильшиным в виде требования «использовать наше право на недоверие правительству, а оно может использовать свое право на отставку».

Не в восторге от занятой правительством позиции был и М.С. Горбачёв, который позднее в своих мемуарах написал буквально следующее: «Что касается самой экономической реформы, бросалось в глаза одно очень существенное обстоятельство. Ни в письменном докладе, ни в устном выступлении Рыжкова не были проанализированы итоги предшествующего ее этапа, не упоминались принципиальные решения, принятые в 1987 г. По чьей вине они остались, по сути дела, на бумаге? Если оказались недостаточными и тем более ошибочными — надо было сказать, в чем именно, извлечь уроки. Если по каким-то другим причинам — сказать о них. А тут просто сделали вид, будто все начинается с нуля. <...> Часовой доклад Рыжкова оказался расплывчатым, не давал четкого и ясного ответа на возникшие проблемы. <...>».

Правительство представлялось критиками как сообщество консерваторов, а предлагаемый им

комплекс мер по реформированию экономики как недостаточно радикальный.

Несмотря на критику правительства, в конечном итоге 19 декабря 1989 г. депутаты поименным голосованием большинством в 1532 голоса при 419 проголосовавших против и 44 воздержавшихся в целом одобрили представленную правительством концепцию экономической реформы, поручив правительству подготовить к 1 сентября 1990 г. проект пятилетнего плана на 1991–1995 гг. Правительству было предписано осуществить в течение 1990 г. меры по насыщению потребительского рынка страны, увеличив на 20% производство товаров народного потребления. Также Совету министров поручили провести финансовую реформу, ускорить принятие законов о собственности, о земле, о социалистическом предприятии, об общих началах руководства экономикой и социальной сферой в союзных и автономных республиках, о разграничении полномочий между Союзом ССР и союзными республиками.

НОВЫЕ ИНИЦИАТИВЫ ПРАВИТЕЛЬСТВА

В 1990 г. правительству надо было заниматься реализацией предложенной им и формально одобренной на II Съезде народных депутатов СССР программы действий и выполнением сформулированных депутатами пожеланий. Казалось, что, несмотря на непростую обстановку, оставались шансы улучшить ситуацию. К началу 1990 г. положение дел еще не воспринималось как катастрофическое. Согласно официальной статистике ВВП вырос на 3,7%, а производительность труда — на 2,3%. Это было меньше плановых заданий (5,7 и 4,5% соответственно), но все же это был приличный рост, особенно по меркам нашего времени. Объем продаваемых на розничном рынке отечественных потребительских товаров увеличился по сравнению с предыдущим годом на 7%, на 19% возрос импорт. В целом розничный товарооборот увеличился за год более чем на 10%, однако при этом примерно на 10% в среднем возросли и цены.

При приросте производства на 1,7% прирост заработной платы составил 12%. Если в 1985 г. в обращение поступили только 4 млрд руб. наличных денег, то в 1989 г. масштабы денежной эмиссии увеличились в 4,5 раза (до 18 млрд руб.), что привело к резкому росту давления на потребительский рынок и обострению проблемы товарного дефицита, «вымыванию» доступного

ассортимента и опустошению полок магазинов. Необеспеченные соответствующим приростом товарной массы денежные доходы населения в 1989 г., по сравнению с предшествующим годом, увеличились на 13%. По итогам 1989 г. превышение доходов над расходами бюджета составило более 90 млрд руб., или около 10%.

В таких непростых условиях союзное правительство уже не было уверено в том, что у него есть все необходимые возможности и рычаги для кардинального изменения ситуации к лучшему. Будучи опытным аппаратчиком Н. И. Рыжков, очевидно, из желания «подстраховаться», параллельно с созданием Государственной комиссии по экономическим реформам под руководством Л. И. Абалкина сформировал еще несколько рабочих групп, которые готовили для него материалы и предложения по возможным планам действий на разные случаи. Одну из таких «резервных» структур возглавил первый заместитель Н. И. Рыжкова, председатель Госплана СССР Ю. Д. Маслюков. Члены его команды, занимавшиеся подготовкой плана XIII пятилетки (на 1991–1995 гг.), считали, что, прежде чем начинать радикальные экономические преобразования, следует обеспечить сбалансированность пропорций промышленного производства, и поэтому, чтобы «не вносить сумятицы», предлагалось отложить радикальную составляющую реформ на два года.

Ю. Д. Маслюков и Л. И. Абалкин конструктивно взаимодействовали друг с другом. Они решили объединить усилия своих коллективов и 17 февраля 1990 г. отправили Н. И. Рыжкову совместное письмо, предлагающее доработать правительственную программу. К письму были приложены две записки: «О предполагаемых мерах нормализации положения в экономике» (1-й вариант) и «О путях преодоления экономического кризиса» (2-й вариант). Два заместителя председателя правительства обозначили, что второй вариант им видится как более предпочтительный [2, 3].

В упомянутом выше письме Н. И. Рыжкову и в прилагаемых к нему материалах ставился вопрос о рисках и издержках, которые могут повлечь за собой попытки проведения радикальных экономических преобразований. Буквально говорилось следующее.

По итогам рассмотрения поступивших на его имя предложений Н. И. Рыжковым было принято решение вернуться к идеям отвергнутого им

ранее радикально-умеренного варианта экономических реформ (к которому его в предыдущем году пытался склонить Л. И. Абалкин) и разработать очередной вариант «Концепции перехода к регулируемой рыночной экономике» с учетом новых, более жестких сроков ее реализации и перспектив получения для этой цели дополнительных полномочий (возможностей). 11 марта 1990 г. Совет министров СССР принял Постановление № 257 «О подготовке материалов для осуществления перехода к планово-рыночной экономике». Этим решением был инициирован новый виток работ по созданию очередного варианта правительственной программы рыночных реформ, ставшей впоследствии известной под именем «программы Рыжкова–Абалкина».

Градус радикализма готовящихся предложений повышался, но, как обычно, среди разработчиков очередного плана реформ не было согласия по поводу их темпов и содержания. Наиболее агрессивно настроенные реформаторы предлагали начать разрубать клубок экономических проблем «одним ударом» уже с 1 июля 1990 г., менее решительные головы рекомендовали начать это делать хотя бы с 1 января 1991 г.

18 апреля 1990 г. в Кремле состоялось совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета СССР. На этом мероприятии обсуждались возможности и пути перехода экономики страны на принципы регулируемого рынка, в частности, были представлены на скорую руку составленные правительством новые предложения по планам проведения экономических реформ. Этим новым проектом правительство, по сути, дезавуировало ту программу, которая за четыре месяца до этого была представлена им II Съезду народных депутатов СССР и по итогам сложных дискуссий, в конце концов, получила формальное одобрение этого органа власти.

Новоиспеченный Президент СССР, комментируя эту пикантную ситуацию, ограничился тем, что предложил «сделать должные выводы из неудач в выполнении правительством системы мер, утвержденных вторым Съездом народных депутатов, позаботиться о более глубокой научной проработке намеченных мероприятий». Представленный правительством новый вариант программы посоветовали доработать. М. С. Горбачёв предложил серьезно продумать механизм реализации нового плана реформ, разработать систему управления как всей этой программой, так и отдельными ее компонен-

тами, порекомендовал больше советоваться с учеными-экономистами, хозяйственниками, представителями республик, местных органов власти. Тем самым очередной виток программоторческой работы получил свое высочайшее одобрение, и процесс снова пошел.

Вместо предложения принять новую, более радикальную программу реформ правительство вышло на Президентский совет с более приземленными конкретными предложениями, направленными на преодоление товарного дефицита и, хотя бы частичную, корректировку растущего дисбаланса между доходами населения и товарной массой. Имелось в виду повысить примерно на 20% розничные цены на разного рода товары и продукты, в том числе на хлеб и табак. Эти предложения не были поддержаны, и вопрос был также отправлен на дополнительную проработку.

Получив очередной карт-бланш на доработку экономических программ, правительство через аппарат Государственной комиссии по экономической реформе активизировало работу по соответствующим направлениям. Для того чтобы подкрепить свои позиции авторитетными мнениями, в середине мая комиссия приняла решение о проведении зарубежной экспертизы готовящихся в ее недрах проектов новых законодательных и нормативных актов по переходу к регулируемой рыночной экономике. К этой работе были привлечены эксперты по линии различных международных структур — Международной торговой палаты, секретариата Генерального соглашения о тарифах и торговле (ГАТТ), Международного валютного фонда, Европейской экономической комиссии, Комиссии европейских сообществ.

22 мая 1990 г. в Кремле под председательством президента состоялось очередное совместное заседание Совета Федерации и Президентского совета СССР, на которое была вынесена очередная версия концепции перехода к регулируемой рыночной экономике, переработанная с учетом замечаний и предложений, высказанных на предыдущих слушаниях, состоявшихся за месяц до этого. При этом правительство вновь вышло с предложениями о повышении цен, которые на сей раз формально не были заблокированы, как казалось участникам событий, и получили одобрение М. С. Горбачёва.

Через день, 24 мая, новая правительственная программа вместе с предложениями о пе-

ресмотре розничных цен должна была быть представлена на III Сессии Верховного Совета СССР в рамках доклада Председателя Совета министров СССР «Об экономическом положении страны и о концепции перехода к регулируемой рыночной экономике». Неожиданно перед запланированным на 10 часов утра выступлением Н. И. Рыжкова слово взял М. С. Горбачёв, буквально ошарашивший членов правительства и других лиц своим спонтанным заявлением: «Николай Иванович решил начать реформу со значительного повышения цен на основные продукты. Мне кажется, он не прав, прежде надо было посоветоваться с людьми!»

Выступление председателя Совмина длилось два часа. В нем звучали очень тревожные факты. В частности, было сказано, что «Национальный доход только за четыре месяца сократился на 1,7%, а денежные доходы увеличились на 13,4%... за минувшие два года доходы населения возросли на 105 млрд руб., или на 23%. Это почти равно их абсолютному приросту за предыдущие 7 лет». Преодолению этих негативных тенденций должна была служить предлагаемая правительством новая программа реформирования экономики, реализуемая поэтапно. При этом премьер-министром было заявлено, что «в первые два года нам нельзя бросать народное хозяйство в свободу рынка». Н. И. Рыжков, как мог, пытался убедить депутатов в необходимости пересмотра системы цен, заявив следующее: «Отказываться сейчас от такого шага, как реформа ценообразования, — значит, усложнять проблему. Достаточно сказать, что в 1988 г. речь шла о пересмотре цен на сумму около 100 млрд руб. Сегодня приходится говорить примерно о 200 млрд руб. Если тянуть дальше, то цифра скоро поднимется до 300 млн или даже до 400 млрд рублей».

Развернувшаяся по поводу предложений правительства дискуссия выдалась еще более острой, чем состоявшееся в декабре 1989 г. обсуждение предыдущего доклада Председателя Совмина на II Съезде народных депутатов СССР.

Депутаты оппозиционного блока (Межрегиональной депутатской группы) заявили, что правительство не управляет экономикой, делает попытку выйти из кризиса за счет снижения и без того низкого уровня жизни народа, что у него нет концепции перехода к рынку, потребовали поставить на голосование вопросы об отклонении правительственной програм-

мы как экономически необоснованной, а также о проведении всенародного референдума по соответствующим вопросам.

На сессии раздавались и отдельные голоса в поддержку правительственной позиции. В конце концов, по итогам долгих и острых дебатов планы правительства по переводу экономики страны на рыночные отношения формально в общем и целом были одобрены, однако с оговорками, предлагающими правительству вновь доработать свою очередную программу с учетом результатов ее обсуждения на сессии и альтернативных предложений ученых, научных и общественных организаций. При этом воодушевленные позицией М. С. Горбачёва депутаты заблокировали предложение о повышении цен с 1 июля 1990 г.

Озвученные на третьей сессии Верховного Совета СССР, но не поддержанные им предложения по повышению розничных цен произвели разрушительное воздействие на и без того вошедший в состояние глубокого стресса потребительский рынок. Население, понявшее, что рано или поздно цены на многие товары и продукты будут повышены, бросило оставшиеся у него на руках денежные сбережения на то, чтобы запастись впрок всем, чем только можно по старым ценам. В результате с полок магазинов стало сметаться все подряд.

Формально представленная в мае на III Сессии Верховного Совета СССР новая версия правительственной программы экономических преобразований после ее очередной доработки по результатам парламентского обсуждения должна была выноситься для окончательного утверждения на III Съезд народных депутатов СССР в сентябре 1990 г. Правительство и разработчики концепции реформ, хотя и были шокированы шквалом обрушившейся на них острой критики с разных сторон, а также деморализованы непоследовательными метаниями Президента СССР, не оказавшего ожидавшейся от него поддержки по жизненно важному вопросу корректировки цен на некоторые основные виды товаров и продуктов, стиснув зубы, планировали довести начатую им работу до конца, постаравшись добиться в конечном итоге принятия своих предложений. В сложившейся крайне непростой и нервной обстановке начался очередной этап написания программы реформ и обеспечивающих ее реализацию проектов законодательных и нормативных актов.

Однако последовавшая после III Сессии Верховного Совета СССР череда неожиданных, почти фантастических шоковых событий, по всей видимости, превзошла даже самые пессимистичные ожидания правительственной команды. В сложившейся поистине революционной ситуации в дело начал вмешиваться так называемый субъективный фактор. Произошло то, что мало кто мог вообразить.

НОВЫЕ ТВОРЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ПРОГРАММ

В сентябре 1989 г. Л. И. Абалкин пригласил в возглавляемую им Комиссию по экономической реформе своего бывшего аспиранта Г. А. Явлинского, работавшего начальником управления социального развития и народонаселения Госкомтруда СССР. По всей видимости, академик Абалкин не мог в тот момент вообразить, что его молодой ученик спустя немного времени вместо оказания ожидавшейся от него помощи создаст ему, всему союзному правительству и вынашиваемым комиссией вариантам реформирования экономики колоссальную проблему, которая, возможно, в значительной степени приведет к отставке правительства и уходу академика из власти чуть больше чем через год.

Про программы, которые готовились Г. А. Явлинским и/или с его участием, написано много всякого, иногда показания «очевидцев» событий не совсем сходятся, не полностью стыкуются, а в ряде случаев они несколько противоречат друг другу.

Если опираться на воспоминания самого Г. А. Явлинского, то картина вырисовывается примерно такая. Сначала он, используя наработки и материалы, сделанные в недрах комиссии его коллегами, а также кое-какие сведения, собранные им самим, попытался просто «на коленке» набросать возможную последовательность и «календарный план-график» форсированного осуществления в очень короткий срок крайне радикальных, по сути, революционных преобразований. Эта работа была начата с тем наивно выглядящим (с позиций нынешнего исторического знания) предположением, что, сделавшись Президентом СССР, М. С. Горбачёв «сосредоточит в своих руках необъятную власть» и окажется способен (и главное — захочет!) единолично принимать один за другим законы, решения и нормативные акты строго по расписанию, подготовленному им Г. А. Явлинским.

Со слов Г.А. Явлинского, значительная часть работы по составлению «плана-графика» форсированного реформирования экономики выполнялась его тогдашними ближайшими помощниками, недавними студентами Института народного хозяйства имени Плеханова М.М. Задорновым и А.Ю. Михайловым. Составленный этими тремя лицами самый первый вариант «новой экономической программы» сжимал расписываемые правительством на несколько лет и этапов мероприятия по переходу от плановой социалистической экономики к капиталистическому рынку до одного года и месяца, округленно до 400 дней.

Наспех исполненный график реформ не мог быть использован по своему, изначально замышлявшемуся, прямому назначению — стать руководством к действию для «реформатора» М.С. Горбачёва. И дело было не только в качестве самого первого варианта плана-графика «400 дней». Ближайшее окружение генсека-президента просто-напросто заблокировало бы появление неизвестно откуда и от кого взявшихся легковесных программных деклараций, не шедших весной 1990 г. ни по объему, ни по качеству, ни по глубине проработки ни в какое сравнение с солидными трудами правительственной Комиссии по экономической реформе.

К тому же в стремлении «получить доступ к телу» нового президента страны у Г.А. Явлинского были в то время более солидные конкуренты, которые мыслили примерно таким же образом, как он сам, так что «молодой реформатор» не был вполне оригинален. Помимо группы Г.А. Явлинского к весне 1990 г. стали появляться и другие лица, решившие перехватить у правительственного аппарата инициативу в плане разработки программ перестройки экономики. Так, например, 12 марта, за три дня до официального вступления Горбачёва в должность Президента, назначенный незадолго до этого его экономическим советником Н.Я. Петраков по своей инициативе передал ему документ, называвшийся «Экономическая программа Президента СССР». Эта бумага была на скорую руку подготовлена им совместно с Б.Г. Федоровым, работавшим тогда консультантом в социально-экономическом отделе ЦК КПСС. Ей не был дан ход, однако привлечение Б.Г. Федорова к разработке экономической программы имело последствия в будущем.

Возможно, подготовленный Г.А. Явлинским и его молодыми помощниками первый вариант плана «400 дней» так и остался бы где-нибудь в уцелевших или уже утраченных к настоящему времени архивах с материалами сотрудников Государственной комиссии по экономическим реформам, если бы не один трагикомический случай. Г.А. Явлинский имел особенность показывать свои наработки, разумеется, взяв предварительно обязательство держать их ото всех в глубокой тайне, некоторым своим ближайшим «товарищам» и коллегам. В их числе оказался и сотрудник комиссии П.И. Субботин. По поводу обстоятельств своего ознакомления и дальнейшего обращения с «программой Явлинского» в опубликованных воспоминаниях он дает несколько путанные и противоречивые показания: «Вскоре он [Г.А. Явлинский. — *Прим. авт.*] пришел ко мне с программой „400 дней“. Когда я ее начал читать, то догадался, что это творение Явлинского. Но Григорий Алексеевич к тому моменту ограничил круг людей, с которыми делился своими достижениями, — номенклатуру рассылки он закрыл — и я этой работы не видел. Хотя теперь я уверен, что „в народ“ утечку программы сделал сам».

Что бы ни говорил впоследствии П.Я. Субботин, но он без разрешения кого-либо тайно поделился этими материалами с весьма известным и казавшимся очень перспективным в то время хозяйственным деятелем М.А. Бочаровым, руководителем «гремевшего» тогда в средствах массовой информации на всю страну Бутовского производственно-строительного концерна «БУТЭК», в котором осуществлялся очередной «экономический эксперимент», направленный на внедрение «новых форм планирования и экономического стимулирования». М.А. Бочаров в то время был заметным общественным деятелем, делегатом Верховного Совета РСФСР, близким к структурам власти тогдашнего РСФСР и к назначенному 29 мая 1990 г. (с третьей попытки) для создания противовеса М.С. Горбачёву на роль «тарана» союзных структур председателю этого органа власти Б.Н. Ельцину. Руководитель концерна «БУТЭК» планировал, заручившись поддержкой Б.Н. Ельцина, избраться на заседании Верховного Совета РСФСР на должность Председателя Совета министров РСФСР, для чего не хватало самой малости — экономической программы (предварительное «согласие» Б.Н. Ельцина выдвинуть

и поддержать его кандидатуру вроде как было получено, хотя, конечно, М.А. Бочаров должен был догадываться, что к словам политиков надо относиться осторожно).

В сложившемся раскладе М.А. Бочарову, как нельзя кстати, пригодился контакт с сотрудником комиссии союзного правительства по экономической реформе П.Я. Субботиным, который курировал вопросы «бутовского экономического эксперимента». Нарушив все принятые на себя формальные и неформальные обязательства, тот передал М.А. Бочарову наработки, сделанные Явлинским и его коллегами, по всей видимости, наивно рассчитывая, что этот «тихий слив» останется никому не известным и обойдется без последствий. Однако Субботин был разоблачен и получил порицание от академика Абалкина. Но случилось это уже после того, как М.А. Бочаров обнародовал как свои материалы, реальными авторами которых были Г.А. Явлинский и его молодые коллеги, поменяв на всякий случай только название и срок реализации предлагавшегося ими плана-графика действий с 400 до 500 дней.

В разное время Г.А. Явлинский по-разному представлял нюансы интриги, в которую он попал. «Я пошел в Кремлевский Дворец съездов, где проходил Съезд народных депутатов РСФСР, разыскал Бочарова и сказал ему: „Некрасиво получается — взяли чужую программу и используете как вздумается“. Поговорили. Он спрашивает: „Что теперь делать?“ Я сказал, что скажу об этом только Ельцину. Бочаров меня представил ему как автора программы „500 дней“»¹.

Позднее Явлинский раскрыл подробности своего общения с Б.Н. Ельциным во время их первой встречи, организованной М.А. Бочаровым. «Бочаров представил меня, назвав автором программы. Это подтвердил и присутствующий Ясин. Я предупредил Бориса Николаевича, что моя программа касается Союза, а не отдельной республики. Кроме того, ее нельзя сделать безболезненной»². Ранее Б.Н. Ельцин, пытаясь представить дело таким образом, что у российских властей имеются собственные наработки экономической программы, говорил про переданный ему Бочаровым план «500 дней», упоминая при этом, что его реализация не требует никакого повышения цен и поэтому

русская программа, в отличие от союзной, «безболезненна».

«Выслушав меня, Ельцин сказал: „Понял, но надо сделать все, как я уже сказал!“ Я удивился: „Как же я сделаю так?!“ — и услышал ответ: „А это я не знаю! Но вы должны сделать, так, как я вам сказал! РСФСР! Прогрессивная! 500 дней!“ После чего предоставил на эту работу сутки. С этим заданием я вышел из кабинета Бориса Николаевича, было 8 утра. Евгений Григорьевич сказал, что у него срочные дела, и покинул Белый дом. Нужно было что-то делать, и я придумал: никакая республика, даже РСФСР, самостоятельно не могла ее реализовать. У нее, кроме прачечных, ничего не было. Но Россия должна своими действиями заставить Союз выполнять эту программу! Таким образом, русская программа будет продвигаться союзным правительством. Позже я узнал, что программу с моего компьютера в Совете министров скачал Павел Субботин и отдал ее Бочарову. Тот с программой прибежал к Ельцину. Борис Николаевич сказал, что 400 дней — не красиво, надо сделать 500. На Россию ничего они не переделывали, чепуха это!»³

Так, по воле случая Г.А. Явлинский получил возможность реализовать свои наработки, готовившиеся им для М.С. Горбачёва, у его политического противника — Б.Н. Ельцина. В качестве компенсации за свои услуги он вскоре получил должность заместителя председателя Совета министров РСФСР.

К слову сказать, М.А. Бочаров, в конце концов, так и не был назначен на должность председателя Совета министров РСФСР, которая, как известно, досталась И.С. Силаеву.

Поставленная Б.Н. Ельциным перед Г.А. Явлинским задача в кратчайший срок трансформировать свои наработки, готовившиеся как концепция общесоюзного плана реформ в масштабах всего СССР в экономическую программу одной из пятнадцати союзных республик, пусть и самой большой, которой в то время являлась РСФСР, была невыполнимой. В отрыве от Центра одна республика не имела возможности коренным образом перестроить свою экономическую систему. Единственный шанс хоть как-то выйти из затруднительного положения ему виделся в том, чтобы каким-то образом заставить союзное руководство вместе с руководством

¹ Интервью Г. Явлинского Е. Яковлеву. Гиперболоид Григория Явлинского // Московские новости. 06.01.1991.

² Запись беседы Н.И. Кротова с Г.А. Явлинским. Москва. 16.07.2019 г. Архив АНО «Экономическая летопись».

³ Запись беседы Н.И. Кротова с Г.А. Явлинским. Москва. 16.07.2019 г. Архив АНО «Экономическая летопись».

РСФСР принять программу «400/500 дней» как общий союзно-республиканский совместный план перехода к рынку. Препятствием на пути к реализации этого начинания стояло тогдашнее Правительство СССР вместе с Комиссией по экономической реформе. Без поддержки М. С. Горбачёва ситуация была бы абсолютно безвыходной. Что бы Б. Н. Ельцин ни заявлял о способности и готовности РСФСР самостоятельно и тем более «безболезненно» провести радикальные экономические реформы, обеспечивающие переход к рынку без поддержки союзных властей, было ясно, что он блефует, пытаясь оказать на Центр психологическое давление. Что касается М. С. Горбачёва, то после провала 29 мая 1990 г. делавшихся им попыток воспрепятствовать назначению Б. Н. Ельцина главой законодательной власти в крупнейшей союзной республике, он находился в затруднительном положении. За более чем пять лет перестройки генсек-президент уже порядком поистратил тот большой кредит доверия, которым он пользовался в первые месяцы после своего прихода к власти, вызвал недовольство и разочарование очень многих и уже не мог уверенно смотреть в будущее. Влиятельные силы внутри страны и за ее пределами начали использовать его оппонента в роли противовеса, с тем, чтобы сделать его, с одной стороны, еще более управляемым, а с другой стороны, легко заменимым на нового лидера, когда он растеряет остатки своего политического капитала и влияния. Такое развитие событий было весьма вероятным и не за горами, существовал риск того, что М. С. Горбачёва каким-то образом отодвинут от власти, а на смену ему теоретически могли прийти совсем не те, кого хотели бы видеть силы, заинтересованные в радикальной трансформации и/или ликвидации СССР. Поэтому о сменщике пытались позаботиться заранее и попавший под удар Президент Советского Союза не мог не чувствовать угрозы, исходящей от своего бывшего партийного «товарища».

Представляется, что, не сумев допустить возврата Б. Н. Ельцина во власть, М. С. Горбачёв решил попробовать поменять курс на прямо противоположный и если не задружиться опять с человеком, которого он недавно пытался заблокировать, то хоть как-то нейтрализовать его негативный настрой по отношению к себе. И тут неожиданно возникший на горизонте Г. А. Явлинский со своей казавшейся изначально-

но безумной идеей организации совместной союзно-российской работы над единой программой реформ (разумеется, под его личным руководством) пришелся как нельзя кстати.

Бывший в то время экономическим советником М. С. Горбачёва Н. Я. Петраков так вспоминает соответствующий решающий момент: «В ходе обсуждения мы пришли к общему выводу, что надо попытаться объединить Горбачёва и Ельцина, с тем, чтобы они дали совместное распоряжение по подготовке новой программы перехода к рынку, программы, единой как для России, так и для Советского Союза в целом. Я предложил Григорию Явлинскому написать лично письмо Михаилу Сергеевичу Горбачёву... Я направился с этим письмом к Горбачёву. В его кабинете в Кремле сидели Яковлев и Примаков. <...> Горбачёв сначала бегло стал просматривать текст, потом его внимание мгновенно обострилось, и он уже вторично вчитался в послание Явлинского. „Где этот парень?“ — обратился он ко мне с явными признаками радостного оживления. — „...Зови его скорее“. Через 20 минут Явлинский был в Кремле» [4].

По словам Н. Я. Петракова, М. С. Горбачёву предложенная идея чрезвычайно понравилась. Дальше надо было еще уговорить на совместную работу Б. Н. Ельцина. Чтобы выполнить эту непростую задачу, Г. А. Явлинский решил слетать в Юрмалу, где председатель Верховного Совета СССР в то время проводил отпуск. Согласие было получено не без колебаний. В конце концов, старые «друзья-враги» вроде как договорились о совместной работе над общим планом экономических реформ.

Для полного успеха надо было решить еще одну проблему. Требовалось убедить главу союзного правительства Н. И. Рыжкова тоже подписаться под этой инициативой. Понятно, что ни Н. И. Рыжков, ни Л. И. Абалкин совершенно не были в восторге от того, что теперь им придется то ли на равных, то ли вообще в положении ведомых участвовать в процессе, где с другой стороны субъектами взаимодействия будут Б. Н. Ельцин (с которым у Н. И. Рыжкова были плохие отношения) и Г. А. Явлинский, в недавнем прошлом сотрудник Комиссии по экономической реформе, переметнувшийся с наработками, сделанными во время работы в союзных структурах, к российским оппонентам, при этом человек с большими амбициями. Но быть препятствием на пути налаживающегося

взаимодействия между союзным и российским лидером Н. И. Рыжков посчитал для себя невозможным и, в конце концов, после уговоров Л. И. Абалкина, с тяжелым сердцем был вынужден подписать бумагу, декларирующую намерения союзной и российской властей работать над планами экономических реформ сообща.

Дружная, конструктивная совместная работа союзных и российских разработчиков экономических программ не получилась, да и она вряд ли была возможна при том составе участников процесса, который подобрался с обеих сторон. Новая совместная союзно-республиканская рабочая группа была составлена таким образом, что первая роль в ней легко была захвачена людьми из российского лагеря, которые рассчитывали всю работу сделать самостоятельно, поставив впоследствии тем самым своих оппонентов из союзного правительства перед жесткой альтернативой — либо исполнить то, что им будет продиктовано, либо уйти (не мешать).

Проблема для союзной исполнительной власти заключалась еще в и том, что никто не отменял данного ей на III Сессии Верховного Совета СССР, состоявшейся в июне 1990 г., поручения доработать и вынести осенью на рассмотрение III Съезда народных депутатов СССР уже представленную концепцию (план) экономических реформ. Президент СССР М. С. Горбачёв заявил, что он не обладает полномочиями по отмене этого решения. В итоге под эгидой совместной союзно-республиканской рабочей группы свой вариант экономических реформ стали разрабатывать российские эксперты, а союзное правительство параллельно продолжило работу по доработке своей собственной программы. Редкие контакты между представителями двух лагерей заканчивались ссорами, взаимными упреками и обидами. На деле никакой речи ни о формировании единой, общей позиции, ни о едином плане реформ и согласованном пакете документов и речи быть не могло.

По свидетельствам очевидцев, некоторые люди из тогдашнего ближайшего окружения президента уже в то время предложили ему поменять правительство Н. И. Рыжкова [5]. В воспоминаниях А. Н. Яковлева содержатся сведения о том, что уже во время своего отпуска в Крыму Горбачёв дал поручение о подготовке нового состава правительства и концепции его реорганизации из Совета министров СССР в Кабинет министров.

Для того чтобы лучше маневрировать в сложившейся взрывоопасной обстановке, в значительной степени им же самим и созданной, М. С. Горбачёв, прервав в 20-х числах августа свой отпуск, вернулся в Москву. Он поочередно повстречался с «российскими» и «союзными» разработчиками планов экономических реформ. Сначала, пообщавшись с разработчиками программы «500 дней» он по итогам многочасового обсуждения высказался в поддержку этой программы. Однако на следующий день разработчики плана действий по линии правительства СССР донесли до президента мысли о том, что реализация того плана, который он, по сути, накануне одобрил, приведет к распаду союзного государства, и что, как заметил Н. И. Рыжков, «это была не экономическая программа, а политическая, рычаг для борьбы с руководством СССР», что, очевидно, несколько поубавило его пыл.

В конце августа состоялась долгожданная, длившаяся около пяти часов в формате «один на один», встреча-примирение М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, на которой, как можно предположить, российский лидер оказал на союзного руководителя дополнительное давление с целью подвинуть к принятию программы «500 дней».

30–31 августа состоялось очередное совместное заседание Президентского совета и Совета Федерации, в котором, по воспоминаниям М. С. Горбачёва, принимало участие «около 200 человек». В рамках этого мероприятия академиком Шаталиным, взявшим формальное шефство в качестве лоббиста над программой «500 дней», был представлен «проект Шаталина–Явлинского», а Н. И. Рыжковым — доработанная концепция реформ Совета министров СССР. По опубликованным записям А. С. Черняева, разговор шел «в скандальной тональности». Не сумев принять никакого решения, участники заседания договорились временно отложить внесение вопроса о каких-либо программах экономической реформы на Верховные Советы Союза ССР и Российской Федерации. Н. И. Рыжков это решение выполнил, дав указание не отправлять подписанный им 1 сентября правительственный проект законодателям, а Б. Н. Ельцин, наоборот, в стремлении оказать давление на союзный Центр пошел в наступление, представив 3 сентября программу «500 дней» Верховному Совету РСФСР.

В итоге, по словам бывшего в то время председателем Совета Республики Верховного Совета РСФСР В. Б. Исакова, начался очередной виток столкновения амбиций российского и союзного руководства [6].

10 сентября Н. И. Рыжков позвонил М. С. Горбачёву и заявил, что, поскольку с российской стороны договоренность отложить вынесение экономических программ на обсуждение парламентариев нарушена, и обсуждение проекта «500 дней» уже идет, то и союзное правительство планирует отправить свою программу для рассмотрения законодателями. На что был получен краткий ответ: «Отправляй. Твое право». На следующий день председатель Совета министров СССР выступил на сессии Верховного Совета с докладом «О подготовке единой общесоюзной программы перехода к регулируемой рыночной экономике и выработке мер по стабилизации народного хозяйства». В ее отношении звучало много разного рода замечаний, преимущественно критической направленности.

21 сентября на заседании Верховного Совета СССР М. С. Горбачёв предложил объединить экономические программы Явлинского–Шаталина и Абалкина–Рыжкова, т.е. фактически отказался, как от программы «500 дней», так и от программы Правительства СССР. В конце концов, по итогам очень острых и долгих дискуссий 24 сентября 1990 г. Верховный Совет СССР принял постановление, в котором признал необходимым на базе внесенного президентом проекта программы реформ, а также двух альтернативных документов и других предложений, высказанных в ходе обсуждения, подготовить еще одну единую программу стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике. При этом Президенту СССР предоставлялись дополнительные полномочия для осуществления этих мер. Попытки как российских, так и союзных разработчиков программ добиться их утверждения осенью 1990 г. окончились неудачей.

Для того чтобы создать видимость какого-то компромиссного, паллиативного решения, М. С. Горбачёв попросил академика А. Г. Аганбегяна, который после июньского (1987 г.) Пленума ЦК КПСС отошел от написания каких-либо экономических программ, вновь включиться в процесс и попробовать объединить предложения союзного правительства с российской программой. Сию невыполнимую в принципе

задачу «скрещения ужа и ежа» А. Г. Аганбегян постарался, как мог, исполнить, но, понятное дело, ничего путного из этой затеи не вышло.

Формально принятое в сентябре Верховным Советом СССР решение представить единую экономическую программу было исполнено. В установленный срок, 15 октября, 60-страничный объединенный документ под названием «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике» был направлен на рассмотрение союзным законодателям. Республикам в нем предоставлялось право решать, когда и какие конкретные меры осуществлять. А Центр должен был лишь обеспечить общую координацию в проведении реформ.

Н. И. Рыжков позднее так охарактеризовал исторгнутый из недр Администрации президента документ: «Президент направил в Верховный Совет все-таки не программу и все-таки не концепцию, но всего лишь привычные „Основные направления“ по стабилизации народного хозяйства и переходу к рыночной экономике. Это расплывчатое название тем хорошо, что не требует ни точной конкретики, ни детальной проработки путей в рынок» [7].

Одновременно с внесением «основных направлений» М. С. Горбачёв потребовал предоставления ему чрезвычайных полномочий, необходимых для того, чтобы «обеспечить вхождение в рынок». Верховный Совет РСФСР в ответ заявил, что без его ратификации никакие указы Президента СССР на территории России не будут приниматься к исполнению. Верховный Совет СССР, не без колебаний, один раз при голосовании не набрав кворума, сделал свой следующий шаг, согласившись дать главе союзного государства испрашиваемые им новые права.

19 октября члены Верховного Совета СССР, утомленные возникшим противостоянием и «войной программ», подавляющим большинством в 318 голосов (при 26 воздержавшихся и 12 проголосовавших против), утвердили «Основные направления стабилизации народного хозяйства и перехода к рыночной экономике». И хотя инициатива принятия этого документа исходила от М. С. Горбачёва, обвинения в навязывании стране «антинародной и антигуманной» экономической программы сыпались в адрес Н. И. Рыжкова и возглавляемого им правительства.

Менее чем через две недели, 31 октября, Верховный Совет РСФСР, пойдя на новый виток

обострения конфронтации с союзными властями, подтвердил принятие им ранее, 9 октября, поручения российскому правительству с 1 ноября начать переход на рыночные отношения, тем самым, по сути, одоблив программу, которая лоббировалась республиканскими властями. В СМИ было объявлено о начале действия программы «500 дней», хотя тем, кто хотя бы что-то понимал в сложившейся ситуации, было очевидно, что в обстановке того времени шансы на сколь-нибудь успешное воплощение этого плана реформ в жизнь отсутствовали.

К этому времени мысль о контрпродуктивности дальнейшего педалирования программы «500 дней» дошла до сознания Б. Н. Ельцина (и/или была доведена ему извне). В одном из данных позднее интервью Г. А. Явлинский поведал, что Ельцин в разговоре с влиятельным американским сенатором Доулом спросил, опасна ли для его политического будущего реализация программы «500 дней». Доул ответил утвердительно, и тогда Ельцин сказал: «Раз так, я по-временю с ее выполнением — у меня весной выборы».

Сам Явлинский также, в свою очередь, осознав бесперспективность попыток продавливания столь горячо вынашивавшихся им планов, уже 16 октября 1990 г. отправил в Верховный Совет РСФСР письмо, заканчивающееся такими словами: «Считая себя одним из основных авторов программы, которая, хотя и была принята, но не может быть реализована, в том числе и по вине того Правительства, в котором я состою, прошу Верховный Совет РСФСР принять мою отставку» (<http://www.yabloko.ru/Publ/500/500-yavl-l.html>). В этот момент Б. Н. Ельцин фактически исключил Явлинского из своей команды, по всей видимости, сильно разочаровавшись в способностях недавно привлеченного им «молодого реформатора». В свою очередь, Явлинский считал, что Б. Н. Ельцин его предал.

Окончательно рассорился и/или расстался со многими людьми, составлявшими его круг общения, и М. С. Горбачёв. По итогам очередного визита С. С. Шаталина в США, где академик, согласно данным им самим признаниям, много лет регулярно получал советы от разных людей, в том числе и самого высокого уровня, Президент СССР получил по линии МИДа такую информацию: «Шаталин подчеркивал, что экономика СССР смертельно больна, вкладывать в нее абсолютно бессмысленно, руководство

тупо, Горбачёв — политик вчерашнего дня, а будущее — за Ельциным» [8]. Естественно, такие сведения не могли способствовать дальнейшей конструктивной работе академика и президента.

По свидетельству Е. Г. Ясина, проведя оценку возможных последствий реализации планов по переходу к рынку, специалисты Госплана СССР довели до руководства Совета министров СССР информацию о том, что «при проведении радикальных реформ в течение двух лет валовой национальный продукт СССР сократится на 18–20%, потребительские цены вырастут не менее, чем на 100%, реальные доходы населения сократятся на 20%, спад инвестиций достигнет 60%, а безработица вырастет на 8%. Оценка трудовых ресурсов, высвобождаемых в результате структурной реформы экономики, давала цифру в 40 млн человек» [9].

По всей видимости, такого рода прогнозы, длящаяся долгое время чехарда с планами по реформированию экономики, многолетняя борьба по разным направлениям, поведение союзного и российских политических лидеров вместе с их окружением, ощущение возникшего тупика и бесперспективности, усталость от всего этого вынудили Н. И. Рыжкова в декабре 1990 г. подать заявление об отставке, которое было принято, как представляется, не без чувств облечения и известного удовлетворения.

ВЫВОДЫ

Неудавшаяся попытка совместно разработать, представить и реализовать общую программу экономических реформ вбила новый клин в и не без того непростые отношения М. С. Горбачёва и Б. Н. Ельцина, подстегнув новый виток их многолетней вражды и взаимной конфронтации друг с другом. Даже по прошествии многих лет бывший российский президент не стеснялся публично выражать свои не остывшие с тех времен чувства по отношению к оппоненту, говоря при этом такие вещи: «Ведь как действовал Ельцин? Со мной договаривался и подписывал, а за спиной тянул это. Это, вообще говоря, подлость такая, я ему это простить не могу. Даже вот он мертвый, и уже мне не хотелось бы говорить об этом, но это подлый человек оказался. И я его все время и выдвигал... Человек — ошибка моя. Еще подлость, наверное, от пьянства. Дурной он человек, вообще говоря. Господи, прости меня! И трудящиеся, простите меня» (<http://echo.msk.ru/programs/korzun/749959-echo/>).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кротов Н. И. Акела промахнулся, запускайте Берлагу. Попытка понять смысл экономических реформ 1980-х годов. М.: Товарищество научных изданий КМК; 2019. 708 с.
2. Абалкин Л. И. Неиспользованный шанс: Полтора года в правительстве / Леонид Абалкин. М.: Политиздат; 1991. 304 с.
3. Горбачёв М. С. Жизнь и реформы. Кн. 1, 2. М.: Новости; 1995.
4. Петраков Н. Я. Русская рулетка. Экономический эксперимент ценою 150 миллионов жизней. М.: Экономика; 1998.
5. Черняев А. С. Шесть лет с Горбачёвым: По дневниковым записям. М.: Прогресс-Культура; 1993.
6. Исаков В. Б. Председатель Совета Республики. Парламентские дневники 1990–1991. М.: Палея; 1996.
7. Рыжков Н. И. Перестройка: история предательств. М.: Новости; 1992.
8. Шаталин С. С. Жизнь, не похожая ни на чью. М.: Экономическая газета; 2004. С. 109.
9. Ясин Е. Г. Российская экономика: Истоки и панорама рыночных реформ. М.: ГУ-ВШЭ; 2002.

REFERENCES

1. Krotov N. I. Akela missed, launch Berla. An attempt to understand the meaning of the economic reforms of the 1980s. Moscow: KMK Scientific Publishing Association; 2019. (In Russ.).
2. Abalkin L. I. Missed Chance: One and a half years in government. Moscow: Politizdat; 1991. (In Russ.).
3. Gorbachev M. S. Life and reforms. Book 1, 2. Moscow: Novosti; 1995. (In Russ.).
4. Petrakov N. Ya. Russian roulette. An economic experiment costing 150 million lives. Moscow: Ekonomika; 1998. (In Russ.).
5. Chernyaev A. S. Six Years with Gorbachev: According to Diary Entries. Moscow: Progress-Culture; 1993. (In Russ.).
6. Isakov V. B. Chairman of the Council of the Republic. Parliamentary Diaries 1990–1991. Moscow: Paleya; 1996. (In Russ.).
7. Ryzhkov N. I. Perestroika: A history of betrayals. Moscow: Novosti; 1992. (In Russ.).
8. Shatalin S. S. A life like no one else's. Moscow: Ekonomicheskaya gazeta; 2004. (In Russ.).
9. Yasin E. G. Russian Economy: Origins and Panorama of Market Reforms. Moscow: HSE; 2002. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Михаил Юрьевич Алексеев — доктор экономических наук, декан факультета международных экономических отношений, Финансовый университет; заместитель председателя Банка России, Москва, Россия MYAlekseev@fa.ru

ABOUT THE AUTHOR

Mikhail Yurievich Alekseev — Doctor of Economics, Dean of the Faculty of International Economic Relations, Financial University; Deputy Governor of the Bank of Russia, Moscow, Russia MYAlekseev@fa.ru

Статья поступила 10.08.2020; принята к публикации 10.09.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.08.2020; accepted for publication on 10.09.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-62-70
УДК 330.843(045)

Концептуальное видение устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы в творческом наследии Шарля Фурье

Я.С. Ядгаров

Финансовый университет Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-7038-0630>

АННОТАЦИЯ

Актуальность выполненного исследования обусловлена необходимостью объективного осмысления творческого наследия Шарля Фурье — одного из лидеров утопического социализма в постмануфактурном периоде, который внес существенный вклад в становление и формирование концептуальных оснований современной антикризисной экономической политики и альтернативных моделей социально ориентированной хозяйственной жизни. Цель статьи заключается в отображении и популяризации ключевых теоретико-методологических и реформаторских нововведений этого ученого. В статье задействован методологический инструментарий диалектического, сравнительного и междисциплинарного анализа. Основными итогами исследования являются, во-первых, аргументация вывода о доказательном характере критики Ш. Фурье современной ему экономики свободной конкуренции и обоснованности его рекомендаций о целесообразности эволюционных (в том числе, реформаторских) социально-экономических преобразований к лучшему. И, во-вторых, постулирование вывода о правомерности и целесообразности его рекомендаций, перманентно воплощающихся в жизнь, которые направлены на организацию свободных ассоциативных образований трудящихся (в том числе, в сфере малого бизнеса).

Ключевые слова: социально-экономическая система; системный анализ; межотраслевой подход; Шарль Фурье

Для цитирования: Ядгаров Я.С. Концептуальное видение устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы в творческом наследии Шарля Фурье. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):62-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-62-70

ORIGINAL PAPER

Conceptual Vision of Sustainable and Crisis-Free Development of the Socio-Economic System in the Creative Legacy of Charles Fourier

Ya.S. Yadgarov

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-7038-0630>

ABSTRACT

The relevance of the research is due to the need for a holistic objective understanding of the creative heritage of Charles Fourier, who was one of the leaders of utopian socialism in the post-manufactural period, and who made a significant contribution to the formation and formation of the conceptual foundations of modern anti-crisis economic policy and alternative models of socially oriented economic life. The purpose of the article is to display and popularize the key theoretical, methodological and reform innovations of this scientist. The article uses the methodological tools of dialectical, comparative and interdisciplinary analysis. The main results of the research were, first, the argumentation of the conclusion about the evidentiary nature of Fourier's criticism of the modern economy of free competition and the validity of his recommendations on the feasibility of evolutionary, including reform, socio-economic transformations for the better. And, secondly, postulating a conclusion about the legality and expediency of those recommendations that are permanently implemented, which are aimed at organizing free associative formations of workers (including in the sphere of small business).

Keywords: socio-economic system; system analysis; intersectoral approach; Charles Fourier

For citation: Yadgarov Ya.S. Conceptual vision of sustainable and crisis-free development of the socio-economic system in the creative legacy of Charles Fourier. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):62-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-62-70

ВОЗНИКНОВЕНИЕ РЕФОРМАТОРСКИХ ВЕКТОРОВ В РАЗВИТИИ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ НАУКИ В ПОСТМАНУФАКТУРНОМ ПЕРИОДЕ

В развитии экономической науки одним из наиболее важных является постмануфактурный период, связанный с завершением в первой половине XIX в. сначала в Англии, а затем во Франции и других европейских странах перехода от ручного труда к преимущественно машинному (механизированному) и от крестьянского типа хозяйствования — к фермерству. Данный период способствовал, как известно, индустриализации и коммерциализации хозяйственной жизни, включая формирование фабрик, заводов и фермерских хозяйств, а также существенному росту производительности труда во всех отраслях и сферах хозяйственной жизни, обеспечив повсеместно создание институтов рыночной инфраструктуры и многократное снижение розничных цен на многие товары массового потребления. Причем благодаря возникшим в этот период сочинениям Д. Рикардо, Ж. Б. Сэя, Т. Мальтуса, Н. Сениора, Ф. Бастиа и других адептов доминировавшей тогда в экономической науке классической политической экономии смитианские постулаты о «невидимой руке» и ничем не ограниченной свободе предпринимательской деятельности (*laissez faire*), казалось бы, окончательно доказали свое безальтернативное предназначение. Поэтому классики, как полагает американский историк экономической мысли Т. Негиши, были совершенно убеждены в том, что «направляемая невидимой рукой рыночного механизма, основанного на общественном разделении труда, погоня за частными интересами ведет к богатству всего общества» [1, с. 26]. Отсюда, как отмечают видные французские историки-экономисты Ш. Жид и Ш. Рист, следует также то, что в силу тогдашних «глубоких перемен в экономическом мире ... повсюду господствовал экономический либерализм», и поэтому «государство отказалось от всякого вмешательства в организацию производства и в отношения между рабочими и хозяевами» [2, с. 143].

Однако, говоря о реалиях постмануфактурного периода, следует принять во внимание то, что уже в самом начале XIX столетия в тех странах, где возобладали принципы экономического либерализма и либеральные хозяйственные нововведения, почти повсеместно

обыденным становились негативные последствия промышленного переворота, а с 1825 г. регулярно стали случаться расширяющиеся раз от раза кризисы. Последние еще более усугубляли диспропорцию в развитии различных хозяйственных сфер, отраслей и звеньев, способствовали разорению мелких собственников и недобровольной безработице. Данные обстоятельства в отсутствие законодательства, регламентирующего условия организации производства, нормирования и охраны труда наемных рабочих и воспрепятствующего практике привлечения труда детей, усиливали социальную напряженность в обществе вплоть до забастовок наемных работников. При этом, вплоть до второй половины того же столетия, когда классическая политическая экономия окончательно исчерпала себя, ее адепты продолжали увлекаться абстракциями и дедуктивным анализом, идеализируя либеральные основания социально-экономического устройства в постмануфактурном периоде. Тем самым они рассчитывали исключить притязания своих потенциальных оппонентов на аргументированную критику политики *laissez faire*, претворение в жизнь реформаторских новаций, альтернативных их видению гармонизации хозяйственной жизни.

Вышеуказанные предпосылки вкупе с новациями вновь возникшего поколения противников экономического либерализма способствовали зарождению и формированию реформаторских векторов в развитии экономической науки, проявивших себя в течение первой половины и середины XIX в., прежде всего в Англии, Франции и Германии. Такого рода нелиберальными — альтернативными классической политической экономии и ориентированными на реформы векторами явились экономический романтизм, утопический социализм и немецкая историческая школа (или, что одно и то же, — социально-историческое направление). И здесь важно заметить, что лидеров этих направлений объединяет и сближает положение, согласно которому в условиях *laissez faire* совпадение частного и общего интересов априори невозможно.

Например, ведущие представители экономического романтизма С. Сисмонди и П. Прудон ратовали за «обуздание» перманентно проявляющихся в рамках экономики ничем не ограниченной свободной конкуренции

злоупотреблений посредством, главным образом, мероприятий по обеспечению ведущей роли в хозяйственной жизни мелкой собственности и мелких форм предпринимательской деятельности. Причем первый из них в рамках рекомендуемых реформаторских мер определяющую роль отводил государству (правительству), а второй предпочитал указани-ям и предписаниям «сверху» исключительно инициативу «снизу», т.е. самих трудящихся.

Родоначальники немецкой исторической школы (В. Рошер, К. Книс, Б. Гильдебранд) ориентировались на реформаторские постулаты именитых предшественников (Ф. Лист, А. Мюллер) о том, что при формировании рыночной хозяйственной системы создание фабрично-заводских и фермерских структур должно быть сопряжено с национально-историческими особенностями страны, реализацией протекционистских мероприятий в рамках требующихся реформ.

А наиболее известные социалисты-утописты постмануфактурного периода Р. Оуэн, К. Сен-Симон и Ш. Фурье (о них речь пойдет ниже) в своих реформаторских концепциях тоже обращены к поиску путей делиберализации и деиндивидуализации реалий хозяйственной жизни ради недопущения в экономике кризисов, преодоления социальных противоречий в обществе. При этом особое внимание они уделили реформаторским изысканиям по обоснованию формирования ассоциативных и кооперативных структур, осмыслению проблематики совершенствования быта и социальной среды, увязывая успех реформ как с инициативой «сверху», так и «снизу».

ТРИУМВИРАТ УТОПИЧЕСКОГО СОЦИАЛИЗМА ПОСТМАНУФАКТУРНОГО ПЕРИОДА: СОЦИАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННЫЙ РЕФОРМАТОРСКИЙ АСПЕКТ

Задача устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы, занимая центральное место в творчестве представителей всех трех вышеназванных векторов (направлений) неприятия либеральной идеологии классической политической экономии в постмануфактурном периоде, в изысканиях триумvirата основоположников утопического социализма: Оуэн — Сен-Симон — Фурье, — шла весьма специфичное научно-практическое

осмысление и решение. Здесь имеется в виду то, что каждый из исследователей, указанных в триумvirате, позиционируя себя непримиримым оппонентом классиков, тем не менее, подобно критикуемым им же смитианцам, главной целью экономической политики считал дальнейшее ускорение научно-технического прогресса при всемерном росте общественного производства. Но принципиальная разница между классиками и социалистами-утопистами очевидна в диаметрально противоположном видении сущности и путей построения моделей идеального социального устройства общества и каждого человека [3, с. 234].

Краткую личностную и творческую характеристику триумvirата социалистов-утопистов, заявившего о себе в постмануфактурном периоде, целесообразно начать с того, что в данной тройке неординарных ученых-экономистов Р. Оуэна, как правило, принято считать лидером английской научной школы утопического социализма, а К. Сен-Симона и Ш. Фурье — французской. При этом в творческом плане каждый из них известен современному научному экономическому сообществу как автор сочинений, имеющих социально ориентированную реформаторскую направленность.

В их числе Р. Оуэн заявил о себе не только как автор сочинений «Об образовании человеческого характера» (1813–1814), «Доклад графству Нью-Ланарк» (1820), «Книга о новом нравственном мире» (1836–1844), но и как яркий экспериментатор, дважды на личном примере попытавшийся реализовать собственные реформаторские проекты, направленные на формирование «новой» социально-экономической среды. В частности, его первый в Нью-Ланарке, Шотландия, эксперимент (1800–1824) на тамошней текстильной фабрике стал, можно сказать, хрестоматийным для ученых-экономистов ряда поколений, вплоть до нашего времени благодаря ряду новаторских управленческих и организационных мероприятий. Так, по сути, за полвека до принятия в Великобритании официального фабрично-заводского законодательства на фабрике Р. Оуэна продолжительность рабочего дня была сокращена с 17 до 10 часов. Кроме того, он ввел запрет на взимание штрафов из заработной платы наемных рабочих за некие нарушения правил (условий) трудового соглашения и не допускал привлечение к наемному труду детей в возрасте до 10 лет

[2, с. 189]. Здесь важно упомянуть о том, что на балансе его нью-ланаркской фабрики состояли ясли, детский сад и школа (для начального обучения детей и вечернего образования рабочих), подразделения розничной торговли семей фабричных рабочих.

Для достижения конечной цели, по убеждению Р. Оуэна, процесс проведения в планетарном масштабе реформ по созданию кооперативной самостоятельно («снизу») организующейся ассоциации трудовых коллективов должен осуществляться в течение переходного периода до 10 лет. Именно этот промежуток времени, уверен он, обеспечит в конечном счете господство общественной собственности для решения такой задачи, как воспитание и формирование характеров членов общества [4, с. 189].

В свою очередь, К. Сен-Симон в триаде лидеров утопического социализма постмануфактурного периода выделяется своими политико-экономическими идеями и убеждениями социалистической направленности, предвосхитившими его отказ от дворянского звания и графского титула. В своих сочинениях «Письма Женевского обитателя к современникам» (1803), «О промышленной системе» (1821), «Катехизис промышленников» (1823–1824) и других он красной нитью проводит положение о необходимости реформирования «сверху» современной ему «несправедливой» экономики свободной конкуренции. Важным в данной связи он считает исключить анархию, насилие и революционные потрясения с тем, чтобы обеспечить «коренную перемену социальной организации» ради «политического утверждения промышленного строя» [5, с. 230]. В постулируемой им концепции устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы в числе прочего обращают на себя внимание положения, во-первых, о том, что о целях и путях, а также о средствах и сроках предстоящих реформаторских преобразований следует возвестить народу непременно первому лицу государства. Во-вторых, о том, что сформировать общественное мнение о неотвратимости социально ориентированных реформ способен только промышленный класс. И, в-третьих, о том, что управление государственным и хозяйственным развитием, воспитательными и моральными интересами общества следует возложить исключительно на ученых, вследствие чего, по его мысли, «наи-

более важным дополнением к Академии наук будет образование отделения политической экономии» [5, с. 256].

Наконец, Ш. Фурье, как и его английский коллега Р. Оуэн, в пропагандируемых классиками принципах *laissez faire* видел неотвратимую угрозу все более усиливающимся кризисов перепроизводства, могущих привести к неразрешимой проблеме саморазрушения современного ему общества. Предотвращению данной угрозы ненасильственными реформаторскими мероприятиями, иницируемыми «снизу» трудящимися, он посвятил ряд своих научных сочинений. В их числе можно отметить такие труды, как «Теория четырех движений и всеобщих судеб» (1808), «Новый хозяйственный и социетарный мир, или Открытие способов привлекательного и природосообразного труда, распределенного в сериях по страсти» (1829), «О трех внешних единствах» (посмертно, 1845). На страницах этих работ Ш. Фурье рассчитывал довести до общественности сущность своего «открытия», предвещающего всему человечеству посредством рекомендуемых им реформаторских мероприятий полную «социальную согласованность», которая проявит себя во всех ее составляющих, включая достижение «единства языка, мер, типографских знаков и других средств сношений» [6, с. 116]. Правда для этого, полагает ученый, потребуются переходный «промежуток времени в 30 лет» [6, с. 353], по истечении которого ни у кого не останется сомнений в том, что идеализируемый классиками и их адептами «порядок цивилизации нелеп в частях, как и в целом» [6, с. 375].

ОСОБЕННОСТИ РЕФОРМАТОРСКОЙ КОНЦЕПЦИИ УСТОЙЧИВОГО И БЕСКРИЗИСНОГО РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ Ш. ФУРЬЕ

В творческом наследии триумвирата основоположников утопического социализма Оуэн — Сен-Симон — Фурье очевидны как общие, так и особенные составляющие видения ими путей преодоления ортодоксальных теоретико-методологических сентенций представителей классической политической экономии. Но в целом их научно-практические новации весьма близки друг другу, во-первых, неприятием базирующейся на смитианских постулатах об экономическом человеке и невидимой руке идеальной саморегулирующейся (благодаря независимым от воли

и сознания человека «объективным законам») модели социально-экономической системы классиков. И, во-вторых, тем, что указанный триумvirат в поисках альтернативной классикам идеальной модели социально-экономического устройства руководствуется, прежде всего, морально-нравственными ценностями и принципами социальной справедливости в хозяйственной жизни, выдвигая на первый план положения о необходимости системных мероприятий по ее реформированию «сверху» (по Сен-Симону), либо «снизу» (по Оуэну и Фурье).

В своей реформаторской концепции Ш. Фурье резко критикует классиков за недопонимание ими того, что «второстепенный класс» торговцев и торговых агентов подчинил себе «все основные классы» и «даже правительство». Причем этот неосновной класс, настаивает ученый, превратившись в «чудовищную силу», уклоняющуюся «от вмешательства правительства» [6, с. 229, 231]. Ставит он классикам в вину и превращение политической экономии в науку, «которая говорит только кошелек», превращая «наслаждения роскоши и сладострастия в религиозные действия» и готова забрасывать «цветами эту жажду золота, возбужденную экономистами» [7, с. 97]. А истинная суть воззрений классиков, по его убеждению, сводится к положению о том, что «всякое производство полезно, лишь бы оно создавало легионы изможденных голодом людей, продающих себя по низкой цене приобретателям и заведующим мастерскими» [8, с. 307].

Руководствуясь такого рода умозаключениями в процессе разработки своей реформаторской антикризисной социально ориентированной концепции, Ш. Фурье в качестве ключевой ставит перед собой задачу, с одной стороны, довести до научного экономического сообщества и других слоев общественности аргументацию всего многообразия недостатков «строения цивилизации». И, с другой, противопоставить им достоинства рекомендуемой модели «строения согласованности» с присущим ему «социетарным режимом», «социетарным порядком» и «гарантизмом».

С высот сегодняшнего времени следует отметить, что концептуальное видение будущего устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы Ш. Фурье (в отличие от реформаторских идей Р. Оуэна, также ратовавшего за общепланетарные ре-

форматорские преобразования «снизу») отличается рядом существенных особенностей. Причем обусловлено это теми неоспоримыми фактами, которые свидетельствуют о значительной степени оригинальности, достоверности и реальности многих аргументированных в трудах Ш. Фурье нововведений социально-экономического и правового характера, и которые обобщенно подтверждаются следующими обстоятельствами.

Первое. Масштабное и всеохватное реформирование национальной экономики, затрагивающее одновременно все общественные институты действительно, как полагают социалисты-утописты, требует длительного промежуточного (переходного) периода времени. Однако в этой части более реалистичной представляется позиция Ш. Фурье, который, в отличие Р. Оуэна, такого рода «промежуток времени» предложил принять длиною не в 10, а в 30 лет.

Второе. Ш. Фурье, как и Р. Оуэн, будучи по сути убежденным «социалистом-ассоцианистом», ратует за то, чтобы посредством организации автономных ассоциативных структур «индивид не потерялся в массе» с тем, чтобы обеспечить целесообразное использование в экономике форм предпринимательской деятельности, способных обеспечить высокую эффективность общественного производства, таких как акционерные общества, кооперативы, фермерские хозяйства. Однако Ш. Фурье категорически настаивал на том, что «секта Оуэна» предложила «систему, целиком противную природе», да еще и слишком «малоприбыльную» [8, с. 16] и, полагая так, в своей реформаторской концепции сделал весьма важные свершившиеся впоследствии социальные прогнозы. Это в числе других прогнозов о том, что благодаря грядущим преобразованиям реальностью станет «освобождение негров и рабов, согласованное вполне добровольно с хозяевами», а также о том, что «женщины очень скоро вернут себе роль, которую им предназначила природа, роль соперниц, а не подданных мужского пола» [7, с. 8, 307].

Третье. Самоучка в различных областях науки и торговый агент по профессии Ш. Фурье, изобличая порочную и эксплуататорскую систему «цивилизованного общества», о котором ратовали классики, конечную цель своих реформ видел в создании нового бескризисного

«социетарного мира» с повсеместно организуемыми ассоциативными образованиями, называемыми им «фаланстерами», в которых собственность сможет приобрести всеобщий характер. Причем, по его замыслу, в «фаланстерах», включающих в свою структуру многообразные «фаланги», не будет места наемному труду, а занятые там рабочие станут акционерами, которые могут участвовать в прибылях и быть избранными на руководящие должности. Более того, будучи критически настроенным к частной собственности в крупных размерах, Ш. Фурье допускал, что владеть собственностью будет каждый непосредственно причастный к товарному производству индивид. В данном контексте «фаланстеры» Ш. Фурье, по сути, представляют из себя не просто производительные и потребительские (как, например, оуэновские федеративные поселения), а специфические ассоциации со статусом акционерных обществ, способных к осуществлению обмена между собой определенным излишком производимой товарной продукции на взаимовыгодной основе. И эта научно-практическая позиция ученого вполне соотносится с его утверждением о том, что «акция есть более реальная ценность, чем имения и металлические деньги» [2, с. 198].

РЕЗУЛЬТАТЫ И ДИСКУССИЯ

Итак, рассмотренные выше сущностные особенности проектируемой Ш. Фурье реформаторской концепции устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы свидетельствуют о реалистичности его видения неизбежной грядущей перманентной трансформации современной ему (функционирующей при абсолютизации классиками постмануфактурного периода политики *laissez faire*) экономики посредством инициируемых регулирующих мер самими трудящимися «снизу» и придания ей социальной направленности. Однако с тех пор и по настоящее время вот уже на протяжении двух последних столетий дискуссии, возникшие еще в первой половине XIX в., позволяющие выявить тех, кто приемлет либо отвергает социально ориентированные реформаторские новации этого ученого (ставшие всеобщим достоянием), ничуть не утихают. Эти дискуссии, напротив, приобретают все более разнообразные оттенки и нюансы, обуславливая разномыслие и при-

влекая к себе пристальное внимание многих поколений исследователей реформаторских векторов в процессе эволюции альтернативных экономических идей и моделей хозяйственной жизни.

В этой связи представляется необходимым обратить внимание на разноплановые дискуссионные аспекты интерпретации оценочных суждений по поводу творческого наследия Ш. Фурье и других адептов утопического социализма, имеющие место в отечественной историко-экономической литературе, выделив в ней сочинения досоветского, советского, постсоветского периода. При этом рассмотрение и обобщение содержания дискуссионных материалов данной направленности позволяет отметить нижеследующие важные, с научно-практической точки зрения, моменты.

Например, в досоветском периоде из довольно большого числа российских политэкономов, придерживавшихся критической оценочной позиции в отношении идей классиков о саморегулирующейся, автоматически равновесной и бескризисной социально-экономической системе нельзя, думается, не заметить одного из видных российских ученых-экономистов середины и второй половины XIX в., И.К. Бабста. Данный убежденный оппонент смитианской идеологии постмануфактурного периода в своей книге «Публичные лекции по политической экономии» (1860 г.) и других сочинениях, в духе Ш. Фурье, критикует сформировавшуюся в его бытность и функционировавшую на принципах экономического либерализма ничем нерегулируемую фабрично-заводскую систему. Он, как очевидно, практически солидаризируется с Ш. Фурье, утверждая в упомянутых «Публичных лекциях» о том, что при почти повсеместно сложившихся условиях доминирования ничем не регулируемой фабрично-заводской системы «рабочий вырождается и телом и душой, становится нравственным и физическим калекой и переходит почти в рабскую зависимость от фабриканта-капиталиста» [9, с. 45].

В экономической литературе советского периода дискуссионная составляющая в отношении оценочных суждений творческого наследия Ш. Фурье, включая его реформаторские изыскания, проявляет себя преимущественно в негативных аспектах с акцентированием внимания (в контексте господствовавшей тогда марксистско-ленинской идеологии)

на классовую ограниченность, непонимание этим ученым (как и другими представителями утопического социализма) «объективных экономических законов». Недвусмысленная априорная критическая оценка результатов поиска моделей устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы социалистами-утопистами (в том числе Ш. Фурье) продемонстрирована, в частности, Л. М. Мордуховичем, Т. Г. Семенковой, рядом других приверженцев марксистской исследовательской парадигмы.

К примеру, Л. М. Мордуховичу в его книге «Главные этапы истории экономических учений» (1970) основной недостаток творчества социалистов-утопистов видится в том, что они «не понимали законов развития общества и считали, что социализм соответствует естественному порядку, так как представляет собой строй, отвечающий природным склонностям человека, которые открываются разумом». По этой причине продолжает данный советский историк экономической мысли, ни Фурье, ни другие представители утопического социализма «не могли экономически обосновывать необходимость социализма». Вот почему, заключает он, социалисты-утописты ограничивались тем, что лишь «апеллировали ко всем классам населения и в основном к имущим, так как, веря в силу разума, считали, что они, как наиболее просвещенные люди, скорее поймут их идеи и претворят в жизнь» [10, с. 75–76].

Т. Г. Семенкова, будучи солидарна с оценочными суждениями Л. М. Мордуховича, практически вторит ему на страницах одного из вузовских учебников «История экономических учений» последнего десятилетия советского периода с ее авторским участием. В этом учебнике в главе «Экономические учения западноевропейских социалистов-утопистов» она утверждает, в частности, о том, что социалисты-утописты «выступали за право рабочих на полный продукт труда», но допустили непростительное упущение, проявившееся в том, что «не опирались на знание законов общественного развития и его движущих сил» [11, с. 108].

Что касается постсоветского периода, то на протяжении данного (нового) времени в отечественной экономической литературе дискуссии о месте и роли реформаторских социально ориентированных новациях Ш. Фурье и дру-

гих адептов утопического социализма, как правило, весьма далеки от идеологических штампов и априорных суждений. Нынешнее качественно новое для отечественной экономической науки время можно охарактеризовать также как период признания важных предвидений этого ученого, проявившихся в преодолении ортодоксальных сентенций об универсальных «экономических законах». Ведь знание, познание и беспрекословное следование последним (как полагали многие поколения приверженцев экономического либерализма) может способствовать достижению совершенной конкуренции и свободного ценнообразования, сформировать саморегулирующуюся устойчивую и бескризисно развивающуюся социально-экономическую систему. Поэтому, как отмечает в своей книге «История экономических учений» (1998) Р. Я. Левите, общество будущего, которое представлял себе Ш. Фурье, очевидно, не обязательно будет унифицировано самоуправляющимися небольшими общинами (до 2 тыс. человек), которые он называл «фаланстерами». В соответствии с пояснениями этого историка экономической мысли, в последних едва ли не будет частной собственности на средства производства ради выполнения всех работ «по плану» и также не обязательно, что на смену конкуренции, при которой выигрыш одного есть проигрыш всех остальных, придет соревнование. Зато в итоге, т. е. по совокупности рекомендуемых мероприятий, заключает ученый, реализация реформаторского проекта Ш. Фурье нацелена на то, что «порождавшие бедность основной массы населения экономические кризисы станут невозможными» [12, с. 38, 39].

Выводы

Подводя итоги выполненного исследования, сформулируем заключительные обобщающие положения и выводы, позволяющие оценить творческое наследие видного представителя утопического социализма первой половины XIX в. Шарля Фурье в контексте внесенных им в экономическую науку новаций, востребованных и в наше время и проявляющихся в его концепции устойчивого и бескризисного развития социально-экономической системы.

Отметим, что Ш. Фурье в полной мере солидаризируется с Р. Оуэном, К. Сен-Симоном и другими исследователями новой (постсми-

тианской) волны развития утопического социализма в постулировании целого ряда теоретико-методологических понятий и категорий, альтернативных классическим. Данное обстоятельство очевидно, во-первых, в критике ими института частной собственности и осуждении экономики свободной конкуренции, в которой они видели первопричину эксплуатации человека человеком и предпосылки к монополизации и кризисам в хозяйственной жизни. Во-вторых, в одобрении целесообразности мер по агитации и пропаганде, направленных на уничтожение конкуренции между антагонистическими классами общества посредством организации (в том числе лично) ассоциативных хозяйственных структур трудящихся, в которых каждый сохранит «полный продукт своего труда». И, в-третьих, в неприятии каждым из них умозаключений о возможности социально-экономических преобразований к лучшему посредством революционной, то есть насильственной, ломки идеализируемого классиками сложившегося в их бытность несправедливого и эксплуататорского общества.

Далее представляется возможным отметить, что творческое наследие Ш. Фурье, как и учение социалистов-утопистов в целом, следуя сложившейся в экономической литературе в прошлом и настоящем традиции, едва ли оправдано характеризовать как сугубо «утопическое» либо «социалистическое». Таким образом, думается, станет возможным исключить априорность стереотипных акцентов исследователей о несбыточности творческого насле-

дия утопического социализма. А требующиеся для такого вывода конкретные убедительные аргументы и доказательства, на наш взгляд, очевидны в тех ценных социально направленных реформаторских предвидениях, которые на протяжении двух последних столетий стали реальностями хозяйственной жизни, в том числе, в процессе внедрения концепций социального рыночного хозяйства, а также социального контроля общества над экономикой и др.

Речь в данной связи может идти о сбывшихся предвидениях Ш. Фурье о возможности обеспечить во всем мире организацию удовлетворения семейно-бытовых нужд посредством создания специализированных отраслей хозяйства, общественно организованных служб, призванных выполнять коллективные либо индивидуальные услуги по воспитанию детей, общественному питанию, медицинскому, бытовому, жилищно-коммунальному обслуживанию населения. Кроме того, уместно указать и на такое свершившееся предвидение Ш. Фурье, как проживание людей в многоквартирных домах, гостиницах, пансионатах.

Таким образом, переосмысление новаций социалистов-утопистов, несомненно, будет содействовать тому, чтобы постсоветское научно-практическое сообщество активизировало работу по выработке (в духе Ш. Фурье) реформаторских проектов бескризисного социально ориентированного развития российской хозяйственной жизни и решению задач качественного обновления и развития социально-экономической системы нашей страны.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Негиши Т. История экономической теории. Л. Л. Любимов и В. С. Автономов, ред. Пер. с англ. М.: АО «Аспект-Пресс»; 1995. 462 с.
2. Жид Ш., Рист Ш. История экономических учений. Пер. с фр. М.: Экономика; 1995. 544 с.
3. Ядгаров Я. С. История экономических учений. Учебное пособие для вузов. 4-е изд., перераб. и доп. М.: ИНФРА-М; 2013. 480 с.
4. Оуэн Р. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М. — Л.: Из-во Акад. наук СССР; 1950. 352 с.
5. Сен-Симон К. А. Избранные сочинения. В 2 т. Т. 2. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1948. 487 с.
6. Фурье Ш. Избранные сочинения в 4 т. Т. 1. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1951. 428 с.
7. Фурье Ш. Избранные сочинения в 4 т. Т. 2. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1951. 396 с.
8. Фурье Ш. Избранные сочинения в 4 т. Т. 3. М. — Л.: Изд-во Академии наук СССР; 1954. 600 с.
9. Бабст И. К. Публичные лекции по политической экономии. Вып. 1. М.: Тип. Бахметьева.; 1860. 136 с.
10. Мордухович Л. М. Главные этапы истории экономических учений. Вып. 1. М.: Моск. ин-т народного хозяйства им. Г. В. Плеханова; 1970. 178 с.
11. Рындина М. Н., Василевский Е. Г., Голосов В. В. и др. История экономических учений. Учебник для экон. спец. Вузов. М.: Высш. школа; 1983. 559 с.
12. Левита Р. Я. История экономических учений. М.: Catallaxy; 1998. 192 с.

REFERENCES

1. Negishi T. History of economic theory. L.L. Lyubimov, V.S. Avtonomov, ed. Moscow: Aspect-Press; 1995. 462 p. (In Russ.).
2. Gide Ch., Rist Ch. History of economic doctrines. Moscow: Economics; 1995. 544 p. (In Russ.).
3. Yadgarov Ya. S. History of economic teachings. Textbook for universities. 4th ed. Moscow: INFRA-M; 2013. 480 p. (In Russ.).
4. Owen R. Selected works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow–Leningrad: Academia of Sciences of USSR; 1950. 352 p. (In Russ.).
5. Saint-Simon K. Selected works. In 2 vols. Vol. 2. Moscow–Leningrad: Academia of Sciences of USSR; 1948. 487 p. (In Russ.).
6. Fourier Ch. Selected works. In 4 vols. Vol. 1. Moscow–Leningrad: Academia of Sciences of USSR; 1951. 428 p. (In Russ.).
7. Fourier Ch. Selected works. In 4 vols. Vol. 2. Moscow–Leningrad: Academia of Sciences of USSR; 1951. 428 p. (In Russ.).
8. Fourier Ch. Selected works. In 4 vols. Vol. 3. Moscow–Leningrad: Academia of Sciences of USSR; 1951. 428 p. (In Russ.).
9. Babst I. K. Public lectures on political economy. Issue 1. Moscow: Bakhmet'ev; 1860. 136 p. (In Russ.).
10. Mordukhovich L. M. Main stages of the history of economic studies. Issue 1. Moscow: Moscow Plekhanov Institute of National Economy; 1970. 178 p. (In Russ.).
11. Ryndina M. N., Vasilevsky E. G., Golosov V. V., et al. History of economic exercises. Textbook. Moscow: Higher school; 1983. 559 p. (In Russ.).
12. Levita R. Ya. History of economic studies. Moscow: Catallaxy; 1998. 192 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Яков Семенович Ядгаров — доктор экономических наук, профессор, заведующий секцией «История экономической мысли» Департамента экономической теории, Финансовый университет, Москва, Россия
yakovyadgarov@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yakov S. Yadgarov — Doctor of Economics, Professor, Head of the section “History of economic thought” at the Department of Economic Theory, Financial University, Moscow, Russia
yakovyadgarov@mail.ru

Статья поступила 28.07.2020; принята к публикации 31.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 28.07.2020; accepted for publication on 31.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-71-78

УДК 304.2(045)

Представления об эффективности межкультурной коммуникации в современной российской науке*

А.Г. Тюриков^а, В.В. Дягилев^б, Т.В. Лаптиева^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-1938-1275>;

^с <http://orcid.org/0000-0001-6959-2823>

АННОТАЦИЯ

В статье авторы рассматривают результаты проведенного качественного и количественного контент-анализа эффективности межкультурной коммуникации в отечественной науке. Выделены основные модели, с помощью которых можно оценить межкультурную коммуникацию с точки зрения ее эффективности. Авторами предпринята попытка систематизации отобранных из текстов компонентов, которые впоследствии могут быть разделены на критерии, показатели, условия и продукты эффективной межкультурной коммуникации. Сделан вывод о недостаточной изученности определения эффективности модели межкультурной коммуникации (МКК) в отечественной науке, а также методологической рамки систематизации ее критериев оценки.

Ключевые слова: эффективность межкультурной коммуникации; межкультурная коммуникация; эффективность коммуникации; критерии эффективности; контент-анализ; модели межкультурной коммуникации

Для цитирования: Тюриков А.Г., Дягилев В.В., Лаптиева Т.В. Представления об эффективности межкультурной коммуникации в современной российской науке. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):71-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-71-78

ORIGINAL PAPER

Reasoning About the Effectiveness of Cross-Cultural Communication in Modern Russian Science**

A.G. Tyurikov^а, V.V. Diaghilev^б, T.V. Laptieva^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0001-8388-9543>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-1938-1275>;

^с <http://orcid.org/0000-0001-6959-2823>

ABSTRACT

The article discusses the results of a qualitative and quantitative content analysis on the effectiveness of cross-cultural communication in Russian science. We highlighted the main models that consider cross-cultural communication as concerns its effectiveness. The authors attempt to systematise the components selected from the texts, which can then be divided into criteria, indicators, conditions, and products of effective intercultural communication. We concluded that in domestic science, exists the lack of study and refinement of the definition of the effectiveness of the MCC and the task of the methodological framework for systematisation of its evaluation criteria as well.

Keywords: effectiveness of cross-cultural communication; cross-cultural communication; effectiveness of communication; performance criteria; content analysis; models of the MCC

For citation: Tyurikov A.G., Diaghilev V.V., Laptieva T.V. Reasoning about the effectiveness of cross-cultural communication in modern Russian science. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):71-78. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-71-78

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета 2020 г.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budget funds for the state task of the financial University in 2020.

© Тюриков А.Г., Дягилев В.В., Лаптиева Т.В., 2020

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире изучение межкультурной коммуникации (МКК) является актуальным, поскольку смешение народов, взаимопроникновение языков и культур, миграция потоков населения достигли невиданного размаха, а такие недавние события, как пандемия COVID-19, движение Black Lives Matter и мировые протесты против расовой дискриминации, привели к обострению проблемы сосуществования в поликультурном пространстве. И несмотря на обилие работ, посвященных МКК, остается открытым вопрос о критериях ее эффективности. Когда мы можем считать, что коммуникация состоялась, и что делает ее продуктивной? Данные вопросы поставили перед собой авторы настоящей работы. Первая попытка ответа на них заключалась в анализе существующих наработок и научных изысканий, посвященных эффективности МКК.

МЕТОДЫ

Основным методом исследования был выбран контент-анализ [1]. На первом этапе объектом анализа выступили статьи, монографии, кандидатские и докторские диссертации на русском языке, изданные за 2000–2019 гг. и опубликованные на таких ресурсах, как научная электронная библиотека E-library, официальный сайт Российской государственной библиотеки и научная электронная библиотека «Киберленинка» [2]. На указанных ресурсах осуществлялся поиск документов, содержащих в своем названии смысловую единицу «межкультурная коммуникация», а также смысловые единицы, относящиеся к разным видам коммуникаций по основным сферам их применения, опубликованных в XXI в. В результате первого этапа было отобрано более 2 тыс. документов на русском языке (рис. 1), которые и легли в основу настоящей работы.

На втором этапе исследования полученные данные были проанализированы количественно и качественно. Основными целями второго этапа выступили анализ и систематизация показателей и критериев эффективной МКК. Для достижения поставленных целей из генеральной совокупности, сформированной на первом этапе, были отобраны все публикации, содержащие в названии слово «эффективность» и его синонимы, а затем проанализированы с опорой на методологию качественного контент-анализа. На рис. 2 представлены языковые блоки, по которым

происходил отбор документов, посвященных эффективности в коммуникациях. Система смысловых единиц может быть представлена в виде трех блоков. Во-первых, был составлен полный перечень слов, относящихся к моделям и факторам коммуникации (блок 1). Во-вторых, был произведен предварительный анализ основных синонимов к слову «эффективность» (блок 2). Далее из генеральной совокупности, полученной на первом этапе исследования, были отобраны публикации, содержащие в названиях работ выделенные смысловые категории. Таким образом, после анализа более двух тысяч русскоязычных публикаций, было отобрано 315 научных работ, удовлетворяющих критериям поиска.

На третьем этапе исследования отобранные публикации были проанализированы с помощью качественного контент-анализа. В процессе работы с содержанием документов было обнаружено, что более половины научных трудов не соответствовали заявленной теме (т.е. в них не раскрывались искомые авторами смысловые единицы) или находились в закрытом доступе. Такой подход позволил отобрать и качественно проанализировать 105 научных работ по теме «эффективность межкультурной коммуникации» и дать представление о ней в современной отечественной науке. Результаты проведенного анализа представлены ниже.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Было установлено, что определение эффективности напрямую обуславливается теоретическими моделями и предпосылками, используемыми авторами. Так, эффективность в коммуникации, с точки зрения диалогических моделей, обычно понимается как достижение понимания [3]. С точки зрения модели коммуникации в организациях и субъект-ориентированных моделей, эффективность подразумевает вероятность достижения целей, выполнения функции [4]. Информационно-кодовые модели в качестве эффективности рассматривают полную и точную передачу сообщения [5]. Авторами были отобраны все упомянутые в текстах компоненты, которые впоследствии могут быть разделены на критерии, показатели, условия и продукты эффективной МКК, а затем была осуществлена попытка их систематизации, представленная на рис. 3.

В первую категорию были включены все обнаруженные компоненты эффективности ком-

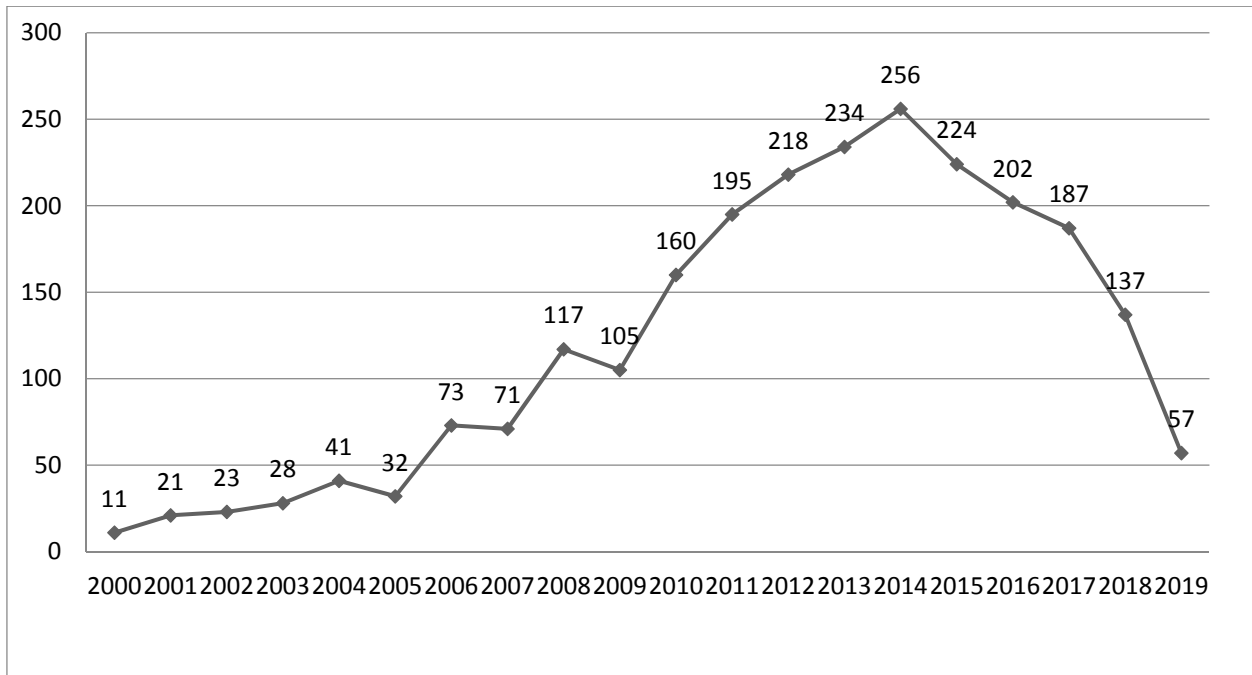

Рис. 1 / Fig. 1. Динамика количества научных публикаций по межкультурной коммуникации на русском языке, написанных в XXI в. / Dynamics of the number of scientific publications on intercultural communication in Russian written in the XXI century

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

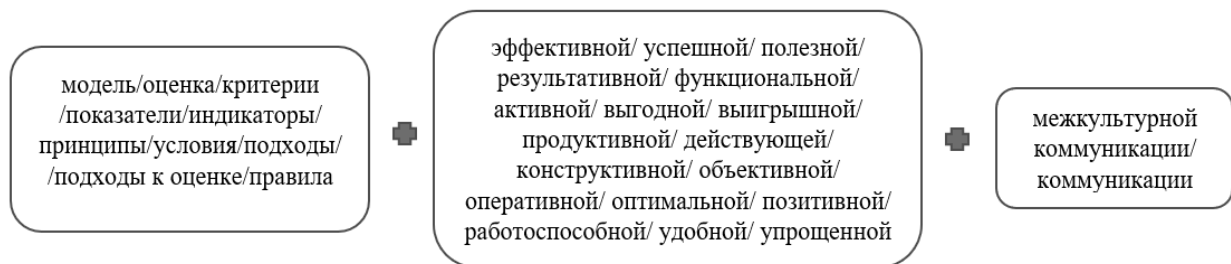

Рис. 2 / Fig. 2. Смысловые единицы отбора публикаций, посвященных эффективности в коммуникациях / Conceptual units for selecting publications on effectiveness in communications

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

муникации, которые имеют отношение к самому коммуникативному процессу. Подкатегория «формы взаимодействия» объединяет формы коммуникации, встречающиеся в проанализированной литературе и отнесенные авторами к эффективным, например диалог, кооперация, двустороннее взаимодействие. Под эффективной формой коммуникации большинство авторов понимают равноправное двустороннее взаимодействие коммуникантов. Однонаправленные коммуникации большинством авторов признаются неэффективными.

Подкатегория «характеристики процесса» содержит качества коммуникации, способствующие ее эффективности, в частности: вза-

имоуважение, добровольность, доверие и др. Подкатегория «результат» включает в себя итог межкультурной коммуникации, который авторы считают свидетельством эффективности. Данная группа оказалась противоречивой, поскольку зависит от методологической позиции. В некоторых статьях эффективная МКК подразумевает адаптацию к культуре другого или стирание культурных различий, в иных — взаимное обогащение и сохранение культурных различий, а также достижение понимания. Более гибкой может быть признана следующая формулировка: результат эффективной МКК — это достижение коммуникантом поставленных целей, т.е. соответствие результата целям.

Рис. 3 / Fig. 3. Компоненты эффективной коммуникации, выявленные в результате качественного контент-анализа / Components of effective communication identified as a result of high-quality content analysis

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

Компоненты эффективности, относящиеся к субъекту коммуникации также могут быть разделены на три подкатегории. К когнитивным компонентам были отнесены навыки, знания и установки в отношении другой культуры, а также компетенции субъекта коммуникации, включая межкультурную и коммуникативную. К мотивационным компонентам отнесены эмоциональные составляющие МКК (принятие, эмпатия, общий эмоциональный фон) и интенции субъекта — цели и смыслы, вкладываемые им в коммуникацию. Поведенческие компоненты эффективной коммуникации — это в первую очередь активность, а также владение необходимыми коммуникативными операциями и действиями: ступенчатая реализация коммуникации, включающая наблюдение, интерпретацию и понимание, выводы и оценку.

Помимо отдельных описанных категорий, субъект имеет системные свойства, способствующие эффективности коммуникации, которые не могут быть отнесены к одному из компонентов, но происходят от субъекта как целого. К таким компонентам можно отнести способ-

ность обращаться со смыслами, что и позволяет достичь понимания в процессе коммуникации. «Способность (или неспособность) адекватно воспринимать, интерпретировать, анализировать и “примерять” к своему внутреннему миру смыслы, посылаемые инокультурным партнером» [6], в конечном итоге является основным условием и показателем эффективности коммуникации на полюсе субъекта, поскольку остальные навыки и знания могут применяться им ситуативно и уместно только в том случае, если субъект понимает смысл коммуникативной ситуации.

Последней выделенной группой являются компоненты, относящиеся к ситуации. Среди них можно отметить социальные характеристики, например, «степень дифференциации общества и отнесенность участников к разным социокультурным группам», «используемые социальные роли и социальная ситуация в целом»; нормативные характеристики, включающие «нормативность действий участников», «тактичность», «уместность», «соблюдение формальных и неформальных норм», а также экономические характеристики, включающие

Таблица 1 / Table 1

**Модели межкультурной коммуникации и их критерии эффективности /
Models of cross-cultural communication and their effectiveness criteria**

Название модели межкультурной коммуникации	Критерии эффективности модели
Адаптационная модель	Адаптация к специфике противоположной стороны общения
Герменевтическая модель	– Анализ другой культуры. – Понимание/стремление к пониманию другой культуры
Диалогическая модель	– Взаимообогащение культур (взаимодействие, взаимопонимание). – Сохранение культурного разнообразия
Семиотическая модель	Понимание и согласие между акторами
Конвенциональная модель	– Полная передача сообщения от коммуниканта к реципиенту. – Целостность коммуникативной цепочки*
Интегральная системно-динамическая модель МКК	– Целостность коммуникативной цепочки. – Достижение взаимного удовлетворения со стороны всех ее участников
Либеральная и коммунитаристская модели	– Признание культурных различий (толерантность). – Учет особенностей чужой культуры. – Преодоление этноцентризма
Модель языковой личности	– Знание и понимание коммуникативной символики своего/другого народа и своей/другой культуры. – Готовность собеседника вступить в МКК
Модель дискурса в МКК	Осмысление и сопоставление национальных особенностей тех дискурсов, которые лежат в основе речевого поведения коммуникантов

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

* Наличие всех элементов цепочки коммуникации: источника коммуникации, канала передачи информации, реципиента и обратной связи. От коммуникативной интенции адресанта через закодированное в вербальной или невербальной форме сообщение до содержания, понятого адресантом, и соответствующей обратной связи.

«стремление к экономической эффективности и минимизации издержек».

По результатам качественного контент-анализа авторами было отобрано девять моделей, для которых возможно выделение критериев и показателей эффективности: адаптационная, герменевтическая, диалогическая, семиотическая, конвенциональная, интегральная системно-динамическая, либеральная, а также модель языковой личности и дискурса в МКК [7–16]. Соотнесение моделей и критериев эффективности представлено в таблице.

Наиболее часто встречающийся критерий эффективности в разных моделях — «понимание», причем не только взаимопонимание коммуникантов, но и понимание индивидуальным или коллективным субъектом себя и коммуникативной ситуации. Можно сказать, что данный критерий претендует на универсаль-

ность. Субъекту необходимо уметь анализировать, интерпретировать и понимать ситуацию, чтобы действовать в ней в соответствии с ее смыслом, выбирать те техники, знания, навыки и пр., которые она запрашивает от него, а в самой коммуникации стимулировать те признаки процесса коммуникации, которые будут способствовать эффективности. Однако в проанализированных публикациях «понимание» является слабо операционализированным конструктом и неудовлетворительно связано с конкретными показателями эффективности коммуникации.

Наиболее часто встречающиеся показатели эффективности в межкультурной коммуникации: «достижение согласия», «совпадение культурных кодов», «степень понимания», «способность преодолевать стереотипы», «коммуникативная компетентность» и «культурная восприимчивость». Как было сказано выше, подобный набор критериев

риев не может претендовать на комплексность и системность, поскольку показатели избираются авторами исходя из их осознанных или неосознанных методологических установок.

ОБСУЖДЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ

Полученные результаты качественного контент-анализа указывают на противоречивость и неполноту упоминаемых в научной литературе критериев и показателей эффективности МКК. Даже несмотря на их обобщение, не удастся создать стройную систему оценки эффективности МКК. При этом описанные в научной литературе критерии не учитывают современную экономическую и политическую ситуацию в мире, что говорит о недостаточной связи российской науки с практикой.

По мнению авторов исследования, выделенные критерии эффективности коммуникаций представляют собой скорее хаотичное множе-

ство, не покрывающее всю полноту МКК как деятельности, не отвечающей на современные вызовы глобализации [17]. При этом большая часть выделенных критериев с трудом поддается операционализации, что также затрудняет оценку эффективности МКК.

ВЫВОДЫ

Создание базовой системы критериев оценки эффективности МКК в отечественной науке — не в полной мере решенная задача. Опора на опыт предыдущих исследователей является необходимым, но недостаточным условием в динамично меняющемся глобальном мире. В этой связи требуется спроектировать релевантную модель эффективной МКК и построить систему показателей ее оценки в глобальном мире, а также завершить формирование методологической рамки обоснования критериев эффективности межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Кирпиков А. Р. Качественный контент-анализ как метод исследования. XXI Международная конференция памяти профессора Л. Н. Когана «Культура, личность, общество в современном мире: методология, опыт эмпирического исследования». Екатеринбург: УрФУ; 2018.
2. Тюриков А. Г., Большунова С. А., Давыдова Т. С. Межкультурная коммуникация: ответ науки на вызовы региональных практик. *Самоуправление*. 2019;4(117):333–336.
3. Белозерцев А. В. Параметры коммуниканта в моделях коммуникации. *Lingua mobilis*. 2014;3(49):32–44.
4. Окольников И. Ю. Анализ подходов к оценке эффективности маркетинговых коммуникаций. *Вестник ЮУрГУ*. 2011;28(245):134–142.
5. Насибуллин Р. Т., Фазлыев А. А. Матричная модель реализуемости коммуникации. *Социальная политика и социология*. 2010;8(62):533–539.
6. Карцева И. Р. Полифункциональность языковой межкультурной коммуникации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Казань; 2007. 19 с.
7. Красильников А. С. Модели межкультурной коммуникации: теоретический и практический аспекты. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-mezhkulturnoy-kommunikatsii-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-aspekty>.
8. Орнатская Л. А. Межкультурный диалог: проблемы и перспективы исследования. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-dialog-problemy-i-perspektivy-issledovaniya>.
9. Де Соуза М., Остапенко С. А. Трансформация мультикультурализма как стратегия межкультурной коммуникации XXI века. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-multikulturalizma-kak-strategiya-mezhkulturnoy-kommunikatsii-hhi-veka>.
10. Фидченко Е. В. Коммуникативное действие и языковые модели коммуникации: проблема качественной совместимости. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-deystvie-i-yazykovye-modeli-kommunikatsii-problema-kachestvennoy-sovmestimosti>.
11. Ерофеева М. А. Фрейм-аналитическая модель коммуникации: возможности и ограничения. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freyim-analiticheskaya-model-kommunikatsii-vozmozhnosti-i-ogranicheniya>.
12. Леонтович О. А. Системно-динамическая модель межкультурной коммуникации между русскими и американцами. Дис. ... д-ра филол. наук: 10.02.20. Волгоград; 2002. 502 с.
13. Аполлонов И. А., Чистилина И. А. Проблема межкультурного диалога в рамках либеральной и коммунитаристской традиций. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mezhkulturnogo-dialoga-v-ramkakh-liberalnoy-i-kommunitaristской-traditsiy>.

14. Воробьёва В. В. Концепции и уровневая модель языковой личности. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-i-urovnevaya-model-yazykovoy-lichnosti>.
15. Пермякова Т. М. Моделирование дискурса межкультурной коммуникации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-diskursa-mezhkulturnoy-kommunikatsii>.
16. Быков И. А., Грибанов В. В., Сидорская И. В. Базовая модель коммуникации бизнеса и власти: проблемы теории и практики. *Корпоративное управление и инновационное развитие экономики севера. Вестник научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета*. 2015;(4):168–179.
17. Большунов А. Я., Тюриков А. Г., Большунова С. А. Межкультурная коммуникация: вызовы глобальной трансформации жизненных миров. *Гуманитарные науки*. 2019;(6):6–10.

REFERENCES

1. Kirpikov A. R. Qualitative content analysis as a research method. XXI International conference in memory of Professor L. N. Kogan "Culture, personality, society in the modern world: methodology, the experience of empirical research". Ekaterinburg: Ural Federal University; 2018. (In Russ.).
2. Tyurikov A. G., Bolshunova S. A., Davydova T. S. Intercultural communication: science's response to the challenges of regional practices. *Samoupravlenie*. 2019;4(117):333–336. (In Russ.).
3. Belozertsev, A. V. The parameters of the communicant in the communication models. *Lingua mobilis*. 2014;3(49):32–44. (In Russ.).
4. Okolnishnikova I. Yu. Analysis of approaches to evaluating the effectiveness of marketing communications. *Vestnik of the YuURU*. 2011;28(245):134–142. (In Russ.).
5. Nasibullin R. T., Fazlyev A. A. Matrix model of communication realizability. *Sotsial'naya politika i sotsiologiya*. 2010;8(62):533–539. (In Russ.).
6. Kartseva I. R. Polyfunctionality of the language of cross-cultural communication. Autoref. dis. ... Cand. Philol. sciences'. Kazan; 2007. 19 p. (In Russ.).
7. Krasilnikov A. S. Models of intercultural communication: theoretical and practical aspects. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modeli-mezhkulturnoy-kommunikatsii-teoreticheskiy-i-prakticheskiy-aspekty>. (In Russ.).
8. Ornatskaya L. A. Intercultural dialogue: problems and prospects of research. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/mezhkulturnyy-dialog-problemy-i-perspektivy-issledovaniya>. (In Russ.).
9. De Souza M., Ostapenko S. A. Transformation of multiculturalism as a strategy of intercultural communication of the XXI century. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transformatsiya-multikulturalizma-kak-strategiya-mezhkulturnoy-kommunikatsii-hhi-veka>. (In Russ.).
10. Fedchenko E. V. Communicative action and language models of communication: the problem of quality compatibility. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kommunikativnoe-deystvie-i-yazykovye-modeli-kommunikatsii-problema-kachestvennoy-sovmestimosti>. (In Russ.).
11. Erofeeva M. A. Frame-analytical model of communication: opportunities and limitations. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/freym-analiticheskaya-model-kommunikatsii-vozmozhnosti-i-ogranicheniya>. (In Russ.).
12. Leontovich O. A. System-dynamic model of intercultural communication between Russians and Americans. Dis. ... Dr Philol. Sciences: 10.02.20. Volgograd; 2002. 502 p. (In Russ.).
13. Apollonov I. A., Chistilina I. A. The problem of intercultural dialogue in the framework of liberal and communitarian traditions. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-mezhkultur>. (In Russ.).
14. Vorobyov V. V. The concept and the level model of a language personality. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kontseptsii-i-urovnevaya-model-yazykovoy-lichnosti>. (In Russ.).
15. Permyakova T. M. Modelling of the discourse of intercultural communication. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modelirovanie-diskursa-mezhkulturnoy-kommunikatsii>. (In Russ.).
16. Bykov I. A., Griбанov V. V., Sidorskaya I. V. Basic model of communication between business and government: problems of theory and practice. *Korporativnoe upravlenie i innovatsionnoe razvitie ekonomiki severa. Vestnik nauchno-issledovatel'skogo tsentra korporativnogo prava, upravleniya i venchurnogo investirovaniya Syktyvkarskogo gosudarstvennogo universiteta*. 2015;(4):168–179. (In Russ.).
17. Bolshunov A. Ya., Tyurikov A. G., Bolshunova S. A. Intercultural communication: challenges of the global transformation of lifeworlds. *Gumanitarnye nauki*. 2019;(6):6–10. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Александр Георгиевич Тюриков — доктор социологических наук, профессор, руководитель Департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия
agtyurikov@fa.ru

Василий Васильевич Дягилев — кандидат исторических наук, доцент Департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия
vvdyagilev@fa.ru

Татьяна Владимировна Лаптиева — лаборант-исследователь Международного центра социальной экспертизы и развития, Финансовый университет, Москва, Россия
tvlapatieva@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Alexander G. Tyurikov — Doctor of Social Sciences, Professor, Head of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
agtyurikov@fa.ru

Vasily V. Diaghilev — Cand. Sci. (History), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
vvdyagilev@fa.ru

Tatyana V. Lapatieva — Research assistant at the International Centre for Social Expertise and Development, Financial University, Moscow, Russia
tvlapatieva@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

А.Г. Тюриков — аналитическая часть исследования.

В.В. Дягилев — введение и список литературы.

Т.В. Лаптиева — эмпирическая часть исследования.

Declared contribution of the authors:

A. G. Tyurikov — analytical part of the study.

V. V. Diaghilev — introduction and references.

T. V. Lapatieva — empirical part of the study.

Статья поступила 01.08.2020; принята к публикации 30.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 01.08.2020; accepted for publication on 30.08.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-79-85

УДК 316.014, 314(045)

Теневое академическое предпринимательство в России: анализ трудовых практик и жизненных стратегий*

И.А. Юрасов^а, В.А. Юдина^б, Е.В. Кузнецова^с

^а Финансовый университет, Пензенский филиал; Пензенский государственный университет; Институт регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия

^{б,с} Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-4884-6422>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-0387-0314>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-6863-1066>

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется феномен теневого академического предпринимательства в России, которое определяется как неформализованная, неинституционализированная сфера занятости в области науки и высшего образования, включающая в себя как легальные, законные, так и нелегальные криминальные формы трудовой активности. Целью статьи является проведение социально-психологического анализа субъектов теневого академического предпринимательства и разработка системы типичных социально-психологических качеств теневых акторов, формулирование их жизненных и карьерных стратегий. В основу работы положены результаты исследований причин развития теневой академической предпринимательской занятости во всем мире: маркетизация и коммерциализация научно-образовательного сообщества; недовольство некоторых сотрудников своими заработками в сфере официальной академической занятости; доступность высшего образования на коммерческой основе для неспособных к этой деятельности субъектов; недооценка интеллектуальных и управленческих компетенций конкретных групп ученых, преподавателей со стороны руководства академическими и образовательными учреждениями и др.

Ключевые слова: неформальное академическое предпринимательство; маркетизация; коммерциализация общественных отношений; сословно-клановая структура в науке и образовании; прекаризация; псевдоинституционализация

Для цитирования: Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В. Теневое академическое предпринимательство в России: анализ трудовых практик и жизненных стратегий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-79-85

ORIGINAL PAPER

Shadow Academic Entrepreneurship in Russia: Analysis of Labour Practices and Life Strategies**

I.A. Yurasov^a, V.A. Yudina^b, E.V. Kuznetsova^c

^a Financial University, Penza Branch; Department of Public Administration and Sociology of the Region; Penza State University; Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza, Russia

^{б,с} Financial University, Penza Branch, Penza, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0002-4884-6422>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-0387-0314>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-6863-1066>

ABSTRACT

The article analyses the phenomenon of shadow academic entrepreneurship in Russia. Shadow academic business is defined as the shadow, informal, not institutionalised sphere of employment in the field of science and the higher education, including as legal, lawful, and illegal criminal forms of labour activity. The purpose of the article is to carry out social and psychological analysis of subjects of shadow academic entrepreneurship and to develop a system of

* Публикация подготовлена по результатам исследования в рамках гранта РФФИ № 20-011-00310 на тему «Самозанятые работники физического и умственного труда России: исследование новейших тенденций социальной стратификации, социокультурный анализ жизненных стратегий прекариата».

** The publication is based on the results of research under the RFBR grant No. 20-011-00310 on the topic "Self-employed workers of physical and mental labour in Russia: research of the latest trends in social stratification, socio-cultural analysis of life strategies of the precariat".

© Юрасов И.А., Юдина В.А., Кузнецова Е.В., 2020

typical social and psychological qualities of these shadow actors, to formulate their life and career strategies. The study is based on the results of research on the reasons for the development of shadow academic entrepreneurship worldwide: marketing and commercialisation of the scientific and educational community; The dissatisfaction of some employees with their earnings in official academic employment; Access to higher education on a commercial basis for persons unable to do so, underestimation of the intellectual and managerial competencies of specific groups of scientists, teachers by the management of academic and educational institutions, etc.

Keywords: informal academic entrepreneurship; marketing; commercialisation of social relations; class-clan structure in science and education; precariat; pseudo-institutionalisation

For citation: Yurasov I.A., Yudina V.A., Kuznetsova E.V. Shadow academic entrepreneurship in Russia: Analysis of labour practices and life strategies. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):79-85. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-79-85

ВВЕДЕНИЕ

Проблемы теневого академического предпринимательства не раз поднимались в публицистическом и бытовом дискурсах. Новый толчок к развитию интереса российского сообщества положила деятельность вольного сетевого сообщества «Диссернет» (<https://www.dissernet.org>), инициировавшего лишение степеней ряда ученых, видных политиков, предпринимателей, руководителей вузов и научных учреждений. Изменение отношения государства к сфере науки и высшего образования, выделение все большего объема финансовых средств для нее, повышение уровня заработных плат, активная деятельность российских и зарубежных научных грантовых фондов, «эффективные контракты» в ряде научных и образовательных организаций в Российской Федерации, учитывающие специфические наукометрические показатели, сделали востребованной теневую самозанятость.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

Исследование проводилось с 2010 по 2020 г. и охватывало Приволжский, Центральный и Северо-Западный федеральные округа, а также города: Пенза, Саратов, Саранск, Москва, Белгород, Санкт-Петербург, Калининград. Методы исследования включали неформализованные глубинные интервью ($n = 19$, возраст 26–56 лет), формализованные интервью ($n = 12$, возраст 35–54 года), глубинные интервью ($n = 23$, возраст 50–85 лет), фокус-группы ($n = 6$, возраст 27–45 лет) с непосредственными и косвенными участниками теневой академической предпринимательской деятельности; ретроспективные и интроспективные интервью, наблюдение, включенное наблюдение. Кроме того, проводился контент-анализ традиционных, печатных и современных электронных СМИ, социальных сетей (ВКонтакте, Одноклассники), открытых и закрытых телег-

рамм-каналов. Эмпирическая часть исследования основана на данных углубленного неформализованного интервью с субъектами теневого рынка академического предпринимательства.

СТЕПЕНЬ ИЗУЧЕННОСТИ ПРОБЛЕМЫ

Теневое академическое предпринимательство начало активно исследоваться социологами с 2000 г. Но основной вектор научного интереса был направлен на исследование теневого диссертационного рынка, который переживал бурный расцвет с 90-х гг. XX в. Этой проблеме посвящены исследования А.Е. Иванова [1], Т.Р. Калимуллина [2], Л.Н. Москвичева [3], А.В. Юревича [4]. Несмотря на солидную эмпирическую базу и глубину теоретико-методологических выводов, за рамками интереса этих авторов остались такие практики теневого академического предпринимательства, как написание статей на коммерческой основе в высокорейтинговые журналы, индексируемые в базах данных ВАК, Scopus, Web of Science; написание курсовых и выпускных квалификационных бакалаврских и магистерских работ; репетиторство; выполнение научных проектов, получивших поддержку грантовых фондов РФФИ, РГНФ (до 2015 г.), РНФ (Российский научный фонд) группами высокостатусных ученых и сотрудников высшей школы, имеющих доступ к экспертизе и возможность поддержать тот или иной проект грантовых фондов за небольшую сумму неофициального гонорара другими группами исследователей (как правило, из провинциальных научных и образовательных учреждений). Также теневое академическое предпринимательство распространяется на написание отзывов на авторефераты, на частные юридические, финансовые, экономические консультации, на частную теневую медицинскую практику ведущих врачей научных институтов РАН и медицинских университетов.

ЭВОЛЮЦИЯ ТЕНЕВОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ С 50-Х ГГ. XX В. ПО НАСТОЯЩЕЕ ВРЕМЯ

С давних времен низкооплачиваемые и низко-статусные сотрудники системы науки и высшего образования были вынуждены подрабатывать с помощью репетиторства.

Начиная с 50-х гг. XX в. теневое академическое предпринимательство в СССР концентрировалось главным образом на написании на заказ на коммерческой основе диссертаций. Спрос был довольно-таки небольшой, но стабильный. Клиенты были, как правило, из республик Средней Азии, Грузии, Армении, Азербайджана, из городов Северного Кавказа, Дагестана, Чечено-Ингушетии.

Нельзя сказать, что с этим негативным фактом академического предпринимательства не боролись. Так, в 1975 г. Сергей Михалков опубликовал пьесу «Пена», где речь шла о группе молодых ученых, которые за деньги писали диссертации различным начальникам. Очевидно, что в те годы без одобрения руководства страны такую острую тему поднимать бы не осмелились.

Написанием диссертаций на коммерческой основе занимались многие диссиденты 60–80-х гг. перед отъездом за границу, после того как они лишались официального места работы. Заказы на написание такого рода текстов получали Л.М. Тимофеев, Л.З. Копелев и другие через сочувствующих им коллег, о чем они охотно рассказывают в своих мемуарах [5, 6], не видя в этом занятии ничего криминального и аморального.

Пик этой теневой академической предпринимательской деятельности был достигнут в 90-е гг. XX в., когда на коммерческой основе писались диссертации за руководителей органов всех ветвей власти за настоящие и фиктивные контракты на научные исследования в будущем [2].

Изменение государственной политики в области науки и образования (с 2012 г.), ужесточение процедуры защиты кандидатских и особенно докторских диссертаций, деятельность сетевого общества «Диссернет», успехи провинциальных ученых и преподавателей в области конкуренции за научные гранты привели к значительному снижению спроса на написание и защиту диссертаций. По данным эмпирических исследований, в 2017–2020 гг. он упал на 60–70%. Многие отдельные субъекты теневого рынка академического

предпринимательства находят себя в области реальных научных исследований, финансируемые грантовыми фондами РФФИ и РНФ.

Следует оговориться, что практика написания на заказ, на коммерческой основе, курсовых, дипломных работ, диссертаций существует и на Западе. Так, младший сын М. Каддафи, ливийского лидера, получил степень доктора экономики в Лондонской школе экономики, где за него написали квалификационную работу.

В немецкоязычном мире есть сетевой проект «Врониплаг», аналогичный «Диссернету», благодаря ему уже лишились своих позиций несколько крупных немецких политиков, что свидетельствует о существовании теневого академического предпринимательства в Западной Европе [7, 8].

В настоящее время академическая продукция (статьи, монографии, диссертации, отчеты по научным грантам) становится ресурсом, встроенным в систему рыночных отношений. Большая часть исследований сегодня ведется в рамках так называемых коммерческих (грантовых) проектов, т.е. проектов, предполагающих рыночный обмен продукта интеллектуального труда.

Важным мотивом востребованности теневого академического предпринимательства становится тот факт, что подавляющая часть публикуемых в настоящее время научных текстов проходит экспертизу на коммерческое соответствие, где учитывается научная ценность продукта и коммерческий успех. Издательские дома при выработке маркетинговой политики ориентируются на издание работ тех авторов, чьи имена уже стали своеобразной торговой маркой. Таким образом, вполне логично говорить о встроенности теневого академического предпринимательства в логику рыночных отношений.

В настоящее время сфера теневого академического предпринимательства охватывает в большей степени выполнение работ по грантам. Пик такого предпринимательства, когда специалисты крупных столичных вузов и научных организаций системы РАН отдавали неофициальный субподряд своим коллегам в провинциальные вузы и научные институты, приходился на 2008–2011 гг. Оплата составляла примерно 30–40% от сумм по договору с грантовыми фондами за выполнение научного проекта.

Отзывы на авторефераты тоже становятся товаром. Примерно треть сотрудников вузов, которых мы опросили, называли цену от 3 до 10 тыс. руб. за отзыв на автореферат. Остальные

(70%) ответили, что делают это бесплатно, по просьбам своих коллег (<https://journal.tinkoff.ru/dissertation>).

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЙ, СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ ПРАКТИК ТЕНЕВОГО АКАДЕМИЧЕСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Проведенное исследование позволяет выделить два типа теневых практик академического предпринимательства: легальные и криминальные. Согласно авторским исследованиям, все теневые академические практики можно классифицировать следующим образом.

1. Легальные законные теневые практики (82% от всего объема теневых академических практик).

1.1. Написание контрольных, курсовых, выпускных квалификационных работ для студентов, не зависящих от преподавательской оценки (32%).

1.2. Написание контрольных, курсовых, выпускных квалификационных работ для анонимных студентов через интернет-порталы (www.superjob.ru, www.success-info1.ru, <https://freelance.ru>, www.uslugi.yandex.ru, https://vk.com/freelance_ru, <http://disszakaz.ru> и др.) (28%).

1.3. Написание кандидатских и докторских диссертаций для сторонних лиц (12%).

1.4. Отзывы на авторефераты, отзывы ведущей организации, оппонирование (20%).

1.5. Репетиторство (как правило, преподаватели математики, русского и иностранных языков, аффилированных с региональными комиссиями ЕГЭ и ГИА) (46%).

1.6. Частное консультирование (3%).

1.7. Частная медицинская практика (3%).

1.8. Написание научных статей и монографий на заказ для сторонних лиц (3%).

1.9. Выполнение грантовых исследований, выигранных и полученных сторонними лицами, аффилированными с грантовыми фондами по неформальному субподряду (10%)¹.

2. Криминальные теневые практики (12% от всего объема теневых академических практик):

2.1. Насильственное репетиторство, когда преподаватель вынуждает заниматься с собой или

со своими знакомыми неуспевающих студентов под угрозой неаттестации (20%)².

2.2. Продажа студентам своих научных трудов во время экзаменационной сессии (10%).

2.3. Выставление положительных оценок за экзамены и зачеты за вознаграждение, т.е. банальная коррупция (10%).

2.4. Курирование слабых и не посещающих занятий студентов (10%).

2.5. Написание курсовых, контрольных, выпускных квалификационных работ на коммерческой основе для студентов, зависящих от преподавателя (35%).

2.6. Написание кандидатских диссертаций преподавателями для своих аспирантов (15%).

Субъекты теневого академического предпринимательства обособляются от научного и образовательного сообщества России и формируют своеобразную полузакрытую касту, специфическое сословие ученых-предпринимателей. Эти люди активны, готовы постоянно учиться, менять сферы занятости и демонстрируют, в отличие от остального академического сообщества, умеренный социальный оптимизм. В основе их социального самочувствия лежит объективная оценка общей ситуации в российской экономике, в то время как самозанятые, фрилансеры, работающие в сфере высоких технологий на более или менее постоянной основе демонстрируют связь социального самочувствия с типом занятости (теневым, неформальным, юридически неоформленным). Их мнение о политической и экономической ситуации в стране более радикально, чем у официально работающего населения. 28,5% респондентов демонстрируют политически оппозиционные взгляды, 43,5% опрошенных — политически неангажированные и пассивные. Теневые академические предприниматели практически не демонстрируют ностальгии по СССР, по «справедливому» социалистическому общественному устройству. Они более оптимистичны (47,8%), критичнее оценивают индикаторы социального развития территорий. Их стиль жизни можно охарактеризовать следующими специфическими маркерами: они заняты в нескольких проектах одновременно; работают в ситуации многозадачности на нескольких работодателей; отличаются отсутствием вредных привычек, тягой к здоровому, спортивному образу

¹ Сумма процентов всех видов теневых практик превышает 100, так как многие респонденты участвуют одновременно в нескольких видах практик.

² Следует отметить, что такого рода практики были популярны с начала 90-х гг. XX в. по 2012 г. В настоящее время, начиная с 2012 г., эти практики крайне редки. Их процент составляет не более статистической погрешности (2–3%).

жизни; с большим удовольствием посещают музеи, театры, филармонии, картинные галереи; наибольшее удовольствие им доставляет приобретение предметов искусства, редких и уникальных вещей.

Наибольшая опасность теневых академических практик заключается в легитимации некомпетентности студентов, аспирантов, будущих научных работников и преподавателей высшей школы. Большая часть научного и образовательного сообщества относится к этому негативно (76%), 24% считают эту практику приемлемой. Тут исследователь сталкивается с девальвацией ценностей научного и образовательного сообщества: 24%, которые считают эту практику приемлемой, являются типичными представителями теневого академического предпринимательства.

В качестве причин распространения теневого академического предпринимательства можно отметить следующие: слишком быстрое и неровное развитие системы высшего образования и науки; коммерциализация, маркетингизация и криминализация многих сфер жизни; трансформация моральных и этических ценностей в российском обществе; повышение престижа предпринимательства; желание внедрить предпринимательские стили ведения дел во все сферы жизни; социальная активность и мобильность субъектов теневого академического предпринимательства. Из-за этого наиболее перспективные и компетентные научные работники и сотрудники высшей школы не желают мириться со сложившейся ситуацией и быть «бессребренниками», а хотят полностью включиться в систему потребительского общества. Также сюда можно отнести блокирование социальных лифтов в системе науки и высшего образования из-за сословно-клановых социальных отношений, когда молодые ученые не могут получить грантовые средства, участвовать в престижных научных конференциях, быть членами академической и вузовской администрации. Зарабатывая приличные деньги путем теневого академического предпринимательства, они повышают свою самооценку, в их среде формируется специфическое социально-профессиональное признание [9].

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ПОРТРЕТ И АНАЛИЗ КОРПОРАТИВНЫХ НОРМ ПОВЕДЕНИЯ И ЖИЗНЕННЫХ СТРАТЕГИЙ ТЕНЕВЫХ АКАДЕМИЧЕСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

В ходе определения типа трудовой мотивации по методике В.И. Герчикова выяснилось, что никто

из респондентов не подпадает под люменизированный и патристический типы трудовой мотивации. Большинство опрошенных принадлежат к смешанному «инструментально-хозяйскому» типу — 75%, остальные 25% относятся к типу «инструментально-профессиональному». Субъектов теневого академического предпринимательства интересует цена труда, а не его содержание, т.е. труд становится инструментом для удовлетворения других потребностей.

Социально-психологический анализ акторов теневого академического предпринимательства позволил выделить их типичные качества, такие как: социальная мобильность; высокий уровень эмоционального и рационального интеллекта; трудолюбие; упорство в достижении цели; креативность; стрессоустойчивость; способность к риску, саморазвитию, саморегуляции, интегрированию знаний, умений, навыков; способность эффективно организовывать свою деятельность; высокий уровень притязаний; мотивация, актуализирующая узкогрупповые и частные интересы; инновационность; ориентация на быстрый успех; энтузиазм; настойчивость; способность принимать нестандартные и неожиданные решения.

Жизненные и карьерные стратегии большинства академических теневых предпринимателей распространяются на создание сетевых академических интернет-сообществ по оказанию академических и образовательных услуг на коммерческой основе (псевдоинституционализация), на продолжение неинституционализированных академических предпринимательских практик.

В процессе институционализации любые социальные отношения обретают форму с установленными сводами правил, законами и санкциями. Такая форма называется «социальный институт», а все правила и нормы могут быть оформлены как в письменной форме, так и устно. В процессе псевдоинституционализации неформальные социальные отношения приобретают форму законов, правил в социально параллельном мире и закрепляются устно (примерно как уголовные понятия). Псевдоинституционализация является устной формой закрепления теневых, скрытых общественных практик в виде неформальных институтов.

Социальные установки, нормы, правила поведения, проходя через различного рода криминальные или полулегальные теневые практики, становятся неписанными законами, нарушать

которые категорически запрещено людям определенных социальных групп и формаций.

Так же происходит с правилами поведения и нормами взаимоотношений на теневом рынке академического предпринимательства. Информация о различного рода группах, коллективах или отдельных специалистах, оказывающих теневые академические услуги, распространяется по строго законспирированным устным каналам, зарытым телеграмм-каналам. Настоящие специалисты, как правило, клиентов сами не ищут, они (клиенты) известны в академической и преподавательской среде, в которой существует особая этика поведения (30% –предоплата или оплата по факту выполнения работы при поручительстве хорошо знакомых коллег, высокий уровень доверия друг к другу, табу на распространение определенного типа информации, запрет на продажу текстов плохого качества и т.п.).

В силу ряда факторов, о которых было сказано выше, субъекты теневого академического предпринимательства не могут реализовать свой потенциал в области легальных и формальных практик и находят свою корпоративную нишу в области теневой занятости.

Таким образом, субъекты теневого академического предпринимательства являются нижней частью научно-образовательного сословия, которая может характеризоваться как наиболее квалифицированная, креативная, талантливая мобильная и активная социальная группа в сфере науки и высшего образования в Российской Федерации.

ВЫВОДЫ

Трансформации, происходящие в российском научном и образовательном сообществе с 90-х гг. XX в. по настоящее время, нельзя оценить однозначно. За этот период развивались как позитивные, так и негативные для нашей экономики и занятых в ней людей процессы. Исчезали старые традиционные социально-профессиональные группы, формировались новые, к которым можно отнести ученых-предпринимателей и преподавателей-предпринимателей. Негативные социальные трансформации привели к тому, что в структуре академического сообщества происходит дифференциация на «новых» и «старых» ученых и преподавателей, первые из которых активно реализуют теневые академические предпринимательские практики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Иванов А.Е. Российское «ученое сословие» в годы «второй отечественной войны» (Очерк гражданской психологии и патриотической деятельности). *Вопросы истории, естествознания и техники*. 1999;(2):108–127.
2. Калимуллин Т.Р. Российский рынок диссертационных услуг. URL: https://www.hse.ru/data/543/989/1224/WP4_2006_02.pdf.
3. Москвичев Л.Н. Диссертация как научная и квалификационная работа. *Социологические исследования*. 2001;(3):110–116.
4. Юревич А.В. Остепенение. URL: <http://knowledge.isras.ru/sj/sj1=2=04yur.html>.
5. Тимофеев Л.М. Оппозиция-1987, или «Последний диссидент». URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7310>.
6. Копелев Л.З. Хранить вечно. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografi-i-memuary/68123-lev-kopelev-hranit-vechno.html>.
7. Резаев А.В., Стариков В.С. Академический капитализм и «фабрики дипломов». *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2018;(3):355–363.
8. Angulo A. J. Diploma Mills: How For-Profit Colleges Stiffed Students, Taxpayers, and the American Dream. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.
9. Kosharnaya G. B., Yurasov I. A.; Korzh N. V.; Karimova L. F.; Tarkhanova E. S., Danilova E. A. Factors of students' entrepreneurial potential development in Russia: On the example of the Penza region. *Espacios*. 2019;40(23).

REFERENCES

1. Ivanov A. E. Russian "academic class" during the "Second World War" (Essay on civil psychology and patriotic activity). *Voprosy istorii, estestvoznaniya i tekhniki*. 1999;(2):108–127. (In Russ.).
2. Kalimullin T. R. Russian market of dissertation services. URL: https://www.hse.ru/data/543/989/1224/WP4_2006_02.pdf. (In Russ.).
3. Moskvichev L. N. Dissertation as a scientific and qualification work. *Sotsiologicheskie issledovaniya*. 2001;(3):110–116. (In Russ.).

4. Yurevich A. V. Settling Down. URL: <http://knowledge.isras.ru/sj/sj/sj1=2=04yur.html>. (In Russ.).
5. Timofeev L. M. Opposition-1987 or "The last dissident". URL: <http://znamlit.ru/publication.php?id=7310>. (In Russ.).
6. Kopelev L. Z. Keep forever. URL: <https://libcat.ru/knigi/dokumentalnye-knigi/biografii-i-memuary/68123-lev-kopelev-hranit-vechno.html>. (In Russ.).
7. Rezaev A. V., Starikov V. S. Academic capitalism and the "factory of diplomas". *Monitoring obshchestvennogo mneniya: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*. 2018;(3):355–363. (In Russ.).
8. Angulo A. J. Diploma Mills: How For-Profit Colleges Stiffed Students, Taxpayers, and the American Dream. Baltimore: Johns Hopkins University Press, 2016.
9. Kosharnaya G. B., Yurasov I. A.; Korzh N. V.; Karimova L. F.; Tarkhanova E. S., Danilova E. A. Factors of students' entrepreneurial potential development in Russia: On the example of the Penza region. *Espacios*. 2019;40(23).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Игорь Алексеевич Юрасов — доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Финансовый университет, Пензенский филиал; профессор кафедры «Государственное управление и социология региона», Пензенский государственный университет; директор аналитического центра прикладных исследований Института регионального развития Пензенской области, Пенза, Россия
jurassow@mail.ru

Вера Александровна Юдина — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия
vayudina@fa.ru

Елена Викторовна Кузнецова — кандидат экономических наук, доцент кафедры «Менеджмент, информатика и общегуманитарные науки», Финансовый университет, Пензенский филиал, Пенза, Россия
elena_myskina@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Igor A. Yurasov — Dr Sci. (Sociology), Associate Professor, Professor at the Department of Management, Informatics and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch; Professor of the Department of Public Administration and Sociology of the Region, Penza State University; Director of the Analytical Center for Applied Research of the Institute of Regional Development of the Penza Region, Penza, Russia
jurassow@mail.ru

Vera A. Yudina — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Management, Information Science and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia
vayudina@fa.ru

Elena V. Kuznetsova — Cand. Sci. (Economics), Associate Professor, Department of Management, Informatics and Humanitarian Sciences, Financial University, Penza Branch, Penza, Russia
elena_myskina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

И. А. Юрасов — разработка методики исследования;

В. А. Юдина — анализ данных;

Е. В. Кузнецова — обзор публикаций по теме статьи.

Declared contribution of the authors:

I. A. Yurasov — development of research methods.

V. A. Yudina — data analysis.

E. V. Kuznetsova — review of publications on the topic of the article.

Статья поступила 31.07.2020; принята к публикации 20.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 31.07.2020; accepted for publication on 20.08.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-86-91

УДК 331.57(045)

Работодатели и инвалиды на столичном рынке труда: вопросы эффективного взаимодействия

О.А. Александрова

Финансовый университет; ИСЭПН ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

<http://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

АННОТАЦИЯ

В статье на основе результатов исследования, включавшего контент-анализ СМИ, массовый опрос инвалидов и серию экспертных интервью с работодателями, представителями обществ инвалидов, образовательных, реабилитационных и рекрутинговых организаций, анализируется ситуация с трудоустройством инвалидов на рынке труда Москвы — одном из самых емких и развитых в стране. Показано, что, несмотря на явную заинтересованность в трудоустройстве и обращение в городскую службу занятости, найти работу инвалидам по-прежнему непросто: более 40% из них искали работу более года, а каждый пятый — свыше трех лет. Имеющиеся вакансии не устраивают их в силу низкой зарплаты, несоответствия специальности, отдаленности от дома. Нежелание работодателей нанимать инвалидов на устраивающую их работу последние связывают с негативными стереотипами в отношении работников-инвалидов. В результате работодатели реализуют ряд практик, позволяющих им уклоняться от обязанности заполнять квотируемые рабочие места, а инвалиды либо остаются без дополнительного заработка, либо вынуждены работать «в тени». В статье приведен ряд рекомендаций, направленных на повышение эффективности взаимодействия инвалидов, работодателей, службы занятости населения и др.

Ключевые слова: инвалиды; работодатели; служба занятости населения; трудоустройство; рынок труда; квотируемые рабочие места

Для цитирования: Александрова О.А. Работодатели и инвалиды на столичном рынке труда: вопросы эффективного взаимодействия. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):86-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-86-91

ORIGINAL PAPER

Employers and Disabled People in the Moscow Labour Market: Questions of Effective Interaction

O.A. Aleksandrova

Financial University; ISESP FCTAS RAS, Moscow, Russia

<http://orcid.org/0000-0002-9243-9242>

ABSTRACT

The article analyses the situation with the employment of disabled people in the Moscow labour market — one of the most capacious and developed in the country. It is based on the results of a media content analysis and a mass survey of disabled people. It also included a series of expert interviews with employers, representatives of disabled societies, educational, rehabilitation, and recruiting organizations. The author has shown that, despite the apparent interest in finding a job and applying to the city employment service, it is still not easy for people with disabilities to find work. The author finds that more than 40 per cent of people with disabilities have been looking for a job for more than a year, and every fifth for more than three years. Existing vacancies do not suit them due to low salaries, mismatch of speciality, remoteness from home. The reluctance of employers to hire people with disabilities to work, which could fit them; they are associated with negative stereotypes regarding workers with disabilities. As a result, employers implement several practices that allow them to evade the obligation to fill quota jobs, and people with disabilities are either left without additional income or forced to work in the “shadow”. The article provides several recommendations aimed at improving the effectiveness of the interaction of people with disabilities, employers, employment services, etc.

Keywords: disabled people; employers; employment service; employment; labour market; quota jobs

For citation: Aleksandrova O.A. Employers and disabled people in the Moscow labour market: Questions of effective interaction. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):86-91. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-86-91

В 2012 г. Россия ратифицировала Конвенцию о правах инвалидов, в которой существенное внимание уделяется включению их в сферу труда. На момент принятия на себя Россией соответствующих обязательств уровень занятости инвалидов был немногим более 17%, в то время как в развитых странах составлял 45–50% [1]. Достичь аналогичных показателей планировалось к 2020 г. [2]. Не только федеральный центр, но и регионы принимают меры, нацеленные на повышение уровня занятости инвалидов. Например, в Москве в структуре городской службы занятости населения (СЗН) создан отдел по работе с инвалидами. Молодыми инвалидами занимается и Центр занятости молодежи. Новациями последних лет стали персональное кураторство инвалидов, инициативное обращение сотрудников СЗН к инвалидам с предложением работы, выезд мобильного офиса на дом к инвалидам, желающим трудиться, сопровождение трудоустроенных инвалидов на территории соответствующих предприятий. Проводятся специализированные ярмарки вакансий, а также региональный этап чемпионата по профессиональному мастерству среди инвалидов «Абилимпикс».

Что на этом фоне происходит с занятостью инвалидов-москвичей, какие препятствия для их трудоустройства сохраняются и почему? Ответы на эти вопросы были получены в рамках проекта, реализованного под руководством автора в 2018 г. по заказу столичного Департамента труда и социальной защиты населения. В качестве инструментария использовались:

- контент-анализ СМИ (Конвенция особо оговаривает важность изучения создаваемого СМИ информационного контекста). Всего проанализировано 17 СМИ (3 телеканала, 2 радиостанции, 6 печатных изданий, 4 интернет-ресурса, 2 профильных печатных издания), в которых за период с 01.01.2017 по 01.06.2018 г. вышло 250 материалов, посвященных вопросам трудоустройства инвалидов в Москве;

- анкетный опрос инвалидов-москвичей трудоспособного возраста, страдающих всеми основными видами стойких расстройств функций организма. Этот весьма непростой контингент рекрутировался через общественные организации инвалидов, центры социального обслуживания; реабилитационные и образовательные учреждения; предприятия и организации, в которых заняты инвалиды; отделения СЗН и негосударственные рекрутинговые организации; группы в соци-

альных сетях, форумы инвалидов и т.п. Всего была собрана 1001 анкета;

- серия экспертных интервью с четырьмя группами экспертов: работодателями, использующими труд инвалидов (крупные и малые предприятия, специализированные предприятия для инвалидов и обычные); представителями обществ инвалидов (по зрению, слуху, «колясочников», с ментальными проблемами, с общими заболеваниями); руководством образовательных и реабилитационных учреждений; представителями рекрутинговых организаций (обычных и работающих с инвалидами); при этом в рамках данного проекта опрашивались эксперты из негосударственных учреждений, опрос сотрудников СЗН был проведен годом ранее в рамках проекта, посвященного трудоустройству слабозащищенных групп населения [3]. Всего проведено 23 интервью.

Кроме того, существенное внимание было уделено анализу зарубежного опыта путем изучения источников и получения информации от наших экспертов. Особенно глубоко, с привлечением белорусских экспертов, был изучен опыт Белоруссии (по сути — case-study), на который неоднократно ссылались российские эксперты.

Что же показало исследование? Согласно контент-анализу СМИ, за исключением профильных изданий, тема трудоустройства инвалидов слабо освещается масс-медиа. Из имеющихся публикаций только 4,4% освещают ситуацию с рабочими местами, и две трети из них имеют критическое звучание: говорится об отсутствии адаптированных рабочих мест, узком спектре вакансий, низкой зарплате, предубеждениях работодателей. Из публикаций, посвященных квотированию рабочих мест для инвалидов, половина содержит упреки в адрес как работодателей (имитирующих заполнение квот, не перечисляющих штрафы за их несоблюдение в фонд помощи инвалидам и т.д.), так и государства, неспособного эффективно понуждать работодателей к найму инвалидов. Говорится также о сложностях, которые испытывают специализированные предприятия и небольшие производственные мастерские для инвалидов.

Что касается массового опроса, то он подтвердил высокую степень заинтересованности инвалидов в трудоустройстве: 16% выборки составили работающие инвалиды, 39% — не работали, но искали работу, и еще 32% стали бы работать при определенных условиях. Интерес легко объясним: абсолютное большинство инвалидов серьезно стеснены в средствах: 11% средств не хватает даже на питание,

32% — на одежду и обувь, 40% — на приобретение бытовой техники. О реальном поиске работы говорит и то, что (в отличие от здоровых москвичей, регистрирующихся в СЗН с целью получения пособия по безработице и льготы по оплате ЖКХ) 53,7% инвалидов объяснили свое обращение в СЗН трудностями самостоятельного поиска работы; 34,0% надеются, что СЗН поможет в трудоустройстве на квотируемые рабочие места, а 34,6% — с официальным оформлением трудового договора. На обращение в СЗН ради пособия по безработице указали 22,7% инвалидов.

Несмотря на явную заинтересованность в работе и обращение в СЗН, трудоустройство инвалидов остается весьма проблематичным: если среди здоровых безработных 2/3 москвичей находили работу в течение полугода, то среди инвалидов — только 1/3; не менее года искали работу 16,3% здоровых безработных и 43,3% инвалидов; около 20% инвалидов искали работу в течение трех и более лет. Чем же не устроили инвалидов предлагавшиеся им рабочие места? Прежде всего — низким уровнем оплаты труда (49,5%), несоответствием специальности (25,7%); удаленностью от дома (23,5%); примитивностью работы (22,9%); ощущением, что нагрузка окажется непосильной (19,4%). На ту работу, которая могла бы устроить инвалидов, их не берут. Инвалиды связывают это с тем, что работодатели считают их менее продуктивными работниками (на это указали 54%), опасаются частого отсутствия (51%) и затруднений при увольнении (29%), не хотят лишних проверок (20%), не готовы тратить на наставников (18%) и на оборудование рабочего места (16%).

В результате, как указывают эксперты, многие работодатели предпочитают заплатить штраф, нежели заполнять квоту. Или, с целью избегания штрафа, трудоустраивают инвалидов лишь формально — на минимальную зарплату. Нередко работодатели предлагают инвалидам работать неформально, на что те соглашаются, так как официальное трудоустройство лишает инвалидов III группы весомой (практически равной пенсии по инвалидности) столичной надбавки. В связи с этим со ссылкой на зарубежный опыт эксперты предлагают не лишать инвалидов пособия, а сокращать его пропорционально рабочей нагрузке и соответственно зарплате инвалида. Например, если нагрузка такова, что зарплата оказывается меньше 60% МРОТ, то пособие продолжают выплачивать. То же касается регулярности заработка: если занятость сохраняется на протяжении, например, полугода, то надбавка может быть снята. Кроме того, эксперты указывают

на необходимость индексации пенсии для работающих инвалидов.

С учетом того что, несмотря на прикладываемые усилия, доступность городской и рабочей среды пока оставляет желать лучшего (о чем свидетельствуют данные контент-анализа и экспертных интервью), способствовать вовлечению инвалидов в сферу труда могла бы дистанционная занятость. Однако для многих она недоступна, в том числе из-за отсутствия средств на приобретение компьютера (25,3% респондентов) либо слабого (или дорогого) интернета. Так, на вопрос, хотели бы они работать удаленно с использованием компьютера, 43% инвалидов ответили утвердительно и указали, что технические условия им это позволяют, а 15% — хотели бы, но у них слишком слабый интернет. Кстати, желание работать дистанционно зависит от характера инвалида, а не от возраста и заболевания. Есть некоторые ограничения и в части компьютерной грамотности. Порядка 90% инвалидов в возрасте до 50 лет, 73,7% лиц предпенсионного и 63,6% лиц пенсионного возраста умеют пользоваться стандартными компьютерными программами. Многие хотели бы улучшить свои компьютерные навыки, но не знают, где и как это можно сделать.

В то же время приходится признать, что сегодня дистанционная занятость связана с прекаризацией: так, среди тех инвалидов, чье рабочее место находится на предприятии, 95,2% оформлены официально и лишь 4,8% — на основе устной договоренности, а среди тех, кто работает дистанционно, неформально трудоустроены 38,5% [4].

Существенную помощь в трудоустройстве инвалидов, по идее, должна оказывать выдаваемая Бюро медико-социальной экспертизы (МСЭ) индивидуальная программа реабилитации и абилитации (ИПРА). Однако, по мнению большинства опрошенных, ИПРА либо никак не влияет на трудоустройство (44%), либо осложняет его (27%), что связано с невняtnостью, неоднозначностью или даже противоречивостью сделанных в ней записей, а также неведением сотрудников МСЭ относительно достижений в области современных вспомогательных технологий:

«Средний возраст экспертов МСЭ — предпенсионный, уровень оплаты труда — очень низок, квалификация вообще отсутствует. В ИПРА могут быть такие формулировки: «нельзя работать в условиях повышенного шума». Глухому в условиях повышенного шума, наоборот, более комфортно работать. Или «нельзя работать с крутящимися механизмами». Почему, тоже слух теряется?! «Нельзя работать

в условиях искусственного освещения», «нельзя работать на высоте свыше 3 метров», «нельзя, нельзя, нельзя...» Никакой работодатель, увидев такую ИПРА, не будет брать на работу человека» (руководитель общества инвалидов) [5].

Эта и иная, полученная в ходе исследования информация [6] говорит о том, что расширение масштабов занятости инвалидов требует комплексного подхода, предусматривающего повышение трудового потенциала инвалидов (расширение доступа к качественному образованию, адекватная организация инклюзивного образования и т.д.), их адекватную профориентацию; формирование продуктивных установок (сведение к минимуму иждивенческой позиции и т.п.); стимулирование работодателей и их информирование; автоматизацию поиска работы в сочетании с индивидуальным подходом (формирование паспорта трудовой жизни инвалида начиная с момента получения инвалидности или с детства).

В частности, повышению эффективности взаимодействия работодателей и инвалидов могли бы содействовать меры в следующих направлениях. В рамках информационного обеспечения необходимо:

- как можно чаще рассказывать в СМИ о возможностях инвалидов, успешном опыте их работы, используя для этого не только передачи для инвалидов. Следует также шире использовать специализированные издания для директоров и руководителей кадровых служб предприятий и организаций;
- устранять сложившийся у работодателей стереотип о низком уровне квалификации инвалидов: как показал наш опрос, большинство инвалидов имеют высшее или начальное/среднее профессиональное образование; практически все инвалиды умеют пользоваться компьютером. Необходимо также обращать внимание на то, что многие стали инвалидами, будучи уже сформировавшимися, опытными специалистами;
- содействовать устранению не подтвержденных эмпирически стереотипов о неприязненном отношении к инвалидам со стороны других работников и руководства предприятий (в среднем по выборке с такими проявлениями сталкивались соответственно 6 и 15% инвалидов);
- опровергать не соответствующие действительности представления о том, что чуть ли не всем инвалидам необходимы специально оборудованные места и система наставничества/сопровождения: эти условия не являются первостепен-

ными — для большинства инвалидов важна достойная зарплата и работа близко от дома;

- усиливать информационное партнерство между работодателями, СЗН и обществами инвалидов с использованием коммуникационных каналов последних для сообщения об имеющихся вакансиях; расширять и разнообразить площадки, на которых работодатели, имеющие успешный опыт трудоустройства инвалидов, могут познакомиться с ним все заинтересованные стороны; шире информировать работодателей о конкурсах профессионального мастерства: позитивные впечатления о возможностях инвалидов могут содействовать пересмотру работодателями и их кадровыми службами своих негативных установок.

В части расширения числа рабочих мест для инвалидов необходимо:

- актуализировать список профессий для инвалидов (общества инвалидов выражают готовность взаимодействовать в этом вопросе с МСЭ);
- существенно снизить порог численности работников предприятий, обязанных квотировать рабочие места для инвалидов, и увеличить сами квоты; учитывать при заполнении квоты тяжесть заболевания. Зарубежный опыт говорит о том, что больший успех, с точки зрения трудоустройства инвалидов, приносит стимулирование работодателей. В Европе квоты составляют 5–7%, при этом 2/3 квот заполняются. Государства поощряют работодателей, заключивших контракт на более длительный срок, а также трудоустроивших тяжелых инвалидов или инвалидов без опыта работы (наем на работу «колясочника» или новичка приравнивается к трудоустройству 2–3 инвалидов)¹;
- в качестве позитивного стимулирования нанимающих инвалидов работодателей использовать: субсидирование уплаты социальных взносов за работников-инвалидов; полную или частичную компенсацию ученической зарплаты стажеров-инвалидов; софинансирование зарплаты для инвалидов I и II групп на период производственной адаптации; софинансирование расходов на создание рабочих мест для инвалидов I и II групп;
- создать реестр столичных предприятий, использующих труд инвалидов, для облегчения их доступа к городскому заказу;

¹ Economic and social costs and benefits to employers of retaining, recruiting and employing disabled people and/or people with health conditions or an injury: A review of the evidence. URL: <http://webarchive.nationalarchives.gov.uk/20130314011334/http://research.dwp.gov.uk/asd/asd5/rports2005-2006/rrep400.pdf>.

- создать реестр социально ответственных поставщиков для усиления партнерских связей между трудоустройствами инвалидов предприятиями малого и среднего бизнеса и крупными фирмами, заинтересованными в приведении своей нефинансовой отчетности в соответствие с международными стандартами (раздел «корпоративная социальная ответственность»), чему может весьма способствовать привлечение подобных контрагентов.

Для обеспечения производственной загрузки и стимулирования размещения заказов на специализированных предприятиях для инвалидов необходимо:

- предоставлять им преференции при участии в конкурсах на получение госзаказов или вообще освобождать от необходимости участвовать в тендере (например, эксперт, представлявший реабилитационный центр, предложил перенять опыт Белоруссии в части обязательности закупки госучреждениями ряда товаров, производимых инвалидами, а эксперт из Белоруссии подтвердил, что там сохранена и успешно действует сеть специализированных предприятий, эффективность работы которых обеспечивается госзаказом и иными мерами господдержки);

- снижать организациям, размещающим свои заказы на специализированных предприятиях, ставки налога на прибыль; предоставлять вновь организуемым специализированным предприятиям налоговые каникулы (до 3 лет);

- снижать налоговые ставки для специализированных предприятий с целью компенсации более низкой производительности труда инвалидов и выхода на среднеотраслевую рентабельность [по словам представителя Всероссийского общества слепых, в Белоруссии, благодаря наличию налоговых льгот, доля работающих незрячих выше, чем в России, и, кроме того, у этих предприятий есть возможность содержать для них социальную инфраструктуру (библиотеки, дома культуры) и строить специализированное жилье] и т.д.

Чтобы создать условия для дистанционной занятости, необходимо:

- обучение инвалидов компьютерной грамотности, в том числе с использованием специализированных программ для инвалидов по слуху, зрению, с ментальными особенностями, а также из старших возрастных групп;

- доведение до инвалидов информации о том, где и как можно улучшить компьютерные навыки;

- снижение «цифрового неравенства» посредством развития коммуникаций и удешевления скоростного интернета, субсидирования подключения инвалидов к скоростному интернету для целей удаленной работы и т.д.

В части совершенствования взаимодействия работодателей и СЗН целесообразно:

- обращать внимание работодателей на то, что дополнительные льготы для инвалидов не столь обременительны, как кажется;

- делать акцент на тех экономических, правовых и иных выгодах, которые может принести предприятию трудоустройство инвалида;

- демонстрировать возможность гибких решений и т.д.;

- помогать работодателям выявлять ниши, которые могут быть заполнены работниками-инвалидами;

- проводить на предприятиях семинары, посвященные психофизиологическим особенностям работников-инвалидов (прежде всего с ментальными или сенсорными проблемами), условиям их успешной трудовой адаптации.

Отдельного внимания заслуживает волнующий инвалидов вопрос их собеседований с потенциальными работодателями. Психологам из СЗН необходимо помочь инвалидам преодолеть чувство обиды, снизить уровень конфликтности, сформировать навыки сотрудничества. Следует также иметь в виду, что две трети инвалидов в ходе собеседования испытывают затруднения, прежде всего связанные с тем, что им сложно убедить работодателей в своей способности справиться с должностными обязанностями, преодолеть демонстрируемую работодателями незаинтересованность, а также сформулировать требования к связанным с состоянием здоровья условиям и режиму труда. С учетом этого есть смысл расширить практику проведения работодателями тестового собеседования с инвалидами на площадках СЗН. Кроме того, необходимо обеспечить организационно-правовые и технические возможности для проведения собеседований с инвалидами, имеющими ментальные и сенсорные проблемы, а также «колясочниками», в дистанционном режиме.

Итак, даже на емком столичном рынке труда инвалидам не так легко найти подходящую работу, при том что и инвалиды, и работодатели декларируют свою заинтересованность. Помочь сделать их взаимодействие более эффективным могут самые разные институты — от СМИ до службы занятости населения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Нацун Л.Н. Поддерживаемое трудоустройство инвалидов: обзор мирового опыта. *Вестник УрФУ. Серия экономика и управление*. 2017;16(4):663–680.
2. Топилин М. Перед нами стоит задача увеличить численность занятых инвалидов до 50%. URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/1>.
3. Александрова О.А., Токсанбаева М.С., Ярашева А.В. и др. Проблемы трудоустройства слаботзащищенных слоев населения. АНО «Совет по вопросам управления и развития». М.: Акварель; 2017. 252 с.
4. Aleksandrova O., Nenakhova Yu. Accessibility of Assistive Technologies as a Factor in the Successful Realization of the Labor Potential of Persons with Disabilities: Russia's Experience. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/9/4/70/htm>.
5. Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S. Involvement of vulnerable groups in informal employment in the Moscow labor market / Assessing Informal Employment and Skills Needs: Approaches and Insights from Regional and Local Labor Market Monitoring. Ch. Larsen, S. Rand, A. Shmid, V. Bobkov, V. Lokosov, eds. Ausburg. Germany: Rainer Hampp Verlag; 2019.
6. Александрова О.А., Токсанбаева М.С., Ярашева А.В. и др. Трудоустройство инвалидов на столичном рынке труда: проблемы и пути решения. АНО «Совет по вопросам управления и развития». М.: ООО «Вариант»; 2018. 280 с.

REFERENCES

1. Nacun L.N. Supported Employment of Persons with Disabilities: A Review of World Experience. *Vestnik UrFU. Seriya ekonomika i upravlenie*. 2017;(4): 663–680 (In Russ.).
2. Topilin M. Our task is to increase the number of employed disabled people to 50%. URL: <https://rosmintrud.ru/employment/resettlement/1>. (In Russ.).
3. Aleksandrova O.A., Toksanbaeva M.S., Yarasheva A.V et al. Problems of employment of vulnerable groups in Moscow. A.V. Yarasheva, (Ed.). Moscow: Akvarel'; 2017. (In Russ.).
4. Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S. Accessibility of Assistive Technologies as a Factor in the Successful Realization of the Labor Potential of Persons with Disabilities: Russia's Experience. *Societies*. 2019;9(4):70. URL: <https://www.mdpi.com/2075-4698/9/4/70/htm>.
5. Aleksandrova O.A., Nenakhova Yu.S. Involvement of vulnerable groups in informal employment in the Moscow labor market/ Assessing Informal Employment and Skills Needs: Approaches and Insights from Regional and Local Labor Market Monitoring. Ch. Larsen, S. Rand, A. Shmid, V. Bobkov, V. Lokosov, eds. Ausburg, Germany: Rainer Hampp Verlag; 2019: 369–385.
6. Aleksandrova O.A., Toksanbaeva M.S., Yarasheva A.V. et al. Employment of persons with disabilities in the capital labor market: problems and solutions. Aleksandrova O.A., ed. Moscow: Variant; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ольга Аркадьевна Александрова — доктор экономических наук, профессор Департамента социологии, Финансовый университет; заместитель директора по научной работе Института социально-экономических проблем народонаселения, Федеральный научно-исследовательский социологический центр РАН (ИСЭПН ФНИСЦ РАН), Москва, Россия
a762rab@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Olga A. Aleksandrova — Doctor of Economics, Professor, Department of Sociology, Financial University; Deputy Director for Research at Institute of Socio-Economic Studies of Population of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (ISESP FCTAS RAS), Moscow, Russia
a762rab@mail.ru

Статья поступила 26.06.2020; принята к публикации 10.08.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 26.06.2020; accepted for publication on 10.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-92-99

УДК 338.262.4(045)

Поддержка промышленности и бизнеса в России в период пандемии COVID-19*

Н.М. Абдикеев^а, Ю.С. Богачев^б, О.И. Донцова^с

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <http://orcid.org/0000-0002-5999-0542>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-8595-7674>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-7924-2111>

АННОТАЦИЯ

В статье приведено исследование форм господдержки промышленности и бизнеса в России, а также их методическое и организационно-практическое обеспечение. Целью исследования является оценка современных механизмов реализации мер поддержки промышленного развития в период пандемии COVID-19. Важным элементом национального плана восстановления как уровня инвестиций, так и уровня совокупного потребления, является идентификация сегментов промышленности, которые должны запустить деятельность в сопряженных с ними сферах бизнеса, в том числе — наиболее пострадавшей от пандемии COVID-19 сфере малого и среднего бизнеса. Анализ форм государственной поддержки секторов обрабатывающей промышленности из числа драйверов экономического роста в трактовке Правительства РФ (прогнозов экономического развития) показал, что используются практически все известные направления для реализации такого рода усилий в целях обеспечения роста и развития этих субъектов. В статье сделан вывод, что к числу причин низкой эффективности реализуемых мероприятий относятся как недостатки экономической оценки состояния отраслей, их микроэкономических субъектов и воздействующих на них факторов, так и недоработки управленческого характера, в том числе ошибки в определении целей проводимых мероприятий/программ/стратегий, их планировании и организации, реализации и контроле.

Ключевые слова: господдержка; промышленность; машиностроение; государственная программа; управленческие механизмы; COVID-19; экономический рост; планирование

Для цитирования: Абдикеев Н.М., Богачев Ю.С., Донцова О.И. Поддержка промышленности и бизнеса в России в период пандемии COVID-19. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):92-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-92-99

ORIGINAL PAPER

Support for Industry and Business in Russia During the COVID-19 Pandemic**

N.M. Abdikeev^а, Yu.S. Bogachev^б, O.I. Dontsova^с

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia

^а <http://orcid.org/0000-0002-5999-0542>; ^б <http://orcid.org/0000-0002-8595-7674>;

^с <http://orcid.org/0000-0002-7924-2111>

ABSTRACT

The article presents a study of forms of state support for industry and business in Russia, as well as their methodological and organizational and practical support. The aim of the study is the evaluation of modern mechanisms for implementing measures to support industrial development during the COVID-19 pandemic. An essential element of the national recovery plan for both investment and aggregate consumption is the identification of industry segments that should launch activities in their associated business areas, including the small and medium-sized businesses that are most affected by the COVID-19 pandemic. The analysis of the forms of state support for sectors of the manufacturing industry being at the same time the drivers of economic

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету.

** The article was prepared based on the results of studies carried out at the expense of budget funds on the state order of the Financial University.

growth in the interpretation of the Government of the Russian Federation (forecasts of economic development) showed that almost all known areas are used to implement such efforts to ensure the growth and development of these subjects. The authors concluded that the reasons for the low efficiency of implemented measures are both shortcomings in the economic assessment of the state of industries, their micro-economic entities and factors affecting them, and management shortcomings, including errors in determining the goals of the activities/programs/strategies, their planning and organization, implementation and control as well.

Keywords: state support; industry; mechanical engineering; state program; management mechanisms; COVID-19; economic growth; planning

For citation: Abdikeev N.M., Bogachev Yu.S., Dontsova O.I. Support for industry and business in Russia during the COVID-19 pandemic. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):92-99. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-92-99

В период активной фазы пандемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19) правительства подавляющего большинства стран мира имплементировали схожий паттерн поведения и противоэпидемиологической политики. Базовым инструментом противодействия массовому распространению COVID-19 стало обеспечение мер самоизоляции и социального дистанцирования населения. В большинстве стран, в том числе и в России, требования самоизоляции и социального дистанцирования реализовывались в форме правовых норм императивного характера¹.

Коронавирусная пандемия сгенерировала кризисные явления в экономиках многих ведущих стран мира. В табл. 1 представлены данные Всемирного банка по уровню падения национальных экономик за I и II квартал 2020 г.

Уровень мировой торговли снизился на 11,9%. С учетом того, что в экономиках ведущих стран сфера услуг занимает более 60%, кризисные явления привели к резкому увеличению безработицы. Рынок труда ведущих экономик мира приблизился к уровню 30-х гг. прошлого столетия. В США безработица составила более 20%, превысив значение в 38 млн чел. (больше, чем во времена Великой депрессии). Увеличение числа безработных привело к резкому падению доходов населения, а, следовательно, покупательского спроса, что затрудняет процесс восстановления реальной экономики, который во всех странах будет проходить с разной скоростью.

В России, по данным Всемирного банка, уровень падения экономики составил порядка 6,6%, по данным Министерства экономики — 4–6%. В силу структурных особенностей экономики в России процент прироста безработных существенно меньше, чем в развитых странах за аналогичный период 2020 г.

Предпосылкой для консервации кризисного состояния экономики является структура распределения занятых в сфере услуг и реального сектора. Страны с высокой долей сферы услуг в ВВП национальной экономики (США, Великобритания, Швейцария, Франция, Нидерланды, Япония, Сингапур, Испания, Канада) испытают более высокие риски на рынке труда, а, следовательно, более существенное снижение потребительской активности по сравнению со странами с высокой долей развития реального сектора экономики (Китай, Индия, Южная Корея, Индонезия). В итоге это приведет к депрессивным явлениям в сфере услуг, и как следствие, к увеличению периода выхода из кризиса [1,2].

По прогнозам Министерства экономического развития РФ, экономика России достигнет уровня 2019 г. к началу 2022 г., а в 2023 г. темпы ее развития составят 3%, что соответствует среднему значению.

Снижение уровня реализации продукции на внешних рынках создает высокие риски обеспечения внутреннего рынка потребления товарами обрабатывающей промышленности. Это связано с тем, что значительная часть реализации этих товаров обеспечивается импортными поставками. Кризисные явления в национальных экономиках формируют риски способности стран обеспечить эти поставки. С другой стороны, кризисные явления в экономике России приводят к увеличению курсовой разницы рубля, что способствует повышению

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2020 № 239 «О мерах по обеспечению санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19)». URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202004020025>.

Таблица 1 / Table 1

**Уровень падения мировой экономики
за I и II квартал 2020 г. / The level of decline
in the global economy for the first and second
quarter of 2020**

Страна	Падение ВВП, %
США	8
ЕС	10,2
Индия	4,5
Латинская Америка	9,4
Япония	5,8
Канада	8,4
Китай	1

Источник / Source: Данные Всемирного банка / The World Bank data. URL: <https://www.worldbank.org>.

цен на импортные товары, — они становятся недоступными для предприятий и населения в силу резкого падения доходов, несмотря на все усилия государства стабилизировать экономическое состояние, предоставляя различного рода субсидии. По этой причине маловероятно увеличение заинтересованности многих стран в закупках продукции обрабатывающей промышленности.

Кроме того, не определены факторы, влияющие на развитие пандемии. Существует вероятность второй волны эпидемии. Отсюда возникает неопределенность возможности национальных экономик сохранить потенциал к устойчивому развитию.

Необходимо отметить, что в России накоплен определенный потенциал и создан инструментарий управления развитием пандемии — об этом свидетельствует низкий уровень смертности в нашей стране. Вышеуказанные факты дают основание утверждать, что основным направлением развития национальной экономики должно стать импортозамещение продукции высоких технологий и технологическое перевооружение для формирования условий повышения производительности труда. Это позволит увеличить доходы населения страны и таким образом повысить качество жизни населения.

Объективной ценой введения жестких мер социального дистанцирования и самоизоляции стало критическое падение совокупного потребления домохозяйств, которое по инерции отразилось на корпоративном потреблении, глобальном спросе на энергоносители и на инвестиционном спросе. Во время реализации противоэпидемиологических мер социального дистанцирования и принудительной самоизоляции снизилась деятельность многих секторов экономики, ухудшилось положение дел в промышленности и особенно в секторе услуг, уменьшились располагаемые доходы большей части населения, существенно выросла безработица (особенно в сегменте малого и среднего бизнеса).

С целью сглаживания негативного влияния противоэпидемиологических мер и возвращения экономики на обычную траекторию развития правительствами большинства стран мира, в том числе и России, в срочном порядке разрабатываются планы по поддержке граждан и стимулированию процессов восстановления экономики.

Реализуемое Правительством России восстановление национальной экономики включает в себя социальные меры и меры поддержки бизнеса. Социальные меры направлены на поддержание отдельных категорий населения. Они представляют собой: ежемесячные выплаты семьям с детьми (в среднем 5500 руб.); перевод в дистанционный режим государственных услуг по получению больничного, поиску работы, оформлению пособия по безработице; введение моратория на начисление штрафов и пени за просрочку коммунальных платежей; введение возможности кредитных каникул (<https://стопкоронавирус.рф/what-is-done/social-measures>).

Меры поддержки бизнеса развиваются по двум направлениям.

1. Поддержка малого и среднего бизнеса в условиях реализации мер по обеспечению социального дистанцирования и самоизоляции (на период действия ограничений осуществления деятельности).

2. Реализация общесистемных мер по стимулированию возврата экономики на траекторию роста [3].

В качестве мер поддержки малого и среднего бизнеса в период действия ограничительных мер Правительством России предлагается: введение мораториев на банкротство и проведение проверок, налоговые каникулы и отсрочка арендных платежей (на объекты

в государственной собственности), возможность привлечения кредитов на выплату заработной платы. Обозначенные меры поддержки реализуются в первую очередь в идентифицированных как наиболее затронутые последствиями распространения COVID-19 отраслях национальной экономики. К ним Правительством РФ отнесены: авиаперевозки, воздушный транспорт, туризм, выставочная деятельность, гостиницы, сфера развлечений и досуга, общественное питание, бытовые услуги, культура и спорт, непродовольственный ритейл, стоматологические услуги (<https://стопкоронавирус.рф/files>).

Промышленность России не определена как одна из наиболее затронутых пандемией COVID-19 отраслей, и мероприятия по ее поддержке относятся к общесистемным мерам по возвращению экономики на привычную траекторию развития.

Большинство общесистемных мер стабилизации состояния российской экономики в период отсрой фазы пандемии COVID-19 имели институциональный характер. Основной вектор направлен на снижение административного давления и перевод контрольно-надзорных и регулятивных процедур в цифровой или дистанционный формат. В табл. 2 приведены институциональные инструменты противодействия экономическому шоку от последствий пандемии COVID-19.

Правительственная комиссия по повышению устойчивости российской экономики утвердила список системообразующих организаций, которые получают господдержку на фоне пандемии COVID-19. Эти организации включены в список из-за их влияния на формирование ВВП, занятость населения и социальную стабильность в регионах. В их числе: «Газпром», «Роснефть», ЛУКОЙЛ, авиакомпании «Аэрофлот» и «Уральские авиалинии», РЖД, «Русал», «Северсталь», и др. В список вошло более 600 компаний, в том числе промышленных, финансовое состояние которых российские власти в условиях обвала цен на нефть и пандемии коронавируса будут мониторить и по необходимости рассматривать вопрос об оказании поддержки. На фоне возникающих экономических проблем, в том числе из-за пандемии коронавируса, первый вице-премьер Андрей Белоусов предложил расширить список системообразующих организаций.

Компании, попавшие в список системообразующих организаций², имеют право на господдержку, также, судя по всему, могут рассчитывать на мораторий на банкротство в ближайшие полгода — это одна из мер поддержки бизнеса, объявленная правительством РФ (<https://www.rbc.ru/economics/17/03/2020/5e706a979a7947e39c88a5eb>).

В качестве меры прямой поддержки системообразующих предприятий базовых отраслей экономики планом реализации общесистемных правительственных мер предусматривается выделение льготных кредитов (по ключевой ставке Банка России) на пополнение оборотных средств и для выплаты заработной платы. Срок предоставления кредитов — до одного года. Список системообразующих предприятий формируется Минэкономразвития России.

К числу комплексных мер преодоления последствий COVID-19 относятся и разработанный Правительством РФ План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции, предусматривающий кредитование (на выплату зарплат) и финансовую помощь бизнесу, отсрочку и снижение налоговых и страховых платежей (дифференцированных для наиболее пострадавших и иных отраслей, а также малого и среднего бизнеса), поддержка системообразующих предприятий (1100 организаций), облегчение доступа к кредитам для малого и среднего бизнеса, поддержка некоммерческих организаций, поддержка фармацевтического и медицинского производства, транспорта, снижение непроизводительных издержек бизнеса, а также общесистемные меры поддержки и поддержка доходов населения³. Работа над совершенствованием мер государственной поддержки секторов, в том числе являющихся драйверами экономического роста, продолжается вместе с преодолением эффектов пандемии.

Формат рассматриваемых Правительством России мер по восстановлению российской экономики и возврату ее развития на докризисную

² Список системообразующих компаний, которые получают господдержку на фоне пандемии COVID-19. URL: https://www.znak.com/2020-04-02/spisok_sistemoobrazuyuchih_kompaniy_kto_poluchit_gospodderzhku_na_fone_pandemii_covid_19.

³ План преодоления экономических последствий новой коронавирусной инфекции. Правительство РФ. URL: <https://www.economy.gov.ru/material/file/35e6e01e8bb405ba8c4090762f9cfd7/Plan.pdf>.

Таблица 2 / Table 2

Институциональные инструменты противодействия экономическому шоку от последствий пандемии COVID-19 / Institutional tools to counter the economic shock of the COVID-19 pandemic

Мероприятие	Плановые показатели
Снижение административной нагрузки в сфере лицензирования	Отмена 19 тыс. плановых проверок. Выдача более 49 тыс. лицензий дистанционно. Автоматическое продление заканчивающихся лицензий на продажу алкоголя (30 тыс.), частную охранную деятельность (2 тыс.), пользование недрами (1050), оказание услуг связи, радио- и телевидения (более 3 тыс.), продление разрешений на строительство. Упрощение оформления лицензий для медицинской деятельности принимающих участие в борьбе с распространением и последствиями COVID-19
Снижение административного давления в сфере электроэнергетики и промышленной безопасности	Автоматическое продление аккредитаций в национальной системе (3303). Продление аттестаций экспертов в сфере промышленной безопасности (113). Продление аттестаций работников в сфере промышленной безопасности (115 тыс.). Продление аттестаций на право проведения экспертизы проектной документации (более 500). Перенос проверки знаний Ростехнадзора в сфере электроэнергетики (319 тыс.)
Упрощение порядка таможенного оформления товаров первой необходимости	Таможенное оформление по «зеленому коридору» товаров первой необходимости. Упрощенный порядок сертификации импортируемой продукции. Отмена импортных пошлин на лекарственные препараты и медицинские изделия (защитные маски, средства дезинфекции, вакцины). Обнуление ставок таможенных пошлин на продовольствие в рамках ЕАЭС. Отложение требований по предоставлению сертификата происхождения товара при его таможенном оформлении
Снижение административного давления на транспортную отрасль	Отмена весовых ограничений на перевозку товаров первой необходимости. Отмена временных ограничений на движение грузового транспорта в пределах населенных пунктов (при осуществлении доставки товаров). Мораторий на штрафы за непрохождение технического осмотра транспортных средств. Перенос введения новых технических регламентов по оборудованию транспортных средств. Перенос сроков имплементации новых норм регулирования в сфере транспорта
Снижение затрат на выполнение контрольно-надзорных требований	Отмена 100 тыс. плановых и 400 тыс. внеплановых налоговых и таможенных проверок бизнеса. Отмена штрафов и пени по государственным контрактам, возможность переносов сроков выполнения государственных контрактов. Перенос на 01.01.2021 обязательной предустановки российского программного обеспечения на технические товары. Перенос сроков обязательной маркировки молочной продукции

Источник / Source: URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/plan_preodoleniya_ekonomicheskikh_posledstviy_novoy_koronavirusnoy_infekcii.html.

траекторию вписывается в неокейнсианскую концепцию функционирования экономического механизма с усилением роли государственных расходов в качестве драйвера роста.

Ключевая задача увеличения государственных расходов в реализуемой стратегии развития промышленности состоит в запуске мультипликатора частных инвестиций в секторах приоритетного развития. Поскольку одним из важных барьеров роста инвестиционного

спроса является неблагоприятная инвестиционная среда, то параллельно с ростом государственных влияний в инфраструктурные проекты (в качестве основного инструмента действующей стратегии обеспечения опережающего экономического развития) реализуется описанная выше программа институциональных преобразований [4].

Важным элементом национального плана восстановления как уровня инвестиций, так

и уровня совокупного потребления является идентификация сегментов промышленности, которые должны запустить деятельность в сопряженных с ними сферах бизнеса, в том числе наиболее пострадавшей от пандемии COVID-19 сфере малого и среднего бизнеса. Решения о выделении помощи пострадавшим предприятиям и отраслям — драйверам роста принимаются по большей части ситуативно.

К числу драйверов национальной экономики Правительство РФ относит машиностроительный комплекс. С его состоянием связывают конкурентоспособность российской экономики на внутреннем и внешнем рынках, а также обороноспособность страны [5]. Новые возможности развития секторов машиностроения и всей отрасли в целом предусматривает недавно принятая Сводная стратегия развития обрабатывающей промышленности Российской Федерации до 2024 г. и на период до 2035 г. Признавая сохранение в отрасли проблем технологической отсталости, недостаточного присутствия на внешних рынках и др., документ предусматривает комплексное воздействие на отрасль посредством технологической, инвестиционной, финансовой, кадровой и внешнеторговой политики, а также стимулирование спроса, выделенное в отдельный сегмент Стратегии.

При этом, однако, положения Стратегии не учитывают последствий распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Между тем они существенно усугубили сложившуюся в машиностроении ситуацию. По имеющимся оценкам, из-за эпидемии только экспорт продукции машиностроения сократится по сравнению с 2019 г. на 10% (<https://iz.ru/991240/ekaterina-vino-gradova/eksport-v-istorii-nesyrevye-postavki-sokratilis-iz-za-koronavirusa>).

Одними из рассматриваемых в данных момент в качестве локомотивов восстановительного роста национальной экономики сегментов промышленности являются автопром и авиапром.

Выработан ряд профилактических мер, призванных обеспечить стабильную работу автопрома и поддержать отрасль. Президент РФ В.В. Путин поручил Правительству обеспечить стабильную работу автомобильной отрасли — от производства до продажи. Все меры поддержки российского автопрома должны

быть реализованы на практике максимально срочно. Необходимо обеспечить стабильную ритмичную работу по всей цепочке автоиндустрии и автомобильного рынка: от производства автокомпонентов до розничной продажи автомобилей и их обслуживания.

12 автопроизводителей России вошли в перечень системообразующих предприятий, для которых предусмотрен специальный банковский продукт, а именно льготный кредит на пополнение оборотных средств (<https://www.kommersant.ru/doc/4331699>, <https://www.autostat.ru/news/43806>).

Важной задачей является также поддержка авиационной промышленности и авиаперевозок. Вернуть в строй российскую авиацию призваны решения, направленные конкретно на эту сферу. «В текущей ситуации необходимо поддержать базу отрасли, а именно предприятия авиастроения, дать загрузку этому сложному, по многим параметрам уникальному производству, — сказал Президент на совещании по вопросам поддержки авиационной промышленности и авиаперевозок. — Россия в числе тех, кстати, немногих стран мира, которые способны выпускать всю линейку военных и гражданских самолетов и вертолетов. Это реальное огромное конкурентное преимущество» (<http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/63348>).

К числу драйверов национальной экономики Правительство РФ относит машиностроительный комплекс. С его состоянием связывают конкурентоспособность российской экономики на внутреннем и внешнем рынках, а также обороноспособность страны.

Заместитель Председателя Правительства Ю. И. Борисов отметил, что накопленный за прошлые годы проблемный долг негативно влияет на развитие отрасли в целом. Только на уплату процентов по проблемной задолженности ПАО «ОАК», которая составляет свы-

ше 400 млрд руб., ежегодно тратится свыше 30 млрд руб.

В рамках созданной в соответствии с Указом Президента правительственной комиссии рассмотрена долгосрочная программа финансового оздоровления ПАО «ОАК». Программа предусматривает: оказание мер государственной поддержки за счет докапитализации и реструктуризации проблемных задолженностей ПАО «ОАК» перед банками на 15 лет; выполнение мероприятий по корпоративной и управленческой оптимизации в течение трех лет и трансформации научно-конструкторского блока ПАО «ОАК» в течение пяти лет, что даст экономический эффект в программный период около 300 млрд руб.; реализацию непрофильных активов корпорации с ожидаемым эффектом около 17 млрд руб.

Реализация программы финансового оздоровления позволит ОАК обеспечить завершение инвестиционной стадии текущих авиационных программ и перейти к наращиванию серийного производства новых самолетов, создать стабильные условия для развития перспективных программ в гражданской и военной авиации.

Помимо этого, скорректированы «влево» сроки реализации мероприятий по импортозамещению, в частности сроки реализации мероприятий по импортозамещению на самолете «Сухой Суперджет» перенесены с 2024 на 2023 г.

Программа финансового оздоровления принята на заседании правительственной комиссии 12 мая 2020 г. с учетом уточнения объема

мер государственной поддержки. С Минобороны России согласована возможность невзимания штрафов и неустоек по государственному оборонному заказу по госконтрактам прошлых лет. Принятая программа создаст условия для устойчивого развития авиационной отрасли.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы.

1. Анализ форм государственной поддержки секторов обрабатывающей промышленности из числа драйверов экономического роста в трактовке Правительства РФ (прогнозов экономического развития) показал, что используются практически все известные направления для реализации такого рода усилий в целях обеспечения роста и развития этих субъектов.

2. Реализация таких действий зачастую не давала ожидаемых эффектов. Взятые по отдельности и сведенные в комплексы, они не обеспечивали такого воздействия на секторы обрабатывающей промышленности, чтобы те подтвердили или укрепили свой статус драйверов экономического роста и стимулировали динамику всей экономики.

3. К числу причин низкой эффективности реализуемых мероприятий относятся как недостатки экономической оценки состояния отраслей, их микроэкономических субъектов и воздействующих на них факторов, так и недоработки управленческого характера, в том числе ошибки в определении целей проводимых мероприятий/программ/стратегий, их планировании и организации, реализации и контроле.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ/REFERENCES

1. Cherif R., Hasanov F. The Return of the Policy That Shall Not Be Named: Principles of Industrial Policy. IMF Working Paper. No. WP/19/74. March 2019:5–77.
2. Rodrik D. Unconditional Convergence in Manufacturing. *Quarterly Journal of Economics*. 2013;128(1):165–204.
3. Кудрин А. Л., Стефани Ф. Российская экономика в поисках стимулов роста. Петербургский международный экономический форум. Санкт-Петербург; 2019. URL: <https://forumspb.com/news/news/rossijskaja-ekonomika-v-poiskah-stimulov-rosta>.
Kudrin A. L., Stephanie F. The Russian economy is looking for growth incentives. St. Petersburg international economic forum. Saint Petersburg; 2019. URL: <https://forumspb.com/news/news/rossijskaja-ekonomika-v-poiskah-stimulov-rosta>. (In Russ.).
4. Mironov V., Konovalova L. Structural changes and economic growth in the world economy and Russia. *Russian Journal of Economics*. 2019;5(1):1–26.
5. Сайфиева С. Н., Ермилина Д. А. Проблемы развития российского машиностроения. Институт проблем рынка РАН. Тезисы доклада на Девятом всероссийском симпозиуме «Стратегическое планирование и развитие предприятий». Г. Б. Клейнер, ред. М.: ЦЭМИ РАН; 2008.
Saifieva S. N., Ermilina D. A. Problems of development of Russian mechanical engineering. Institute of

market problems of the Russian Academy of Sciences. In: Abstracts of the report at the Ninth All-Russian Symposium "Strategic planning and development of enterprises". G.B. Kleiner, ed. Moscow: CEMI RAS; 2008. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Нияз Мустякимович Абдикеев — доктор технических наук, профессор, директор Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
NAbdikeev@fa.ru

Юрий Сергеевич Богачев — доктор физико-математических наук, главный научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
YUSBogachev@fa.ru

Олеся Игоревна Донцова — кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института промышленной политики и институционального развития, Финансовый университет, Москва, Россия
OIDontsova@fa.ru

ABOUT THE AUTHORS

Niyaz M. Abdikeev — Dr Sci. (Engineering), Prof., Director of the Institute for Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
NAbdikeev@fa.ru

Yury S. Bogachev — Dr Sci. (Phys.-Math.), Chief Researcher at the Institute for Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
YUSBogachev@fa.ru

Olesya I. Dontsova — Cand. Sci. (Economics), Leading Researcher of the Institute for Industrial Policy and Institutional Development, Financial University, Moscow, Russia
OIDontsova@fa.ru

Заявленный вклад авторов:

Н.М. Абдикеев — общее руководство проектом, выводы, анализ поддержки авиационной промышленности и авиаперевозок.

Ю.С. Богачев — анализ влияния на международную экономику пандемии COVID-19.

О.И. Донцова — анализ поддержки промышленных секторов и бизнеса в период пандемии COVID-19, техническое редактирование.

Declared contribution of the authors:

N.M. Abdikeev — general project management, conclusions, analysis of support for the aviation industry and air transportation.

Yu.S. Bogachev — analysis of the impact on the international economy of the COVID-19 pandemic.

O.I. Dontsova — analysis of support for industrial sectors and businesses during the COVID-19 pandemic, technical editing.

Статья поступила 05.08.2020; принята к публикации 30.08.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 05.08.2020; accepted for publication on 30.08.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-100-109
УДК 328.1(045)

Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах

И.В. Толмачёва

ИД «Аргументы недели», Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0003-0402-0634>

АННОТАЦИЯ

В статье представлены результаты количественного исследования законодательной деятельности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 гг. Среди субъектов права законодательной инициативы рассматриваются: Президент, Правительство, суд, региональные законодательные собрания, Государственная Дума, Совет Федерации, депутаты и сенаторы. Исследование проведено на основании открытых данных сайта Государственной Думы. В центре внимания эффективность законодателей, которая определяется через законотворческую активность: число внесенных законопроектов, принятых и отклоненных законопроектов, долю принятых законопроектов в числе рассмотренных законопроектов. Результаты исследования показали, что субъекты права законодательной инициативы обладают различной эффективностью, а фракции и депутаты Государственной Думы также кардинально различны в законодательной эффективности. Представлены имена действующих эффективных законодателей в 2016–2019 гг. — депутатов и сенаторов.

Ключевые слова: субъект права законодательной инициативы; парламент; Государственная Дума; Правительство; Президент; Совет Федерации; депутат; сенатор; лоббизм; законотворчество; рейтинг лоббистов

Для цитирования: Толмачёва И.В. Анализ эффективности субъектов права законодательной инициативы Российской Федерации в 2016–2019 годах. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):100-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-100-109

ORIGINAL PAPER

Analysis of the Effectiveness of Subjects of the Legislative Power of the Russian Federation in 2016–2019

I.V. Tolmacheva

Publishing House "Arguments of the Week", Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0003-0402-0634>

ABSTRACT

The article presents the results of a quantitative study of the legislative activity of subjects of the right of the legislative initiative of the Russian Federation in 2016–2019. Among the subjects of the right of the legislative initiative are considered: the president, the government, the court, regional legislative assemblies, the State Duma, the Federation Council, deputies, and senators. The research is based on open data from the State Duma website. The main focus is on the effectiveness of legislators, which is determined through legislative activity: the number of bills introduced, the number of bills passed, the number of rejected bills, the share of adopted bills in the number of bills considered. The results of the study showed that the subjects of the right of the legislative initiative have different effectiveness, that the factions and deputies of the State Duma also differ radically in legislative effectiveness. The names of current influential deputies and senators in 2016–2019 are presented.

Keywords: subjects of the legislative power; parliament; State Duma; Government; President; Council of the Federation; deputy; senator; lobbying; lawmaking; lobbyist rating

For citation: Tolmacheva I.V. Analysis of the effectiveness of subjects of the legislative power of the Russian Federation in 2016–2019. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):100-109. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-100-109

ВВЕДЕНИЕ

В основе анализа эффективности субъектов права законодательной инициативы в Российской Федерации — исследование законотворческой активности Президента, Совета Федерации, членов Совета Федерации, депутатов Государственной Думы, Правительства, региональных законодательных органов и судов. Исследование показывает особенности функционирования субъектов права законодательной инициативы в части создания и продвижения законопроектов. Эффективность субъектов права законодательной инициативы в рамках исследования рассматривается как способность к продвижению через регламент парламента законодательных инициатив. Чем больше законопроектов субъекта права законодательной инициативы подписывается Президентом, становится законом, вступает в юридическую силу, тем выше его эффективность, а чем больше законопроектов снимается с рассмотрения в парламенте и не доходит до подписи Президента, тем ниже его эффективность.

Результаты исследования позволяют в текущих условиях прогнозировать интенсивность усилий, прилагаемых к продвижению законопроектов в зависимости от их инициаторов — как институтов, так и отдельных парламентариев или групп парламентариев. Лоббисты наиболее заинтересованы в сотрудничестве с высокоэффективными субъектами права законодательной инициативы, так как это значительно облегчает достижение поставленных ими целей. Лоббисты — посредники между властью и обществом, которые доносят до власти запросы от общества и воздействуют на субъекты права законодательной инициативы так, чтобы с их помощью потребности общества были реализованы через необходимые изменения в законодательстве [1, 2].

Стоит отметить, что подобные исследования проводились и ранее, но сравнивать результаты в целом не представляется возможным (за исключением исследования ученых ИЭ РАН), так как методология была различна, как и их цели (политические или научно-исследовательские).

Масштабное количественное исследование, в которое был активно включен автор, было проведено в 2008–2009 гг. в Институте экономики РАН. Тогда были изучены характе-

ристики законопроектов, принятых в период с 1994 по 2009 г. [3]. В итоге удалось получить данные о динамике законодательной практики современной России. Цель исследования состояла в получении количественных оценок институциональных изменений, а не в замере эффективности субъектов законодательной инициативы. В ходе исследования были получены многочисленные результаты, среди которых динамика сроков рассмотрения и принятия законов, охват сфер регулирования, структура инициаторов внесения законов, соотношение новых законов и поправок в действующие. Рассматривались только институты, а не отдельные парламентарии, как это было сделано в следующих исследованиях. Исследование продлилось до 2016 г. [4].

В 2007 г. Центр исследования взаимодействия бизнеса и власти презентовал исследование «Лучшие лоббисты Государственной Думы ФС РФ IV созыва (2003–2007)», оценивающее законодательную деятельность депутатов, т.е. способность субъекта права законодательной инициативы доводить инициированные законопроекты до вступления их в юридическую силу. Авторы исследования рассматривали лоббизм как явление по продвижению интересов в органах государственной власти с целью добиться принятия выгодного для лоббиста решения, а депутатов — как лоббистов, прибегая к широкому толкованию лоббизма, которое вступает в противоречие с научным определением лоббистов в качестве независимых от власти посредников. Тогда было предложено рассматривать эффективность депутатов по коэффициенту полезного действия или способности инициировать законопроекты и доводить их до вступления в юридическую силу, а также по количеству внесенных законопроектов. В 2010 г. исследователи проанализировали активность и эффективность всех субъектов права законодательной инициативы, включая депутатов Государственной Думы V созыва [5].

В январе 2015 г. Центр содействия законотворчеству представил «Рейтинг законотворцев», который обновлялся регулярно до 2017 г. «Рейтинг законотворцев» — это количественное исследование законопроектной работы депутатов Государственной Думы, которое являлось частью другого регулярного исследовательского проекта фонда Института социально-экономи-

ческих и политических исследований — «Рейтинга-2016», где оценивались перспективные публичные политики. Участники «Рейтинга законотворцев» одновременно оценивались по количеству внесенных законопроектов в парламентскую сессию (уровень активности) и по результатам законопроектов, которые депутаты инициировали ранее (степень результативности законопроектной работы)¹.

Начиная с октября 2016 г. и по сей день политологи предлагают регулярно обновляемый «Интегральный рейтинг депутатов Государственной Думы — Коэффициент полезности депутатов Госдумы». Рейтинг основан на четырех критериях: «индекс народного голосования» — открытое онлайн-голосование, «индекс активности депутата в Госдуме» — анализ открытых данных сайта Государственной Думы, «индекс медийности» — анализ средств массовой информации, «индекс работы в регионе» — опрос экспертов. Так исследователи формируют рейтинг депутатов, опираясь на четыре показателя, три из которых — субъективные оценки. «Интегральный рейтинг депутатов Государственной Думы» в большей мере носит популистский характер и не представляет интереса для академических исследователей².

Регулярно рассчитывают рейтинг украинских парламентариев киевские исследователи. Они формируют КПД (коэффициент полезного действия) депутатов Верховной Рады. Их интересует, как каждый парламентарий участвовал в принятии прогрессивных законопроектов, какая фракция самая сплоченная, какое направление реформ предпочтительно для каждой фракции и многое другое [6–8].

В центре внимания нашего исследования — деятельность Государственной Думы VII созыва до 16 сентября 2019 г. Данные для анализа получены с помощью исследования открытых данных сайта Государственной Думы — «Системы обеспечения законодательной деятельности», которая предлагает расширенный поиск законопроектов по многочисленным крите-

риям³. Для нахождения необходимых данных отмечались следующие критерии: «7 созыв», «дата регистрации: до 16.09.2019», «дата последнего события: 16.09.2019», «субъект права законодательной инициативы, соответствующий актуальному запросу», «фракция, соответствующая актуальному запросу», «Закон опубликован».

Эффективность субъектов права законодательной инициативы в рамках исследования определялась исходя из четырех характеристик законотворческой деятельности: «число внесенных законопроектов» — активность субъекта права законодательной инициативы; «число принятых законопроектов» — сколько законопроектов прошло через регламент парламента, стало законом и вступило в юридическую силу; «число отклоненных законопроектов» — сколько законопроектов было внесено в парламент, но по разным причинам снято с рассмотрения; «доля принятых законопроектов в числе рассмотренных законопроектов». Число принятых законопроектов и доля принятых в числе рассмотренных — ключевые показатели эффективности субъекта права законодательной инициативы: чем больше доля принятых законопроектов, тем выше эффективность, и чем меньше доля, тем ниже эффективность. Большая доля принятых законопроектов от числа рассмотренных также указывает на высокую эффективность субъекта права законодательной инициативы.

ХАРАКТЕРИСТИКИ СУБЪЕКТОВ ПРАВА ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Результаты исследования, представленные в табл. 1, показывают, что депутаты Государственной Думы доминируют по числу внесенных законопроектов (1032). Доля принятых законопроектов составила 0,43. Получается, что более половины депутатских законопроектов снимается с рассмотрения, что говорит о низкой эффективности депутатов Государственной Думы как субъектов права законодательной инициативы.

Правительство, как и депутаты Государственной Думы, тоже вносит на рассмотрение значительное количество законопроектов

¹ Рейтинг законотворцев. Основные тренды осенней сессии Госдумы 2017 года. Фонд ИСЭПИ (Институт социально-экономических и политических исследований). URL: http://www.isepr.ru/upload/iblock/5ca/reyting_2018.pdf.

² Интегральное исследование — коэффициент полезности депутатов Госдумы. URL: <http://www.deputat.club/sites/default/files/attach/page/6365/kpdgd5.pdf>, <http://www.deputat.club/kpd>.

³ Система обеспечения законодательной деятельности» Государственной Думы. URL: https://sozd.duma.gov.ru/oz#data_source_tab_b.

Таблица 1 / Table 1

**Характеристики субъектов права законодательной инициативы /
Characteristics of subjects of the right of legislative initiative**

Субъекты права законодательной инициативы	Число внесенных законопроектов	Число принятых законопроектов	Число отклоненных законопроектов	Число законопроектов на рассмотрении	Доля принятых законопроектов
Депутаты Государственной Думы	1032	361	479	192	0,429
Правительство	783	711	16	56	0,977
Региональные законодательные органы	475	59	376	40	0,135
Президент	98	98	0	0	1
Верховный Суд	31	22	1	8	0,956
Члены Совета Федерации	339	148	135	56	0,522
Совет Федерации	2	2	0	0	1

Источник / Source: составлено автором / the author.

(783), но, в отличие от депутатов, почти все законодательные инициативы Правительства подписываются Президентом — доля принятых законопроектов составляет 0,98. Так, Правительство как субъект права законодательной инициативы демонстрирует максимальную эффективность. Только 2% законодательных инициатив, предложенных Правительством, отклоняется парламентом.

Региональные органы законодательной власти иницируют меньше законопроектов, чем депутаты Государственной Думы или Правительство. За текущий созыв регионы внесли на рассмотрение в федеральный парламент 475 законопроектов. Доля принятых региональных законопроектов составляет 0,14. Этот показатель ничтожно мал, и он показывает, что подавляющую часть законодательных инициатив, которые поступают со стороны региональных парламентов, федеральный парламент отвергает. Так, региональные органы законодательной власти демонстрируют минимальную эффективность среди всех субъектов права законодательной инициативы.

Члены Совета Федерации вносят в Государственную Думу еще меньше законопроектов, чем депутаты, Правительство и региональные

парламенты. За текущий созыв члены Совета Федерации иницировали 339 законопроектов. Доля принятых законопроектов составляет 0,52. Это означает, что чуть более половины законопроектов сенаторов проходит через парламент и подписывается Президентом. В сравнении с активностью депутатов сенаторы оказываются более эффективными в продвижении своих инициатив. Хотя разрыв между указанными субъектами права законодательной инициативы и невелик, очевидна разница в числе внесенных в парламент инициатив: депутаты — 1032; сенаторы — 339. Сильнее (более чем в три раза) проявляют активность депутаты Государственной Думы, и на этом фоне эффективность незначительно, но выше у сенаторов. Отдельно можно отметить активность Совета Федерации как единого института права законодательной инициативы. За весь период по инициативе Совета Федерации было внесено и принято только два законопроекта.

Президент как субъект законодательной инициативы вносит на рассмотрение в Государственную Думу еще меньше законопроектов (98), но все они без исключения стремительно проходят через парламент и вступают в юридическую силу. Президент как субъект зако-

нодательной инициативы обладает абсолютной эффективностью. Условно конкурировать с инициативами Президента может только Верховный Суд. Верховный Суд внес в текущем созыве на рассмотрение в Государственную Думу 31 законопроект. Почти все инициативы Верховного Суда доходят до подписания Президентом (доля принятых законопроектов в числе рассмотренных — 0,97), как и инициативы Правительства (доля — 0,98). Но здесь сравнивать эффективность сложно, так как число внесенных Правительством законопроектов (783) значительно разнится с числом законопроектов, инициированных Верховным Судом (31). Стоит коротко отметить, что законодательные инициативы Верховного Суда направлены на регулирование процессов, связанных с деятельностью судебной системы; инициативы Правительства, депутатов Государственной Думы и сенаторов — на регулирование социально-экономических процессов, а инициативы Президента представляют собой преимущественно ратификации международных соглашений.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ФРАКЦИЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ: ЭФФЕКТИВНЫЕ ФРАКЦИИ, ДЕПУТАТЫ И СЕНАТОРЫ

Хотя депутаты Государственной Думы как субъекты законодательной инициативы не могут считаться эффективными в деле продвижения законопроектов, так как даже меньше половины из рассмотренных законопроектов, инициированных депутатами, становятся законами, деятельность фракций с точки зрения эффективности в продвижении законодательных инициатив показывает различные результаты.

В *табл. 2* представлены показатели с учетом того, что некоторые законопроекты могли быть инициированы группой депутатов из разных фракций, и тогда законопроект засчитывался каждой фракции, хотя оставался в единственном числе.

В *табл. 2* показано, что по инициативе фракции «Единая Россия» на рассмотрение в парламент было внесено 687 законопроектов — максимальное число по сравнению с другими фракциями. Минимальное число показала фракция КПРФ, по инициативе которой было внесено 218 законопроектов. Отдельно стоят независимые от фракции депутаты, которые

внесли в парламент только 40 законопроектов. Средние результаты по числу внесенных на рассмотрение законопроектов показывают фракции ЛДПР (288) и «Справедливая Россия» (324). Высокую долю принятых законопроектов из числа рассмотренных имеет фракция «Единая Россия» (0,62). Менее эффективными оказываются независимые депутаты (0,518), фракции «Справедливая Россия» (0,51), КПРФ (0,44) и ЛДПР (0,38). Очевидно, что депутаты «Единой России» в сравнении с депутатами других фракций демонстрируют высокую активность в деле инициирования законопроектов и относительную эффективность в процессе продвижения законопроектов через парламент. Только чуть более половины рассмотренных законопроектов фракции «Единая Россия» принимаются, несмотря на то, что она считается партией власти и имеет значительную поддержку различных политических институтов. В то же время члены Совета Федерации, согласно данным *табл. 1*, показывают подобную результативность и выглядят на равных с депутатами фракции «Единая Россия». Аутсайдеры в продвижении законопроектов — представители фракции ЛДПР.

В любом случае указанные выше данные выявляют беспомощность и неконкурентоспособность депутатов Государственной Думы в деле продвижения законодательных инициатив. Хотя внутри Государственной Думы мы можем наблюдать различную эффективность не только фракций, но и отдельных депутатов. И здесь важно указать, что зачастую парламентарии вносят законопроекты на рассмотрение группами, а в некоторых случаях — целыми фракциями, и механизм исследования не позволяет определить, какой вклад в продвижение законопроекта внес конкретный депутат или сенатор, если в качестве субъекта законодательной инициативы становится коалиция депутатов и/или сенаторов. Парламентарии только засчитывается, что он стал одним из многих инициаторов, среди которых могут оказаться депутаты-«тяжеловесы» из фракции «Единая Россия», способные провести через парламент благодаря своему авторитету и политическому весу все законопроекты, в продвижение которых они включаются. Тем не менее высокие результаты депутата в любом случае указывают на его эффективность, хотя бы с точки зрения способности

Таблица 2 / Table 2

Характеристики фракций Государственной Думы / Characteristics of fractions of the State Duma

Фракция	Число внесенных законопроектов	Число принятых законопроектов	Число отклоненных законопроектов	Число законопроектов на рассмотрении	Доля принятых законопроектов
ЕР	687	345	212	130	0,619
ЛДПР	288	89	146	53	0,378
СР	324	136	129	59	0,513
КПРФ	218	83	105	30	0,441
Вне фракции	40	14	13	13	0,518

Источник / Source: составлено автором / the author.

вступать в «правильные» коалиции, даже если в отдельности депутат слаб или принадлежит к малоэффективной фракции. С подобными оговорками можно рассматривать и членов Совета Федерации.

Кроме того, исследование не учитывает вес законопроектов и значительность их влияния на социально-экономические процессы. Очевидно, что успешное продвижение законопроекта, который полностью изменяет существующую действительность, не сравнится с успешным продвижением законопроекта, который незначительно регулирует одну из сфер жизнедеятельности общества.

В перспективе отдельный исследовательский интерес представляет сетевой анализ законотворческого соавторства российских парламентариев. Подобный анализ уже был проведен украинскими коллегами на примере законотворческой активности депутатов Верховной Рады [9]. Сетевой анализ законотворческого соавторства позволит выявить действительных лидеров в законотворческой эффективности субъектов права законодательной инициативы, так как подчеркнет, кто именно из парламентариев находится в центре принятия решений, как и как часто группируются депутаты из разных фракций и сенаторы в процессе продвижения законопроектов.

Таблица 3 дает представление о лидерах внутри фракции, которые выявляются по двум критериям — большое число принятых законопроектов в совокупности с высокой долей принятых законопроектов в числе рассмотренных. Такие эффективные («плодовитые») депутаты есть в каждой фракции, но их можно срав-

нивать между собой только внутри фракции, так как эффективность фракционных лидеров значительно уступает эффективности лидеров фракции «Единая Россия». Мы намеренно выделяем пять первых самых эффективных парламентариев внутри каждой фракции и пять эффективных сенаторов. В то же время внутри каждой фракции и в Совете Федерации есть аутсайдеры законотворческой деятельности, которые занимают пассивную позицию, не участвуя (или участвуя незначительно) в процессе внесения законопроектов на рассмотрение в Государственную Думу. Такие парламентарии в табл. 3 умышленно не представлены.

Пятерку эффективных парламентариев фракции ЛДПР представляют Игорь Лебедев, Владимир Жириновский, Андрей Луговой, Михаил Дегтярев и Дмитрий Савельев. Максимальную эффективность и политическое чутье демонстрируют Игорь Лебедев и Андрей Луговой. Очевидно, что по числу рассмотренных и принятых законопроектов лидирует депутат Игорь Лебедев, а у Андрея Лугового — большая доля принятых законопроектов в числе рассмотренных при меньшей законотворческой активности.

Пятерку эффективных парламентариев фракции «Справедливая Россия» представляют Анатолий Аксаков, Олег Николаев, Михаил Емельянов, Вадим Белоусов, Елена Драпеко. Абсолютную эффективность внутри фракции демонстрирует Анатолий Аксаков, чьи результаты почти в два раза превосходят результаты его четырех партийных соратников, которые, в свою очередь, являются лидерами фракции в продвижении законопроектов. Руководитель

Характеристики депутатов и сенаторов / Characteristics of deputies and senators

Фамилия и имя парламентария	Фракция	Всего рассмотренных законопроектов	Число принятых законопроектов	Число отклоненных законопроектов	Доля принятых законопроектов
Лебедев Игорь	ЛДПР	33	16	17	0,48
Жириновский Владимир	ЛДПР	24	11	13	0,46
Луговой Андрей	ЛДПР	13	10	3	0,77
Дегтярев Михаил	ЛДПР	22	10	12	0,45
Савельев Дмитрий	ЛДПР	28	9	19	0,32
Аксаков Анатолий	СР	76	54	22	0,71
Николаев Олег	СР	90	33	57	0,37
Емельянов Михаил	СР	91	22	69	0,24
Белоусов Вадим	СР	37	13	24	0,35
Драпеко Елена	СР	40	10	30	0,25
Мельников Иван	КПРФ	40	15	25	0,38
Синельщиков Юрий	КПРФ	27	10	17	0,37
Плетнева Тамара	КПРФ	46	10	36	0,22
Гаврилов Сергей	КПРФ	28	10	18	0,36
Смолин Олег	КПРФ	33	8	25	0,24
Гетта Антон	ЕР	107	94	13	0,88
Кобилев Алексей	ЕР	108	93	15	0,86
Романов Михаил	ЕР	101	88	13	0,87
Иванов Валерий	ЕР	96	84	12	0,87
Говорин Николай	ЕР	85	78	7	0,91
Журавлев Николай	Сенатор	36	31	5	0,86
Клишас Андрей	Сенатор	20	18	2	0,9
Рязанский Валерий	Сенатор	19	16	3	0,84
Ткач Олег	Сенатор	17	14	3	0,82
Рябухин Сергей	Сенатор	15	12	3	0,8

Источник / Source: составлено автором / the author.

Таблица 4 / Table 4

**Характеристики «стопудовых» депутатов фракции «Единая Россия» /
Characteristics “heavyweight” deputies of the faction “United Russia”**

Фамилия и имя депутата	Всего рассмотренных законопроектов	Число принятых законопроектов	Число отклоненных законопроектов	Доля принятых законопроектов
Крашенинников Павел	46	44	2	0,96
Петрунин Николай	39	37	2	0,95
Бурматов Владимир	36	35	1	0,97
Назарова Наталья	36	34	2	0,94
Кидяев Виктор	35	34	1	0,97
Цыбизова Татьяна	35	33	2	0,94
Яровая Ирина	35	33	2	0,94

Источник / Source: составлено автором / the author.

фракции Сергей Миронов не вошел в первую пятерку эффективных парламентариев.

Пятерку эффективных парламентариев фракции КПРФ представляют Иван Мельников, Юрий Синельщиков, Тамара Плетнева, Сергей Гаврилов, Олег Смолин. Депутат Иван Мельников показывает максимальный результат в числе принятых законопроектов и в доле принятых законопроектов в числе рассмотренных. Ему уступают депутаты Юрий Синельщиков и Сергей Гаврилов — у них примерно одинаковая доля принятых законопроектов в числе рассмотренных, но меньше принятых законопроектов. Стоит отметить, что руководитель фракции Геннадий Зюганов не входит в пятерку лидеров фракции, показывая меньшую законодательную эффективность.

Пятерку эффективных парламентариев фракции «Единая Россия» представляют Антон Гетта, Алексей Кобилев, Михаил Романов, Валерий Иванов, Николай Говорин. Максимальные результаты показывает депутат Антон Гетта — с ним может конкурировать только депутат Алексей Кобилев, у которого продуктивность незначительно ниже. В числе лидеров нет руководителя фракции Сергея Неверова. Очевидно, что лидеры фракций ЛДПР, КПРФ и «Справедливая Россия» не способны конкурировать с лидерами фракции «Единая Россия».

Самые активные члены Совета Федерации — сенаторы Николай Журавлев, Андрей Клишас, Валерий Рязанский, Олег Ткач, Сергей Рябухин.

У Николая Журавлева, заместителя председателя Совета Федерации, максимальное число законопроектов, принятых с его участием, и значительная доля принятых законопроектов из числа рассмотренных. Сенатор Андрей Клишас демонстрирует меньшее число принятых законопроектов, но большую долю принятых законопроектов из числа рассмотренных.

ХАРАКТЕРИСТИКИ ДЕПУТАТОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ДУМЫ С НЕОРДИНАРНЫМИ ПОКАЗАТЕЛЯМИ ЭФФЕКТИВНОСТИ

Стоит рассмотреть отдельную группу из семи депутатов фракции «Единая Россия», которые демонстрируют неординарные результаты законотворческой активности. В табл. 4 представлена группа парламентариев, которые по каким-то причинам включаются только в потенциально успешные законопроекты или же обладают способностью доводить инициированные законопроекты до вступления их в юридическую силу.

Среди депутатов с неординарными показателями эффективности — Павел Крашенинников, Николай Петрунин, Владимир Бурматов, Наталья Назарова, Виктор Кидяев, Татьяна Цыбизова, Ирина Яровая. Список «стопудовых» депутатов может быть продолжен, так как вышеперечисленные парламентарии являются только самой «вершиной айсберга» эффективных депутатов, на вершине которой — Павел Крашенинников, с чьим участием было принято 44 законопроекта

и только 2 были сняты с рассмотрения. Доля принятых законопроектов в числе рассмотренных стремится к единице не только у Павла Крашенинникова, но и у депутатов Владимира Бурматова и Виктора Кидяева. Политики из группы эффективных «стопудовых» являются своего рода индикаторами потенциально успешного законопроекта, который способен преодолеть все этапы в парламенте, выйти на утверждение президентом и вступить в юридическую силу. Очевидно, что «стопудовые» депутаты не ввязываются в законодательные инициативы, которые не имеют перспективы трансформироваться в закон. «Стопудовые» парламентарии присутствуют и в других фракциях, но в «Единой России» — наиболее яркие представители этой группы.

ВЫВОДЫ ИЗ АНАЛИЗА ЭФФЕКТИВНОСТИ СУБЪЕКТОВ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОЙ ИНИЦИАТИВЫ

Во-первых, эффективность субъектов законодательной инициативы в продвижении законопроектов через парламент различна. Различие состоит не только в сочетании большого числа успешно принятых законопроектов и высокой доли принятых в числе рассмотренных, но и в сферах регулирования законодательства, на которые «заточен» субъект права законодательной инициативы. К примеру, Президент, хотя и показывает высокую законодательную эффективность, не вносит на рассмотрение законопроекты, регулирующие социально-экономические процессы. Он сконцентрирован преимущественно на ратификации международных соглашений. Соответственно если стоит задача регулирования социальных и экономических процессов, то лучше обратить внимание на Правительство или Федеральное Собрание, учитывая, что эффективность в продвижении законопроектов с помощью Правительства почти в два раза выше, чем с помощью депутатов Государственной Думы или членов Совета Федерации. Тогда как прохождение

законопроектов через федеральный парламент с помощью региональных законодательных собраний как субъектов законодательной инициативы также обречено на провал, так как региональные законодательные органы показывают минимальную эффективность в продвижении законопроектов.

Во-вторых, депутаты Государственной Думы и члены Совета Федерации также неодинаково эффективны в продвижения законопроектов. Внутри Государственной Думы есть существенное разделение между фракциями, каждая из которых демонстрирует различные показатели эффективности. Лидирует фракция «Единая Россия». Фракции КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия» демонстрируют примерно равные результаты законодательной эффективности, значительно уступая «Единой России». Законотворческая активность сенаторов Совета Федерации способна сравняться с деятельностью членов фракции «Единая Россия».

В-третьих, внутри фракций Государственной Думы также есть свои лидеры в деле эффективного продвижения законопроектов через парламент. Очевидно, что у многочисленной «Единой России» большее число эффективных лидеров, чем у малочисленных фракций КПРФ, ЛДПР и «Справедливая Россия». В любом случае ввиду того что депутаты чаще инициируют законопроекты в коалиции с коллегами (в том числе и с коллегами из других фракций), в выборе двигателя законодательной инициативы лучше опираться на лидеров фракций, даже если они принадлежат к неэффективным фракциям. При этом локомотивами в продвижении законопроектов и залогом успеха являются представители группы депутатов фракции «Единая Россия», которые показывают неординарные результаты законотворческой активности — максимальную долю принятых законопроектов в числе рассмотренных законопроектов, и эта доля стремится к единице, позволяя утверждать, что эта группа «стопудовых» депутатов гарантирует успех в продвижении законопроектов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Толстых П. А. Полное руководство по разработке государственно-управленческих решений, теории и практике лоббирования. М.: Перо; 2019.
2. Павроз А. В. Лоббизм: институциональные основания и практики политического влияния в демократических обществах. СПб.: РХГА; 2016.
3. Кирдина С. Г., Кирилюк И. Л., Толмачева И. В. Рубинштейн А. А. Российская модель институциональных изменений: опыт эмпирико-статистического исследования. *Вопросы экономики*. 2010;(11):97–114.

4. Волинский А. И., Рубинштейн А. А., Круглова М. С. Роль Государственной Думы РФ в отечественном законодательном процессе: анализ количественных данных. *Социально-политические науки*. 2016;(3):14–21.
5. Толстых П. А. Лучшие лоббисты Государственной Думы ФС РФ IV созыва. URL: https://www.hse.ru/data/844/351/1238/Tekst_Tolstykh.pdf.
6. Остапчук Д. Рейтинг депутатов: как народные избранники отработали 5-ю сессию. URL: <https://voxukraine.org/ru/rejting-deputativ-ru>.
7. Надельнюк А. «Большой брат» Слуги народа: три депутата-отступника и еще семь на подходе. Кто они? URL: <https://www.liga.net/politics/articles/bolshoy-brat-slugi-naroda-tri-deputata-otstupnika-i-esche-sem-na-podhode-kto-oni>.
8. Остапчук Д. Какой будет новая коалиция, или о чем молчат политики, но говорит математика. URL: <https://voxukraine.org/ru/yakoiy-bude-nova-koalitsiya-ru>.
9. Брик Т., Остапчук Д. Анализ сетей в Украинском парламенте посредством рассмотрения законодательного соавторства. URL: <https://voxukraine.org/ru/analyzing-ukrainian-parliament-networks-through-legislative-co-authorship-ru>.

REFERENCES

1. Tolstykh P. A. A complete guide to the development of government decisions, theory, and practice of lobbying. Moscow: Pero; 2019. (In Russ.).
2. Pavroz A. V. Lobbying: Institutional foundations and practices of political influence in democratic societies. SPb.: RKhGA; 2016. (In Russ.).
3. Kirdina S. G., Kirilyuk I. L., Tolmacheva I. V., Rubinstein A. A. Russian model of institutional change: the experience of empirical-statistical research. *Voprosy ekonomiki*. 2010;(11):97–114. (In Russ.).
4. Volynsky A. I., Rubinshtein A. A., Kruglova M. S. The role of the State Duma of the Russian Federation in the domestic legislative process: analysis of quantitative data. *Sotsialno-politicheskiye nauki*. 2016;(3):14–21. (In Russ.).
5. Tolstykh P. A. The best lobbyists of the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation of the IV convocation. URL: https://www.hse.ru/data/844/351/1238/Tekst_Tolstykh.pdf. (In Russ.).
6. Ostapchuk D. Rating of Deputies: How People's Choice Worked Out the 5th Session. URL: <https://voxukraine.org/ru/rejting-deputativ-ru>. (In Russ.).
7. Nadelnyuk A. "Big Brother" Of the servants of the nation: three apostate deputies and seven more on the way. Who are they? URL: <https://www.liga.net/politics/articles/bolshoy-brat-slugi-naroda-tri-deputata-otstupnika-i-esche-sem-na-podhode-kto-oni>. (In Russ.).
8. Ostapchuk D. What will the new coalition be, or what politicians are silent about, but mathematics speaks. URL: <https://voxukraine.org/ru/yakoiy-bude-nova-koalitsiya-ru>. (In Russ.).
9. Brik T., Ostapchuk D. Analysis of networks in the Ukrainian Parliament through consideration of legislative co-authorship. URL: <https://voxukraine.org/ru/analyzing-ukrainian-parliament-networks-through-legislative-co-authorship-ru>. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Ирина Васильевна Толмачёва — руководитель исследовательской группы ИД «Аргументы недели», Москва, Россия
i.v.tolmacheva@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Irina V. Tolmacheva — Head of the research group of the "Arguments of the week" publishing house, Moscow, Russia
i.v.tolmacheva@gmail.com

*Статья поступила 26.07.2020; принята к публикации 15.08.2020.
Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.
The article received on 26.07.2020; accepted for publication on 15.08.2020.
The author read and approved the final version of the manuscript*

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-110-115
УДК 328.3(045)

Виртуализация образа парламентского института как фактор улучшения восприятия Государственной Думы Российской Федерации

М.А. Воропаева

Финансовый университет, Москва, Россия
<http://orcid.org/0000-0002-4610-2550>

АННОТАЦИЯ

После проведения конституционной реформы в 2020 г. повышение доверия к Государственной Думе, улучшение ее восприятия гражданами России имеет важнейшее значение. Парламентский институт получил новые функции, связанные с формированием органов исполнительной власти, что ставит в зависимость уровень легитимности Думы с легитимностью, в частности, Правительства России. Действительность, в которой деятельность парламента не одобряет большее количество граждан, угрожает стабильности всей политической системы. В статье приводятся предложения по развитию виртуализации образа Государственной Думы, которые смогут привести к повышению уровня одобрения ее деятельности. Виртуализация образа парламента, под которой понимается процесс внедрения в массовое сознание идеальных образов действительности, конструирующих, имитирующих и замещающих саму реальность, должна способствовать повышению доверия и определять поведение граждан на основе сформированных ценностей и практик. Таким образом, виртуализация должна включать две основные составляющие: создание ценностно-смысловой системы и формирование и внедрение симулякров, которые будут имитировать деятельность Государственной Думы, опираясь на систему ценностей. Виртуализация позволит не только улучшить восприятие Государственной Думы, но и интенсифицировать индивидуальную и коллективную потребность граждан в участии в деятельности парламентского института (предоставив им для этого реальные инструменты), улучшить качество законотворческой работы.

Ключевые слова: демократия; парламент; Государственная Дума; виртуализация; легитимность; восприятие; доверие; представительство; законотворчество

Для цитирования: Воропаева М.А. Виртуализация образа парламентского института как фактор улучшения восприятия Государственной Думы Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):110-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-110-115

ORIGINAL PAPER

Virtualization of the Image of a Parliamentary Institution as a Factor in Improving the Perception of the State Duma of the Russian Federation

M.A. Voropaeva

Financial University, Moscow, Russia
<http://orcid.org/0000-0002-4610-2550>

ABSTRACT

After the implementation of the constitutional reform in 2020, increasing confidence in the State Duma and improving its perception by Russian citizens is of crucial importance. The parliamentary institute has received new functions related to the formation of executive bodies, which makes the level of legitimacy of the Duma dependent on the legitimacy, particularly, of the Russian Government. A reality in which a larger number of citizens disapprove of the activities of the Parliament threatens the stability of the entire political system. The article presents proposals for the development of virtualization of the image of the State Duma, which can lead to an increase in the level of approval of its activities. Virtualization of the image of the Parliament, which we understood as the process of putting into the mass

consciousness ideal images of reality that construct, imitate and replace reality itself, should help to increase trust and determine the behaviour of citizens based on the formed values and practices. Thus, virtualization should include two main components: the creation of a value-semantic system and the formation and implementation of simulacra that will simulate the activities of the State Duma, based on the value system. Virtualization should allow not only to improve the perception of the State Duma, but also to intensify the individual and collective need of citizens to participate in the activities of the parliamentary institute (by providing them with real tools for this purpose), and improve the quality of legislative work.

Keywords: democracy; Parliament; State Duma; virtualization; legitimacy; perception; trust; representation; lawmaking

For citation: Voropaeva M.A. Virtualization of the image of a parliamentary institution as a factor in improving the perception of the State Duma of the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):110-115. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-110-115

Парламент, как демократический институт, формируемый гражданами, занимает особое место в политической системе государства. Парламентские институты сегодня выступают демократическим средством легитимации власти, а значит, являются одним из решающих условий устойчивого развития общества.

Парламент формируется при непосредственном участии граждан для реализации делегированного права по законодательному регулированию общественных отношений и осуществлению властных полномочий по формированию и контролю за исполнением законодательства. Спикер Государственной Думы VII созыва В. В. Володин отмечал, что парламент обеспечивает механизм публичного диалога и демократического представительства интересов, верховенства права и защиты прав граждан [1].

В Российской Федерации восприятие Государственной Думы (нижней палаты парламента) формировалось в течение десятилетий (то есть небольшого срока в сравнении с европейской историей). Согласно данным Всероссийского центра изучения общественного мнения, в июле 2020 г. 40,8% опрошенных одобряли деятельность Государственной Думы, 41,9% — не одобряли (https://wciom.ru/news/ratings/odobrenie_deyatelnosti_gosudarstvennykh_institutov). На нынешний уровень доверия к парламентскому институту оказывает влияние не только отечественная парламентская традиция и длительное негативное отношение к нему (к примеру, в период противостояния парламента и Президента России Б. Н. Ельцина), но и конфигурация российской политической системы, в частности сильная президентская власть.

Инициированные Президентом России В. В. Путиным и позднее одобренные на общероссийском голосовании поправки в Конституцию Российской Федерации¹ изменили ряд ключевых параметров политической системы России, в том числе положение и функции парламентского института. Однако говорить об укреплении субъектности и независимости Государственной Думы в современной политической системе считаем преждевременным.

Вместе с тем распределение полномочий по утверждению кандидатур Председателя Правительства по представлению Президента и заместителей Председателя Правительства, ряда федеральных министров в пользу Государственной Думы делает необходимым принятие мер по улучшению рейтингов доверия к парламентскому институту.

В связи с этим возникает насущная необходимость организации процесса, направленного на возвышение образа парламентского института. Результатом этой деятельности должны стать повышение доверия к деятельности Государственной Думы, а также сконструированная система ценностей, определяющая поведение граждан на основе сформированных практик.

С учетом цифровизации и медиатизации политики наиболее эффективными в конструировании образа парламента в разрастающемся виртуальном пространстве выступают информационные инструменты. Как отмечает В. В. Кафтан [2, с. 172], виртуализация представляет собой процесс поставления в массовое сознание идеальных образов действительности, конструирующих, имитирующих и замещающих

¹ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти». Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ.

щих саму реальность и выступающих в формах виртуальности возможного, виртуальности действительного и виртуальности симулятивного. Образ выступает прототипом и служит некой заменой, способной представить реально существующую вещь.

На основании этого в деятельности по виртуализации образа парламентского института выделим две компоненты:

- 1) создание ценностно-смысловой системы;
- 2) формирование и внедрение симулякров, которые будут имитировать деятельность Государственной Думы, опираясь на систему ценностей.

Парламент как институт народного представительства должен применять новые каналы, развивая дистантную коммуникацию, что не только увеличит скорость транзакций, но и сделает интеракции более персонифицированными.

Ценностно-смысловая система должна включать в себя паттерны, относящиеся к ценностям парламентаризма как к системе государственного устройства, а также наиболее распространенные запросы граждан к деятельности законодательных (представительных) органов государственной власти, противодействуя, в том числе, существующим и возможным формам дискредитации. К таким требованиям избирателей можно отнести представительность (отражение при формировании реального волеизъявления граждан, коммуникации с избирателями), профессионализм и компетентность; работу на благосостояние государства и его граждан; эффективное и результативное законотворчество, опирающееся на мнение граждан; открытость.

Распространение указанных выше ценностей должно происходить путем разработки и внедрения симулякров, имитирующих деятельность парламентского института. Ж. Бодрийяр называл симулякром сконструированный, привлекательный, символиче-

ский по своим характеристикам объект (ложное подобие, условный знак), который ориентирован на удовлетворение желаний потребителя [3, с. 68]. У Ж. Делезе [4, р. 302] симулякр не просто вырожденная копия, он представляет позитивную силу, которая отрицает и оригинал, и копию, и модель, и репродукцию.

Симулякр есть разница между означающим и означаемым. Симулякры в данном случае должны не только формировать виртуальный образ Государственной Думы, но и маскировать существующую политическую реальность.

К примеру, достижение образа открытого парламентского института может быть основано на внедрении механизмов вовлечения граждан в законотворческую деятельность.

Рассмотрим основные инструменты виртуализации образа Государственной Думы.

1. Виртуализация процессов формирования парламента.

Восприятие Государственной Думы находится в прямой зависимости от признания итогов выборов по ее формированию легитимными (т.е. отражающими реальное волеизъявление избирателей). Так, избрание депутатов Государственной Думы шестого созыва в 2011 г. впервые привело к массовым протестам. Основным вопросом, выведшим граждан на улицы, стало распределение мандатов по итогам выборов. Протестующие указывали на массовые нарушения избирательного процесса и отсутствие легитимности образованной Думы.

Согласно исследованию, проведенному Фондом «Общественное мнение» в 2012 г.², деятельностью Государственной Думы не интересовались 66% опрошенных. Это говорит о необходимости совершенствования избирательного процесса, повышения его прозрачности.

Очевидно, что при избрании депутатов Государственной Думы восьмого созыва будет применена технология дистанционного электронного голосования. Это может увеличить уровень доверия к сформированному парламентскому институту, повысив его легитимность. Однако если реализация названного решения не будет опираться на использование технологических средств защиты информации (в том числе от сетевых атак), конечная цель в виде повышения

² Фонд «Общественное мнение». URL: <https://fom.ru/politika/10669>.

доверия к избранной в 2021 г. Думе, скорее всего, не будет достигнута.

2. Виртуализация представительской функции парламента.

Уровень доверия к Государственной Думе (ее символический капитал) складывается из уровня доверия к каждому парламентария. Позитивное восприятие, как правило, складывается в том числе в процессе межличностного общения — встреч с избирателями, депутатских приемов и т.д., когда избиратель напрямую знакомится с депутатом, видит в нем реального человека, а не обезличенное большинство, получает возможность задать вопросы, а депутат может аргументировать свою позицию и т.д.

Регламент Государственной Думы³ устанавливает необходимость проведения личного приема избирателей не реже одного раза в два месяца, встреч с избирателями — не реже одного раз в полгода. При этом депутатская работа с избирателями в течение одной недели запланирована каждый месяц. Очевидно, что в политическом поле, где интенсифицируется информационный обмен между акторами, необходимо увеличивать продолжительность непосредственного взаимодействия между депутатами и избирателями.

Парламент как институт народного представительства должен применять новые каналы, развивая дистантную коммуникацию, что не только увеличит скорость транзакций, но и делает интеракции более персонифицированными. Так, во время ограничений и самоизоляции в связи с распространением новой коронавирусной инфекции (COVID-19) получили широкое распространение видеоприемы граждан (<https://kazanfirst.ru/news/514248>). Информационные технологии позволили не прерывать связь с избирателями, а также ввести новую практику, которая выражается в возможности организации связи с избирателями вне зависимости от места нахождения (проживания) как депутата, так и избирателя.

Нередко применяются и «умные сервисы» для общения с гражданами, например, чат-боты. Эти приложения позволяют создать иллюзию прямого общения депутата с избирателем, автоматизируя часть ответов на возможные вопросы и освобождая парламентария от ряда

запросов, а также позволяют сформировать эффект присутствия.

Новые медиа (социальные сети и мессенджеры), которые становятся крупнейшей площадкой для распространения политической информации, уже активно используются как самой Государственной Думой, так и отдельными депутатами в качестве средства коммуникации с избирателями. Парламентский институт имеет официальные аккаунты в популярных социальных сетях [5]: Facebook, Instagram, Одноклассники и Вконтакте, более половины депутатов также имеют или учетные записи в названных сетях либо ведут каналы в мессенджере Telegram.

Использование социальных медиа как двустороннего канала коммуникации позволяет виртуализировать общение с избирателями, аккумулировать их мнение, используя его в дальнейшей работе. Виртуализация представительской функции выражается не только в информировании депутатом граждан о своей деятельности, но и в получении обратной связи — мнений избирателей по основным общественно-политическим и социально-экономическим вопросам.

Таким образом, развитие дистантной коммуникации имеет большой потенциал для увеличения эффективности реализации представительской функции с целью повышения доверия граждан к депутатам Государственной Думы (всему парламентскому институту), снятия напряженности (через разрешение отдельных проблем граждан).

3. Виртуализация законодательной функции парламента.

Низкое качество законопроектов и недоучет мнения граждан при их принятии — наиболее распространенные причины дискредитации парламентского института. Негативное восприятие Государственной Думы связано с деструктивными виртуальными символическими образами, такими как «госдура», «бешеный принтер», «законорея».

С целью противодействия этому необходимо внедрять симулякры, вовлекающие граждан в разработку и обсуждение законопроектов, а также раскрывающие законотворчество как трудоемкий, кропотливый и интеллектуальный процесс. Технология блокчейн, которая представляет собой децентрализованную базу данных, может быть использована как основа

³ Постановление Государственной Думы Федерального Собрания РФ от 22.01.1998 № 2134-ІІ ГД.

платформы для обсуждения, созданной на базе официального сайта Государственной Думы.

Процедура всенародного обсуждения законопроектов Государственной Думы определена в части 6 статьи 119 Регламента. Решение о ее начале Государственная Дума может объявить после принятия законопроекта в первом чтении. Однако указанная процедура не была реализована ни разу с момента начала работы Государственной Думы в 1994 г.

С целью преодоления определенных объективных сложностей в организации общественных обсуждений необходимо внедрение современных инструментов, которые позволят виртуализировать участие граждан в законотворческом процессе, а также обеспечить создание равной дискуссии относительно обоснованности, качества и эффективности законопроекта, укрепляя образ парламентского института. Итогом виртуализации законодательной функции должен становиться не только диалог с гражданами, но и учет предложений граждан в тексте законопроекта.

Обобщенная позиция граждан должна рассматриваться в ходе второго чтения законопроекта как отдельная процедура. Решение о принятии (отклонении) таблицы поправок, подготовленной по итогам обсуждения, и формировании на ее основании всеобщей нормы закона должно приниматься на основании голосования депутатов на заседании Государственной Думы.

Обсуждению должны подлежать так называемые базовые законы, существенно изменяющие общественные отношения. В качестве примера можно привести Федеральный закон «О едином федеральном информационном регистре, содержащем сведения о населении Российской Федерации», принятие которого сопровождалось острой общественной дискуссией [6], однако обсуждение инициативы с гражданами не состоялось.

4. Виртуализация контрольной функции парламента.

Технология блокчейн также может применяться и при реализации парламентом контрольной функции (в том числе в рамках бюджетного процесса). Перспектива виртуализации в данном случае лежит в плоскости создания специальных систем мониторинга, которые могли бы накапливать данные по различным параметрам: реализация законодательства

и государственных программ; достижение показателей развития, определенных Президентом России, и т.д. Парламентарии могут использовать эти данные, в будущем повышая эффективность выступлений должностных лиц в рамках процедуры «правительственного часа», информируя избирателей и учитывая их при законотворческой деятельности.

5. Виртуализация образа парламента.

Под виртуализацией образа парламента подразумевается создание мультимедийных продуктов, направленных на различные целевые группы, с целью создания позитивного отношения к Государственной Думе путем информирования и создания интерактивной коммуникации. Так, для детей и молодежи видится привлекательным использование техник геймификации. Парламентские и законодательные процедуры, непосредственное участие в законотворчестве — все это может стать основой для разработки виртуальных игр для подрастающего поколения.

Представленные предложения могут быть внедрены в деятельность Государственной Думы уже в ближайшее время. Следующим этапом должно стать внедрение искусственного интеллекта, что будет принципиально новым в деятельности парламентского института. Одной из основных сфер его применения может стать анализ поведения пользователей в социальных сетях, их отношение к разработке или принятию законов и прогнозирование на его основе плана законотворческой деятельности, политических заявлений, участие депутатов в разрешении локальных политических и общественных конфликтов и т.д.

Помимо этого, искусственный интеллект должен применяться при оценке влияния принимаемых законов на общественные отношения, экономику, социальную сферу, иными словами — формировать предложения по оптимальным и эффективным законодательным решениям, основанным на обработке сверхбольшого массива данных.

Итогом виртуализации образа Государственной Думы должно стать изменение восприятия парламентского института, повышение интереса избирателей к его деятельности, увеличение эффективности работы органа в целом. Виртуализация должна интенсифицировать индивидуальную и коллективную потребность граждан в участии в деятельности парламент-

ского института, в том числе, вследствие предоставления для этого реальных инструментов. Для достижения этой цели должны быть разработаны симулятивные политико-коммуникативные практики вовлечения граждан в принятие решений.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Володин В. Право на голос. URL: <https://rg.ru/2019/07/09/viacheslav-volodin-rasskazal-o-piati-zadachah-mezhparlamentskogo-dialoga.html>.
2. Кафтан В.В. Теория и практики массовых коммуникаций. Учебник. М.: КНОРУС; 2018.
3. Бодрийяр Ж. Система вещей. М.: Рудомино; 1995.
4. Deleuze G. Logique du sens. Paris: Les Editions de Minuit; 1969. 392 p.
5. Чуракова О. Госдума выйдет в шесть соцсетей. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/21/686855-gosduma-sotsseti>.
6. Мельникова А. Юристы: создание единого регистра с данными всех россиян противоречит нормам Конституции. URL: https://www.znak.com/2020-0617/yuristy_sozdanie_edinogo_registra_s_dannymi_vseh_rossiyan_protivorechit_normam_konstitucii.

REFERENCES

1. Volodin V. The right to vote. URL: <https://rg.ru/2019/07/09/viacheslav-volodin-rasskazal-o-piati-zadachah-mezhparlamentskogo-dialoga.html>. (In Russ.).
2. Kaftan V. V. Theory and practice of mass communications. Textbook. Moscow: Cambridge University press; 2018. (In Russ.).
3. Jean Baudrillard. Le système des objets. Moscow: Rudomino; 1995. (In Russ.).
4. Deleuze G. Logique du sens. Paris: Les Editions de Minuit; 1969.
5. Churakova O. State Duma will be released in six social networks. URL: <https://www.vedomosti.ru/politics/articles/2017/04/21/686855-gosduma-sotsseti>. (In Russ.).
6. Melnikova A. Lawyers: Creating a single register with the data of all Russians contradicts the norms of the Constitution. URL: https://www.znak.com/2020-0617/yuristy_sozdanie_edinogo_registra_s_dannymi_vseh_rossiyan_protivorechit_normam_konstitucii. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Мария Александровна Воронаева — аспирантка Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
mariavoropaeva@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maria A. Voropaeva — post-graduate student of the Department of Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia
mariavoropaeva@yandex.ru

Статья поступила 26.07.2020; принята к публикации 25.08.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 26.07.2020; accepted for publication on 25.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-116-123
УДК 325.2.001.1(045)

Проблема интеграции бангладешских рабочих-эмигрантов в Италию: что превращает мигранта в предпринимателя

Ш. Парвен

РУДН, Москва, Россия

<https://orcid.org/0000-0002-4766-6390>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема интеграции в Европу бангладешских рабочих-эмигрантов. Автор использует кейс бангладешской общины, проживающей в Италии, в качестве эмпирического компонента исследования. Исследование проводилось с помощью качественных и количественных опросов бангладешских рабочих, живущих в Италии, с акцентом на экономические и трудовые аспекты их постоянства. Анализ собранных данных показывает, что, помимо уровня заработной платы, сумма денежных переводов мигрантов на родину зависит от того, переезжал ли иммигрант ранее в другую европейскую страну. Это подтверждает теорию обучения мигранта о том, что миграция является процессом, посредством которого низкоквалифицированный мигрант приобретает навыки, которые улучшают его будущий экономический успех. Смысл этого исследования состоит в том, чтобы доказать, что политика, проводимая правительством Бангладеш, направленная на получение резервов иностранных валют путем поощрения эмиграции неквалифицированной рабочей силы, выиграет от привлечения работников, которые с большей вероятностью будут создать малый бизнес в принимающей стране. Это будет сделано путем поощрения повторной или циклической миграции, а не от однократного перемещения рабочей силы за границу.

Ключевые слова: эмиграция; Бангладеш; Италия; интеграция; предпринимательство; повторная миграция; денежные переводы

Для цитирования: Парвен Ш. Проблема интеграции бангладешских рабочих-эмигрантов в Италию: что превращает мигранта в предпринимателя. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):116-123. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-116-123

ORIGINAL PAPER

Integration of Bangladeshi Emigrant Workers in Italy: What Turns a Migrant into an Entrepreneur

Sh. Parven

People's Friendship University of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4766-6390>

ABSTRACT

This paper discusses the issue of integration abroad and remittances to home by the Bangladeshi emigrant workers in Europe, by using the case of the Bangladeshi community residing in Italy as an empirical study. The research was conducted employing qualitative and quantitative surveys related to the perceived quality of life and integration by Bangladeshi workers living in Italy, with a focus on the economic and work aspects of their permanence. Data analysis of the data collected shows that, besides the level of salary, remittances are well predicted by whether or not the immigrant has previously immigrated in another European country. It seems to confirm the theory of learning by the migrant, according to which migration is a process through which the low-skilled migrant acquires skills that improve their future economic success. Based on his research, the author suggests that government policies that are being pursued by the Bangladeshi government, aimed at obtaining reserves of foreign currencies by promoting the emigration of the unskilled labour force, would benefit by encouraging the emigration of the workers who are more likely to create small businesses in the hosting country abroad. It would be done by promoting repeated or cyclical migration, as opposed to one-time relocation of the workforce abroad.

Keywords: emigration; Bangladesh; Italy; integration; entrepreneurship; repeated migration; remittances

For citation: Parven Sh. Integration of Bangladeshi emigrant workers in Italy: What turns a migrant into an entrepreneur. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):116-123. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-116-123

INTRODUCTION. ENTREPRENEURSHIP, EMIGRATION, AND ECONOMIC DEVELOPMENT

The preferred survival strategy for the poor segments of the Bangladeshi population has historically been emigration from the country [1]. As a consequence of emigration, the Bangladeshi population has undertaken risks and suffered from exploitation, but has also been able to promote the development of the economy at home, because of the investments funded from household savings created by the foreign remittances of the workers who emigrated abroad [2]. Migration can cause modifications in the means of economic production [3]. On the one hand as a consequence of the departure of workers who leave the national economy to find jobs abroad; on the other hand as a consequence of the specific sectorial knowledge that said workers acquire abroad and then bring back to their home country.

How migration leads to the acquisition of new knowledge by the Bangladeshi population is particularly important today. As the country prepares to adapt to a major change in its ecological environment [4], it has been argued that only through technological advancement the local economy might be able to continue production sustainably [5], by avoiding the pitfalls of development through ecological destruction which has taken place in other developing nations. Within this context, it has been suggested [6] that migration might have the function of encouraging a flow of knowledge to the Bangladeshi economy, and therefore of favouring its sustainable adaptation to a more challenging future environment. Our research, therefore, studies the problem of determining the causes for the development of adaptation strategies by the Bangladeshi workers who emigrate abroad, and in particular the conditions according to which they tend to become entrepreneurs, as this might benefit the country's adaptation to changed conditions in the future [7]. Thus, migration can be studied as a process through which a potential, future entrepreneur learns skills that will aid them in completing their entrepreneurial training, and also stimulate the opening of business activities on their part, thus, in turn, favouring social or economic innovation [8]. Return migration, in particular, favours entrepreneurship in the host and home, and in particular in the development of the agricultural sector [9]. Therefore, this paper is inserted into

the scientific line of enquiry which studies the connection between the experiences which migrants have abroad, and their propensity to open businesses abroad and at home.

THE SCIENTIFIC UNDERSTANDING OF THE CAUSES OF BANGLADESHI EMIGRATION, AND ITS ROLE ON REMITTANCES AND ECONOMIC DEVELOPMENT

Although the emigration of the Bangladeshi labour force has been characterised as one of the most dynamic and ever-changing aspects of the social and economic life of the country [10], empirical analyses and theoretical reasoning regarding its constant, non-dynamic impact on the economic development of Bangladesh have been made [11]. A certain amount of scientific consensus can be identified. It has been suggested that emigration helps the development of the rural areas of the country by reducing unemployment [1], by balancing international payments of the nation, and by forming reserves of foreign currencies for industrial investments. The literature is however not clear as to why the Bangladeshi emigrants tend to be incredibly successful in economic activity in some contexts, such as Italy [12], Finland [13], and Canada [14], but less in others, such as Singapore, United Arab Emirates, and Saudi Arabia [15]. Identifying the reasons why Bangladeshi emigrants are prone to economic success in some countries, but not in others, is required to understand how to best promote the economic development in Bangladesh through the management of migration.

It has been suggested that emigration might be artificially favoured to promote the development of the country as a consequence of its unintended effects [16]. That type of proposal has also been included in a policy proposal [17]. It could be the theory that underlies the attitude of the Bangladeshi government towards migration. It has been argued that it could be possible to promote the emigration of the unskilled labour force through constructing specialised agencies [18], to favour the economic development at home. To this regard, however, we know desire of the Bangladeshi government to decrease the number of unskilled workers who are sent abroad in favour of the skilled workers [19], under the expectation that an increase in the qualifications of the workers sent abroad would result in overall higher

remittances sent home. This idea has already been proven wrong long ago [10] since skilled migrants tend to remit less money to Bangladesh, and if they have savings, these tend to be invested in the foreign countries of residence rather than in their home country. More recent studies also confirm the old finding [20], leading to the belief that remittances are maximised if the largest number of unskilled Bangladeshi workers are sent to find jobs abroad. It is, for instance, the rationale behind the political management of migration of Bangladeshi unskilled workers to Saudi Arabia [21].

In this paper, we propose instead that remittances can be increased by favouring the integration into the hosting communities of the unskilled workers with an entrepreneurial attitude, to have them create a business around themselves. The theory suggests that this is the case [22], and we submit this theoretical prediction to empirical verification for the case of Bangladeshi migrants residing in Italy. Such theoretical prediction suggests that entrepreneurial activities conducted by some well-integrated Bangladeshi citizens would pull further workers from Bangladesh. It, therefore, increases the remittances to home employing a non-linear process through which Bangladeshi entrepreneurs residing abroad remit more, and also pull more workers abroad. We, therefore, propose that the workers who emigrate multiple times as employees of some entrepreneurs will eventually turn into entrepreneurs themselves and repeat this self-reinforcing process.

BANGLADESHI EMIGRATION TO ITALY

The constitution of Bangladeshi enclaves in Italy is a specific case of success of the broader process of integration of migrants which is taking place in European societies. Integration of foreign citizens into European societies is a subject of particular importance for social scientists because it changes the political identity of their country of origin, as well as that of their hosting country. In the case of Italy, it appears in the fact that the Bangladeshi migrants have formed associations which changed the socio-cultural environment in which these associations operated [23], and this, in turn, might explain why their community has a high level of integration in the Italian society. The question still stands, however, as to what makes a Bangladeshi immi-

grant to Italy turn into a successful entrepreneur. The empirical limit of a theory on Bangladeshi entrepreneurship in Italy is that unusual effectiveness by Bangladeshis has been noted, with regards to them opening and owning businesses in Italy. The statistical data available shows that 8.3 per cent of the total companies owned by foreigners in Italy are owned by Bangladeshi citizens, which makes them one of the largest demographic groups of foreign entrepreneurs¹. We propose, in accordance to the literature, that the role of family ties [24], and the previous acquaintance by older generations of immigrants to Italy with the Italian reality [25], explains the formation of enclaves of Bangladeshi citizens in Italy, within which then the potential entrepreneur can achieve economic success. We additionally theorise that, if such potential entrepreneur is subject to a repeated migration to Europe [26], then the knowledge and experience acquired in previous periods of emigration helps them develop the knowledge capital required to open businesses. It, in turn, would explain the relatively high level of remittances sent home by Bangladeshi families residing in Italy [27].

METHODOLOGY. QUESTIONNAIRES FOR THE STUDY OF THE INTEGRATION OF THE WORKFORCE ABROAD

We collected the data required for the research in February 2020, by administering surveys (*Fig. 1*), with $N = 40$, in the area of the city of Palermo with the highest concentration of Bangladeshi migrants, the city centre². Here we report the content of the survey first and then discuss its methodological and conceptual bases.

The methodology which was employed for the developing of the questionnaires is consistent with the indications contained in Brown et al. [28], whose considerations have already been employed to prepare other studies on remittances [29]. The surveys were administered by hand, to people stopped on the streets, and then filled by the interviewer by using the answers dictated by

¹ Anpal Servizi. La comunità bangladesa in Italia. 2017. URL: <http://www.integrazionemigranti.gov.it/rapportiricercaimmigrazione/Rapporti%20Nazionali/2017RCBangladesh.pdf#search=comunit%C3%A0%20bengalese%20in%20italia> (accessed on 20.02.2020).

² Municipality of Palermo. "Stranieri a Palermo nel 2017" (Foreigners in Palermo in 2017). 2018. URL: https://www.comune.palermo.it/js/server/uploads/_07052018160252.pdf (accessed on 20.02.2020).

Anonymous survey on the Bangladeshi immigration to Italy
1) Are you a Bangladeshi citizen immigrated to Italy?
☐ Yes ☐ No
2) When did you arrive in Italy?
☐ Less than 1 year ago ☐ Between 1 and 3 years ago ☐ More than 3 years ago
3) Have you immigrated to other European countries before coming to Italy?
☐ Yes ☐ No
4) How old are you?
☐ Younger than 18 ☐ Between 18 and 25 ☐ Between 26 and 35 ☐ Between 36 and 45 ☐ Between 46 and 65 ☐ Older than 65
5) Do you work or study in Italy?
☐ Yes ☐ No
6) What is your current job or study?
7) What do you find hardest about living in Italy?
8) How do you rate from 1 (very bad) to 7 (very good) your experiences in Italy?
☐ 1 ☐ 2 ☐ 3 ☐ 4 ☐ 5 ☐ 6 ☐ 7
9) If you have a job, what is your salary range?
☐ Less than 100 euros per month ☐ Between 100 and 200 euros per month ☐ Between 200 and 500 euros per month ☐ Between 500 and 1000 euros per month ☐ Between 1000 and 2000 euros per month ☐ More than 2000 euros per month
10) If you have a job, how many hours do you work per week?
☐ Less than 5 ☐ Between 5 and 18 ☐ Between 18 and 36 ☐ More than 36
11) How much money do you send to Bangladesh in a normal month?
☐ Less than 100 euros per month ☐ Between 100 and 200 euros per month ☐ Between 200 and 500 euros per month ☐ Between 500 and 1000 euros per month ☐ Between 1000 and 2000 euros per month ☐ More than 2000 euros per month
12) How many people from your family live in Italy?

Fig. 1. The survey that we developed

Source: The author.

the interviewees. The survey sample comprised 40 interviews, which cover approximately 1 per cent of the total population of Bangladesh residing in the city³.

The questions are structured as follows. Questions 8 and 11 address, respectively, the level of integration of the migrant into the local community and the level of remittances sent home, which are the two dependent variables in our study. Question 8 uses the Likert scale, which has already been employed in the study of integration in the context of migration [30]. Question 11 maps the continuous variable *remittances* into an ordinal variable, which allows the conduct of regression analysis between categorical and continuous variables, which would otherwise not be possible. The rest of the questions contained in the survey represent either independent variables or control variables.

Question 1 is required to verify that the respondent belonged to the social segment, which is subject of our research. All interviewed subjects reported to belong to the target category: this is because the interviewer could identify the potential subjects of Bangladeshi origin based on their ethno-somatic appearance. Question 2 addresses the temporal dimension of the phenomenon of integration of the migrants. The expectation is that integration should generally increase over time, as a function of the education of the immigrant through the local educational institutions. This variable allows then to control whether temporal factors were affecting the other variables being analysed. Question 3 addresses the problem of whether the previous permanence of the migrant in another European country and not specifically their experiences in Italy are the factor which influences the target variables. The theoretical expectation that we made, as discussed above, is that repeated migration would be correlated with economic success, integration, and remittances. Question 4 corresponds to the age category of the interviewee and requires no further explanation. Question 5 addresses the purpose of the stay in Italy. Some of the interviewees, 3 women specifically, reported to be housewives and neither be working nor study and therefore were excluded from the subsequent analysis. Question 6 has been used to determine whether or not the migrant self-identifies as an

³ *Ibidem*.

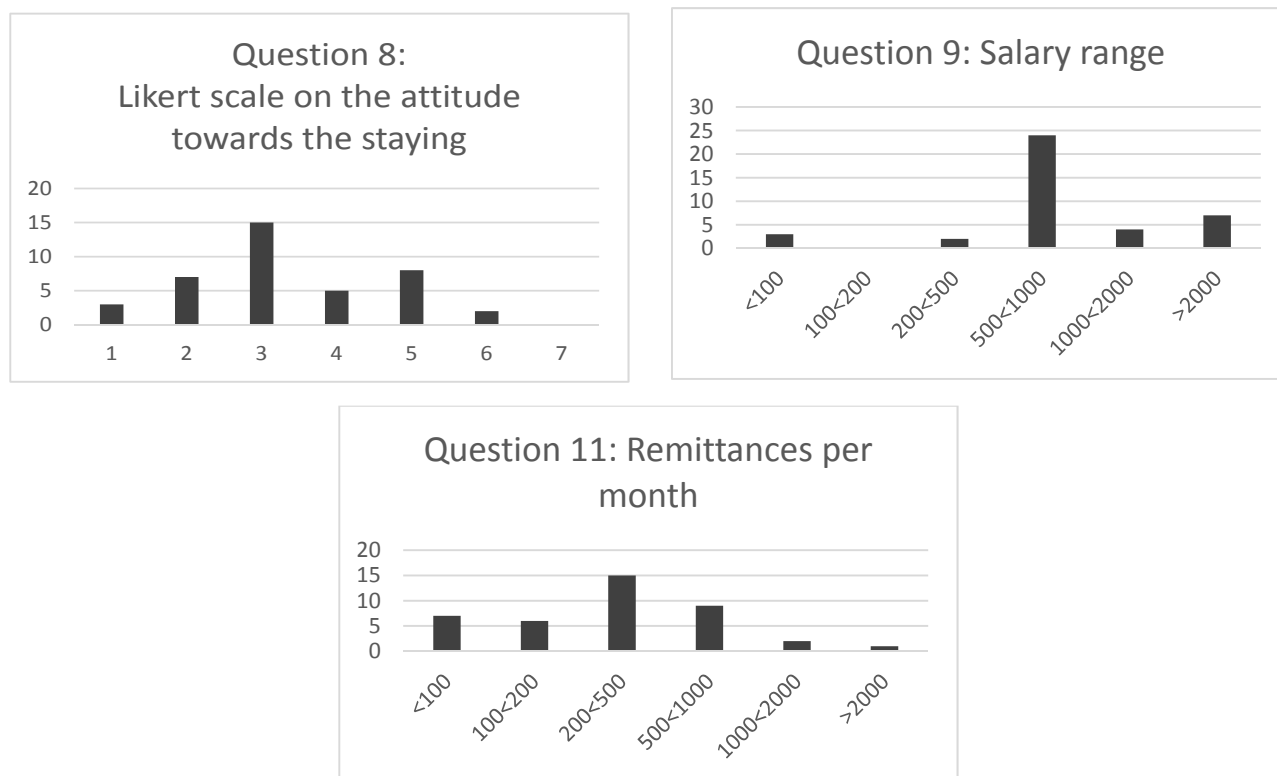

Fig. 2. Distribution of the variables *Integration_Likert*, *Salary_range*, *Remittances_monthly*, associated to questions 8, 9 and 11

Source: The author.

entrepreneur. Based on the answer provided, a derived variable, '*is entrepreneur*', was encoded by us. Question 7 refers to the hardships encountered by the migrant during their stay. Question 9 relates to the level of salary by the migrant. The naive theoretical prediction is that, as the salary increases, so does the level of remittances sent to Bangladesh. Question 10 relates to the relationship between time worked and salary earned, but also to the remittances sent home. A migrant who spends most of their time working is expected to send home more money, as they have less time to enjoy the fruits of their labour. Question 12 lastly identifies the number of people from the household of a migrant who resides in Italy, to determine whether the absence of a family in Italy was related to an increased level of remittances sent to Bangladesh.

The three most important variables for our study are those encoded by question 8, 9, and 11, whose answers, or rather their related distributions, we report here (Fig. 2).

The answers given to the surveys were then used to populate a dataset, which was analysed with the popular SPSS tool by IBM for statistical analysis. The dataset itself is public and has been

uploaded online⁴. The SPSS tool is commonly used in political science and international affairs, for the conduct of statistical analysis on migration in general, and on the migration of Bangladeshi citizens in particular [31]. The data was then tested for ordinal regression, which allows the fitting of a model which learns the relationship between the dependent and independent ordinal variables. Not enough dependent variable levels were however present in the dataset in combination with predictor variable values, which is a problem that we solved by treating the dependent variable *remittances monthly* as a scalar, as opposed to an ordinal. That means, all the following results correspond to the projection of the ordinal variable on a scalar space. The result of the application of a linear regression model on the variable *remittance monthly* converted to a scalar, by using as predictors all ordinal variables in the dataset, shows the following graph (Fig. 3).

The analysis shows that having immigrated to Europe for the second time is the second-best

⁴ URL: <https://drive.google.com/file/d/1tknNlvs8W9NjhNMHqOM5knq0Z4ywPaec/view?usp=sharing>.

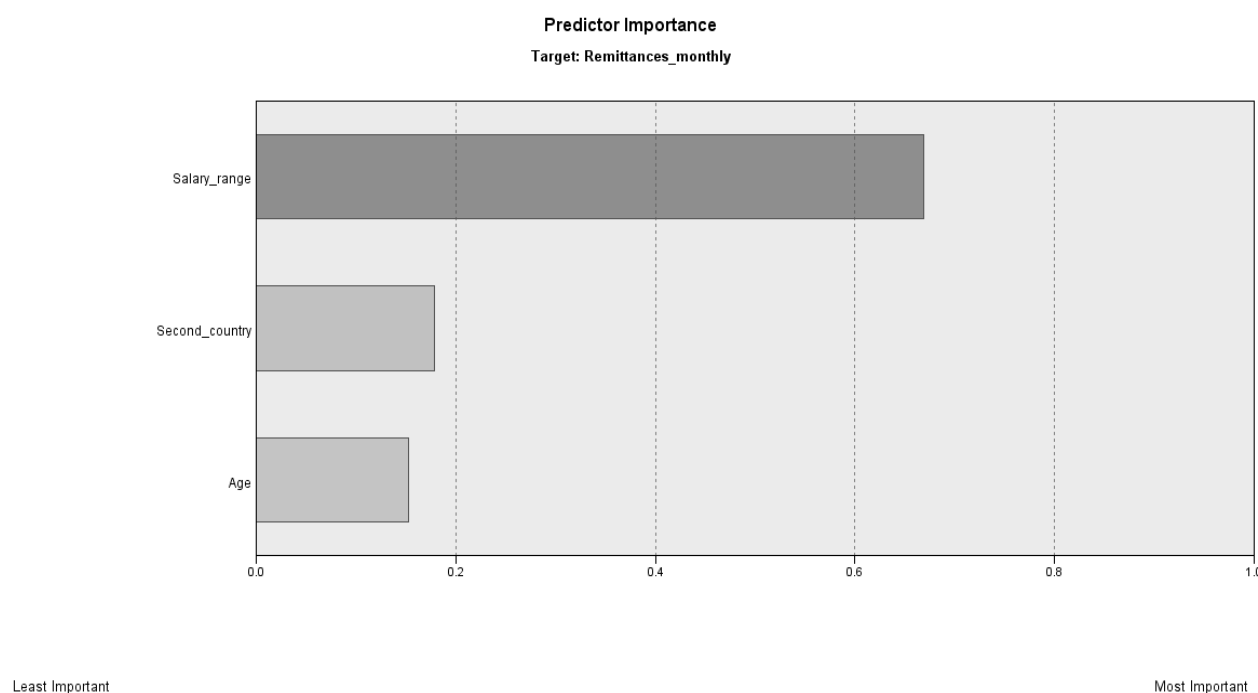

Fig. 3. The relative importance of the predictors of remittances by the interviewed Bangladeshi workers

Source: The author based on SPSS statistical software.

predictor of the level of remittances sent home, which seems to confirm the theory of learning by the migrant, discussed above. The accuracy of the linear regression model is however limited and accounts for only $R^2 = 0.413$. We, therefore, performed correlation analysis on the variables measured by questions 8, 9, and 11; that is, on *Integration Likert*, *Salary range*, and *Remittances monthly*, to understand whether more simple models would better predict remittances, and found the following.

The correlation between the salary range and remittances is 0.0685, which would make the two variables not related; the reason for this seems, however, to be that remittances are related not to the gross salary, but the available income: correlation between remittances and the salary range shifted by one results in a correlation value of 0.7266, which suggests that available income, not the gross salary, is the variable which predicts remittances. A more interesting result is, however, the one obtained by computing the correlation between *Integration Likert* and *Salary range*, shifted by one, which shows a value of 0.9605. It seems to suggest that the self-assessed level of integration of the migrant into the local Italian community well relates to the level of salary that that immigrant receives and confirms the theory according to which in-

tegration and economic success of a migrant go hand in hand.

DISCUSSION

In confirmation of the theoretical understanding of the phenomenon of remittances, it appears that the salary of the immigrant predicts well the amount of money they send home monthly. In contrast with the theoretical prediction, however, we did not observe a higher likelihood of sending more money by the people who self-identify as entrepreneurs, as opposed to the others. We additionally found a slight preference for immigrants with previous experience in other European countries to send higher remittances home, and therefore suggest the following conclusions as a generalisation of the findings of our study.

The number of Bangladeshi workers who self-identify as entrepreneurs is significantly larger than the number of workers who conduct entrepreneurial activities. Many of those who consider themselves as entrepreneurs do perform sales or services for other Bangladeshi or Italian citizens, who receive rent as a consequence of the economic activity conducted by the self-declared entrepreneurs. On the other hand, though, the migrants who classify themselves as entrepreneurs because of their owning legally registered enterprises tend to have a significantly higher

salary than the other immigrants, and as a consequence remit more money home. We also noted during our research that if a migrant has previously been in another European country, this will increase the likelihood of that migrant sending more remittances home. It is an argument in favour of the idea that through repeated or cyclical migration the migrant acquires migration-general skills via a process of learning, which in turn

make them more economically successful at any future migration cycle. It, in turn, would be reflected in the salary they receive, which would be further affecting the level of remittances by that migrant. The research we have performed seems to suggest that the emigration of a specific subset of unskilled workers, the one with an entrepreneurial spirit, could be favoured for maximising their medium to long term remittances.

REFERENCES

1. Siddiqui Tasneem. Migration as a livelihood strategy of the poor: the Bangladesh case. Bangladesh: Refugee and Migratory Movements Research Unit, Dhaka University; 2003.
2. Liton Muhammad Rabiul Islam, Md Alauddin, Md Nazmus Sadekin. Overseas Employment and Remittance Inflow in Bangladesh. *International Journal of Asian and African Studies*. 2016;(21.16):57–63.
3. Khan Azizur Rahman. The Transformation of Bangladesh's Agriculture. *Bangladesh Development Studies*. 2017;(40.1–2):1–26.
4. Younus Md Aboul Fazal, Md Alamgir Kabir. Climate change vulnerability assessment and adaptation of Bangladesh: Mechanisms, Notions and Solutions. *Sustainability*. 2018;(10.11):4286.
5. Misra Manoj. Smallholder agriculture and climate change adaptation in Bangladesh: questioning the technological optimism. *Climate and Development*. 2017;(9.4):337–347.
6. Stojanov Robert et al. Local expert perceptions of migration as a climate change adaptation in Bangladesh. *Sustainability*. 2016;(8.12):1223.
7. de Block Debora, Peter H. Feindt, Erik van Slobbe. Shaping conditions for entrepreneurship in climate change adaptation. *Ecology and Society*. 2019;(24.1).
8. Schumpeter Joseph A. Entrepreneurship as innovation. *Entrepreneurship: The social science view*. (2000):51–75.
9. Shichkin I. A., Zabelina O. V., Mirzabalaeva F. I. Migracija kak faktor razvitija trudovogo potenciala sel'skogo naselenija. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Ekonomika i upravlenie*. 2016;(4):105–112.
10. Mahmood Raisul Awal. Emigration dynamics in Bangladesh. *International migration (Geneva, Switzerland)*. 1995;(33.3–4):699.
11. Rahman Md Mizanur. Emigration and development: The case of a Bangladeshi village. *International Migration*. 2000;(38.4):109–130.
12. Demaria Harney Nicholas. Transnationalism and entrepreneurial migration in Naples, Italy. *Journal of Ethnic and Migration Studies* 2007;(33.2):219–232.
13. Ahmed Hasan. Motivation to become an entrepreneur in Finland: the case of Bangladeshi immigrants. 2018. URL: <https://jyx.jyu.fi/bitstream/handle/123456789/57457/URN%3ANBN%3Afi%3Aju-201803281866.pdf> (accessed on 20.02.2020).
14. Rahman Md Mizanur. Development of Bangladeshi immigrant entrepreneurship in Canada. *Asian and Pacific Migration Journal*. 2018;(27.4):404–430.
15. Rahman Matiur, P. Banerjee. Dynamic empirics of expatriates' remittances from Saudi Arabia to Bangladesh. *Southwestern Economic Review*. 2011;(38):1–11.
16. Sobhan Farooq, M. Monwar Hossain. Bangladesh Enterprise Institute. 2007.
17. Moses Jonathon W. Leaving poverty behind: A radical proposal for developing Bangladesh through emigration. *Development Policy Review*. 2009;(27.4):457–479.
18. Islam Md Nurul. Migration from Bangladesh and Overseas Employment Policy. Dhaka: Bureau of Manpower, Employment and Training, Bangladesh. URL: <http://www.bmet.org.bd/BMET/resources/Static%20PDF%20and%20DOC/publication/Migration-BOEP.pdf> (accessed on 20.02.2020) (2010).
19. Abrar C. R., M. Motasim Billah. Challenges of labour recruitment for overseas employment: the Bangladesh experience. *South Asia Migration Report 2017*. Routledge India; 2016:165–181.

20. International Organisation for Migration, Migration, Remittances and Assets in Bangladesh; 2010:13. URL: <https://bangladesh.iom.int/sites/default/files/publication/Migration-Remittances-and-assets-in-Bangladesh.pdf> (accessed on 20.02.2020).
21. Raihan Selim et al. Remittances and household welfare: A case study of Bangladesh. Asian Development Bank Economics Working Paper. 2009;(189).
22. Khan Shahadat. Migrant Remittance Supported Micro-Enterprises in South Asia. The Political Economy of South Asian Diaspora. Palgrave Macmillan, London; 2013:81–108.
23. Morad Mohammad, Francesco Della Pappa. Bangladeshi migrant associations in Italy: transnational engagement, community formation and regional unity. *Ethnic and Racial Studies*. 2019(42.10):1788–1807.
24. Rahman Md Mizanur, Mohammad Alamgir Kabir. Bangladeshi migration to Italy: the family perspective. *Asia Europe Journal*. 2012;(10.4):251–265.
25. Montanari Armando. Invisible youth mobility: the Bangladesh population in Rome. Belgeo. *Revue belge de géographie*. 2018;(3).
26. Della Pappa Francesco, Russell King. The new ‘twice migrants’: motivations, experiences and disillusionments of Italian-Bangladeshis relocating to London. *Journal of Ethnic and Migration Studies*. 2019;(45.11):1936–1952.
27. Mannan Dr Kazi Abdul, L. Fredericks. Determinants and socioeconomic impact of remittances between Bangladesh and Italy: A multivariate analysis of the religion of rural households. *International Research Journal of Business and Social Science*. 2015.
28. Brown Richard PC et al. Measuring remittances through surveys: Methodological and conceptual issues for survey designers and data analysts. *Demographic Research*. 2014;(31):1243–1274.
29. Bartolini Laura. A survey of transnationally mobile migrants: quantitative report. 2015. URL: https://cadmus.eui.eu/bitstream/handle/1814/37868/ITHACA_2015-5_QuantitativeReport_cadmus.pdf (accessed on 20.02.2020).
30. Foroughi Elham, Rose Misajon, Robert A. Cummins. The relationships between migration, social support, and social integration on quality of life. *Behaviour Change*. 2001;(18.3):156–167.
31. Rahman Md Mizanur et al. Cultural Adaptation by Bangladeshi Migrant Workers in Sarawak, Malaysia: An Empirical Study. *Indonesian Journal of Cultural and Community Development*. 2019;(4).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Шаханаз Парвен — аспирант кафедры политического анализа и управления, РУДН, Москва, Россия
arfin.cu29@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Shahanaz Parven — Post-graduate student, Department of Political Analysis and Management, RUDN University, Moscow, Russia
arfin.cu29@gmail.com

Статья поступила 15.06.2020; принята к публикации 20.07.2020.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article received on 15.06.2020; accepted for publication on 20.07.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-124-128
УДК 327(045)

ООН и региональные игроки в ливийском кризисе на современном этапе

И.В. Кравченко

Московский государственный институт международных отношений (университет)
Министерства иностранных дел Российской Федерации, Москва, Россия
<https://orcid.org/0000-0002-4125-3229>

АННОТАЦИЯ

Целью работы является анализ роли ООН и региональных игроков в урегулировании ливийского кризиса. С 2016 г. Миссия ООН по поддержке в Ливии уделяла наибольшее внимание проведению прямых переговоров между двумя главными сторонами конфликта: Правительством национального согласия (ПНС) и Ливийской народной армией (ЛНА). Служба ООН по стабилизации в Ливии фокусировалась на оказании поддержки ПНС в Триполи и повышении его авторитета на муниципальном уровне. Тем не менее деятельность ООН по урегулированию кризиса в Ливии с 2016 г. носит поверхностный характер. Ливийское политическое соглашение, инициированное ООН, смещает баланс сил в стране в пользу Правительства национального согласия в Триполи. Дипломатические усилия по стабилизации ситуации нельзя назвать успешными в связи с игнорированием вопроса о контроле над нефтяными месторождениями и продолжающимся вмешательством региональных сил в конфликт. Прекращение огня и достижение политического консенсуса между ПНС и ЛНА возможны лишь в случае внесения поправок в Политическое соглашение 2015 г., а также изменения формы государственного устройства Ливии. Методологической основой работы является структурно-системный метод с опорой на междисциплинарный подход.

Ключевые слова: урегулирование; политическое соглашение; Ливия; ООН; прекращение огня; вмешательство; конфликт

Для цитирования: Кравченко И.В. ООН и региональные игроки в ливийском кризисе на современном этапе. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):124-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-124-128

ORIGINAL PAPER

The UN and Regional Actors in the Libyan Crisis at Present

I.V. Kravchenko

Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs
of the Russian Federation, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4125-3229>

ABSTRACT

This research is aimed at analyzing the role of the UN and regional actors in resolving the Libyan crisis. Since 2016, the UN Support Mission in Libya has given the most significant emphasis to direct negotiations between the two main parties to the conflict (GNA and LNA). The Stabilization Facility for Libya has focused on providing support to the GNA in Tripoli and increasing its credibility at the municipal level. Nevertheless, the UN's effort to resolve the crisis in Libya since 2016 has been superficial. The Libyan political agreement initiated by the UN shifts the balance of power in the country in favour of the Government of National Accord in Tripoli. Diplomatic efforts aimed at stabilization cannot be called successful due to ignoring the issue of control over oil fields and the ongoing intervention of regional forces in the conflict. A ceasefire and a political consensus between the GNA and the LNA are possible only if amendments are made to the Political Agreement of 2015, as well as an alternation in Libya's polity. The methodology of the research includes a structural-systemic method based on an interdisciplinary approach.

Keywords: resolution; political agreement; Libya; UN; ceasefire; interference; conflict

For citation: Kravchenko I.V. The UN and regional actors in the libyan crisis at present. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):124-128. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-124-128

БОРЬБА ООН С ПОСЛЕДСТВИЯМИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ДЕСТАБИЛИЗАЦИИ В ЛИВИИ

На протяжении 9 лет Ливия фактически пребывает в состоянии отсутствия государственности, где существует несколько центров власти разной силы и влияния. ООН, одной из целей которой является содействие государственному строительству, с переменным успехом ищет способ установить мир в разрозненной стране, применяя различные политико-экономические инструменты и призывая наиболее влиятельные государства мира содействовать поиску решения для создания цельного государства на территории некогда процветавшей Ливии.

Усилия ООН после подписания Ливийского политического соглашения в декабре 2015 г. можно разделить на два трека: деятельность Миссии ООН по поддержке в Ливии (МООНПЛ) во главе со Спецпредставителями Мартином Коблером (4 ноября 2015 г. — 22 июня 2017 г.) и Гасаном Саламе (22 июня — наше время) и деятельность Службы Программы развития ООН по стабилизации в Ливии (ССЛПРООН или ССЛ) с апреля 2016 г. МООНПЛ в данный период уделяла наибольшее внимание проведению прямых переговоров двух главных конфликтующих сторон (ПНС и ЛНА, находящейся под юридическим контролем Палаты представителей). ССЛ, в свою очередь, фокусировалась на оказании политической и финансовой поддержки ПНС в Триполи и повышении его авторитета [1, с. 4].

Переломный момент, когда процесс урегулирования кризиса перешел на другой уровень, наступил 7 марта 2017 г. Схиратское соглашение (ЛПС) было объявлено недействительным Палатой Представителей в одностороннем порядке, что привело к беспорядкам и протестам жителей столицы (<https://www.alaraby.co.uk/english/indepth/2017/3/28/upheaval-in-tripoli-and-misrata-rocks-libyas-unity-government>). Осознавая провал, МООНПЛ во главе с М. Коблером инициировала первую крупную официальную встречу ас-Сарраджа и Хафтара в Абу-Даби, ОАЭ, имевшую относительный успех в виде присутствия за одним столом лидеров двух противоборствующих сторон [2]. 25 июля 2017 г. во Франции, в рамках встречи, инициированной Г. Саламе и Э. Макроном, сторонам удалось договориться о прекращении огня и проведении парламентско-президентских выборов в начале 2018 г. [3, с. 81].

Тем не менее договоренности так и остались невыполненными.

Отсутствие прогресса в выполнении вышеуказанных соглашений на сегодняшний день свидетельствует о том, что существующие разногласия необходимо решать при помощи политического диалога, и, прежде всего, при помощи обновления ЛПС. Подчинение ЛНА новому Президентскому совету и объединение главных политических игроков в Ливии — Ф. ас-Сарраджа, Х. Хафтара и А. Салеха в рамках нового Президентского совета, где каждый из политиков занял бы примерно равнозначный пост, — один из наиболее эффективных способов урегулирования «политического дисбаланса».

Второй трек деятельности ООН заключался в содействии Службы по стабилизации в Ливии повышению авторитета ПНС. Основными приоритетами ССЛ являлись: прекращение конфликта сторон в различных государственных учреждениях на местах (в сфере здравоохранения, образования и т. д.), поддержка официальных министерских департаментов и стимулирование развития связей официальных представительств с местным населением в трех провинциях Ливии, усиление взаимосвязанности муниципальной и государственной властей [1, с. 6].

Стратегия ООН заключалась в следующем: при помощи распространения жизненно необходимых услуг и оказания помощи населению доверие граждан правительству в лице ПНС увеличится, что усилит его авторитет в борьбе с ЛНА. Таким образом, социальная и экономическая безопасность, которую обеспечивала ССЛ, будет способствовать и политической безопасности, и доверию. ССЛ уделяла внимание 7 опорным пунктам в Ливии: Триполи, Сирт, Кикла, Бени-Валид (Триполитания); Убари, Себха (Феццан) и Бенгази (Киренаика).

По состоянию на 2018 г., ССЛ удалось осуществить более 350 проектов по восстановлению канализационных систем, школ, больниц, университетов и оснащению муниципальных учреждений. Тем не менее результаты деятельности ССЛ неоднозначны: с одной стороны, организации удалось восстановить контроль муниципалитета над учреждениями в Кикле и в Бенгази (Университет Бенгази). С другой стороны, в Себхе и Сирте действия ССЛ были, по сути, бесполезны. Например, город Сирт,

ставший последним опорным пунктом ИГИЛ, серьезно пострадал. Поэтому сумма в 7,64 млн долл. [1, с. 29], выделенная на восстановление города, оказалась недостаточной, что только уменьшало доверие населения к ССЛ и, как следствие, к ПНС.

Последней на сегодняшний день относительно успешной попыткой ООН переубедить Халифу Хафтару прекратить наступление на Триполи с юга и пойти на подписание политического соглашения стала международная конференция по Ливии, состоявшаяся в Берлине 19 января 2020 г. под покровительством ООН и Германии.

В рамках Берлинской конференции сторонам впервые удалось достичь относительных дипломатических успехов. В первую очередь, присутствие Ф. ас-Сарраджа и Х. Хафтару за одним переговорным столом — дипломатический успех Г. Саламе и А. Меркель [4]. Более того, Главнокомандующий ЛНА Х. Хафтар впервые в присутствии своего «трипольского визави» признал мирный процесс единственным путем урегулирования конфликта.

Одним из упущений конференции в Берлине стало игнорирование нефтяного вопроса, который является «краеугольным камнем» в функционировании ЛНА как военно-политической силы.

Наконец, Берлинская конференция является примером вовлеченности всех сторон в переговорный процесс по Ливии. Так, А. Гуттеришу и Г. Саламе удалось собрать за одним столом все стороны, так или иначе являющиеся частью текущего конфликта. Во-первых, помимо ЛНА и ПНС на конференции присутствовали лидеры Турции, Египта и ОАЭ, поддерживающие одну из сторон конфликта (<https://www.dw.com/en/berlin-libya-conference-a-first-step-toward-peace/a-52051027>). Более того, страна-хозяйка также уделила особое значение присутствию представителей таких региональных организаций, как Африканский союз (АС) и Лига арабских государств (ЛАГ). Одним из упущений конференции в Берлине стало

игнорирование нефтяного вопроса, который является «краеугольным камнем» в функционировании ЛНА как военно-политической силы [5, с. 4]. Резолюция СБ ООН 2509, направленная на борьбу с незаконным экспортом нефти и нефтепродуктов из Ливии, активно нарушается представителями ЛНА (единственным признанным на международном уровне отделением Национальной нефтяной корпорации является трипольское, под контролем ПНС). Поставив нефтяной вопрос и вопрос о запрещении прямой и косвенной интервенции во внутренние дела Ливии на повестку дня, ООН и МООНПЛ могут быть возобновить свои усилия.

ВЛИЯНИЕ РЕГИОНАЛЬНЫХ ИГРОКОВ НА ПРОЦЕСС УРЕГУЛИРОВАНИЯ В ЛИВИИ

Роль региональных игроков в ливийском кризисе зачастую недооценивается. Так, каждая из стран, политически или финансово включенная в конфликт двух властей в Ливии, преследует собственные национальные интересы. Египет и ОАЭ, всячески поддерживая Халифу Хафтару, пытаются защитить свои государственные границы и обеспечить собственную экономическую и идеологическую (прежде всего, заключающуюся в борьбе с исламистами) гегемонию. С другой стороны, Катар и Турция используют Ливию в качестве «плацдарма» для ведения геополитической игры с вышеупомянутыми арабскими государствами.

Египет видит в ЛНА гаранта безопасности восточных границ, в особенности после событий мая 2017 г., когда террористическая ячейка «Совет Шуры» устроила массовое убийство коптских паломников недалеко от Каира (<https://www.theguardian.com/world/2017/may/27/egypt-hits-libyan-terror-camps-again-after-attack-kills-29-copts>). Именно тогда Египет начал активно вмешиваться во внутренние дела Ливии (<https://www.theguardian.com/world/2019/apr/30/trumps-scattergun-approach-haftar-libya-deeper-into-peril-analysis>), борясь с террористами в Дерне и ближайших районах при помощи авианалетов и оказывая поддержку Хафтару [6, с. 122]. Интересы президента АРЕ Абделя Фаттах ас-Сиси заключаются не только в безопасности: Египет крайне заинтересован в ливийской нефти, месторождения которой контролируются ЛНА. Более того, до-

революционная Ливия обеспечивала египтян рабочими местами. Ежегодные денежные переводы египетских трудовых мигрантов составляли примерно 33 млн долл. [7, с. 5].

Таких же принципов придерживаются и ОАЭ. Изначальная цель ОАЭ в Ливии — борьба с радикальным исламом (прежде всего — дочерними группировками «Братьев-мусульман») — переросла в нечто большее. Так, Ливия, богатая нефтью, перспективными запасами природного газа и расширенной системой трубопроводов Европу, стала частью экономического плана ОАЭ по наращиванию своего нефтяного потенциала [8, с. 54].

Роль ОАЭ двояка. С одной стороны, страна пыталась сотрудничать с ООН, и в частности с МООНПЛ в развитии политического диалога и проведении прямых переговоров (переговоры ас-Сарраджа и Хафтара в Абу-Даби, май 2017 г.). С другой же стороны, ОАЭ обеспечивали наибольшую военную и техническую поддержку ЛНА, включая поставки бронетехники, а также российских самоходных ЗРПК «Панцирь С1» [7, с. 8]. С 4 апреля 2019 г., по словам Г. Саламе, эмбарго на поставку оружия в Ливию было нарушено более 45 раз, включая неоднократные нарушения со стороны ОАЭ (<https://www.theguardian.com/world/2019/dec/09/un-says-member-states-violating-libya-arms-embargo>).

Напротив, турецкая политика в отношении ливийского будущего кардинально противоположна египетско-эмиратскому блоку. Вдобавок к тому, что исторические экономические связи Ливии и Турции были прочны (так, общая стоимость ливийско-турецких контрактов в 2011 г. составляла примерно 15 млрд долл.) [6, с. 13], Турция видит Ливию как потенциальную площадку для усиления своего геополитического влияния в регионе, которая не превратится в «новую Сирию» (<https://www.france24.com/en/20191216-turkey-s-erdogan-meets-libyan-pm-strongman-announces-tripoli-assault-haftar-eastern-mediterranean>). Неудачные попытки Хафтара по военному захвату Триполи еще раз подтверждают, что при наличии помощи со стороны Турции и других международных игроков, ему не удастся овладеть столицей и соответственно утвердиться в качестве легитимного лидера страны.

Роль Катара в ливийском кризисе еще противоречивее. С 2011 по 2013 г. Катар выделил

более 890 млн долл. на финансирование экстремистских группировок, включая Ливийскую исламскую боевую группу (<http://www.irishtimes.com/newspaper/world/2011/0305/1224291373559.html>). Однако после прихода к власти эмира Тамима бен Хамада ат-Тани Катар стремился к полной дипломатической поддержке ПНС. Тем не менее интересы Катара в этой коалиции с Турцией направлены не столько на достижение мира и поддержку инициатив ООН, сколько на прокси-борьбу с ОАЭ и Саудовской Аравией.

Единственной комплексной проблемой, не дающей шанса приближению к соглашению между ПНС и ЛНА в Ливии, является ослабленное влияние ООН на государства-члены [9, с. 3]. Более того, отсутствие всеобъемлющего механизма введения и применения санкций в отношении государств, нарушающих Резолюции СБ ООН 1970 (2011)¹ и 2509 (2020)² об эмбарго на поставки оружия в страну, является еще одной из причин отсутствия согласия среди постоянных членов СБ и региональных игроков конфликта.

ВЫВОДЫ

Деятельность ООН, и в частности МООНПЛ, не является полностью удовлетворительной. И причина этому — не только зачастую поверхностный характер действий Миссии (хотя, следует помнить, что она прилагала усилия для урегулирования кризиса на многих уровнях, в том числе на муниципальном при помощи ССЛ), но и такие внешние факторы, как отсутствие согласия и активное вмешательство региональных игроков в урегулирование конфликта. Кроме того, деятельность ООН и внешних сил по дипломатическому урегулированию кризиса также является неполноценной, поскольку игнорирование в переговорном процессе таких ключевых вопросов противостояния двух сторон, как контроль над нефтяными объектами и внесение изменений в Ливийское политическое соглашение от 2015 г., не позволяет ПНС и ЛНА достичь фактического прекращения огня и начала прямого диалога.

Роль региональных игроков является еще более спорной: геополитические и экономи-

¹ UN Security Council. Resolution 1970 (2011). URL: [https://www.undocs.org/S/RES/1970%20\(2011\)](https://www.undocs.org/S/RES/1970%20(2011)).

² UN Security Council. Resolution 2509 (2020). URL: [https://undocs.org/en/S/RES/2509\(2020\)](https://undocs.org/en/S/RES/2509(2020)).

ческие амбиции ОАЭ, Египта, Турции и Катара препятствуют взаимодействию и продуктивному сотрудничеству ООН со сторонами конфликта. Только в случае отказа внешних сил

от спонсирования непрекращающейся кровопролитной войны Ливия сможет получить надежду на построение цельного суверенного государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Wood D., Wilson G. The stabilisation facility for Libya. An independent strategic and operational review. URL: https://www.undp.org/content/dam/libya/docs/SFL_an%20independent%20strategic%20and%20operational%20English%20final%2012-4-2019.pdf.
2. Лукьянов Г. Встреча в Абу-Даби: прорыв на пути к политическому урегулированию в Ливии? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vstrecha-v-abu-dabi-proryv-na-puti-k-politicheskomu-uregulirovaniyu-v-livii/>.
Lukyanov G. Meeting in Abu Dhabi: a breakthrough on the way to political solution in Libya? URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/vstrecha-v-abu-dabi-proryv-na-puti-k-politicheskomu-uregulirovaniyu-v-livii/> (In Russ.).
3. Зинин Ю. Н. Ливия: перспективы урегулирования. *Международная аналитика*. 2018;2(24):79–87.
Zinin Y. N. Libya: Prospects for Solution. *International Analytics = Mezhdunarodnaya Analitika*. 2018;2(24):79–87 (In Russ.).
4. Розов А. А. О первых итогах Берлинской международной конференции по Ливии. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66022>.
Rozov A. A. About the first results of the International Berlin Libya conference. URL: <http://www.iimes.ru/?p=66022> (In Russ.).
5. Arraf S. Libya: a Short Guide on the Conflict. The War Report 2017. URL: <https://www.geneva-academy.ch/joomlatools-files/docman-files/Lybia%20A%20Short%20Guide%20to%20the%20Conflict.pdf>.
6. Видясова М. Ф. Ливия. Куда идет страна 140 племен? Исламский и доисламский мир: история и политика. М.: ООО «Садра»; 2019.
Vidiassova M. F. Libya. Where does the country of 140 tribes go? Islamic and pre-Islamic world: history and politics. Moscow: Sadra; 2019. (In Russ.).
7. Megerisi T. Libya's Global Civil War. European Council on Foreign Relations. URL: https://www.ecfr.eu/publications/summary/libyas_global_civil_war1.
8. Mezran K., Varvelli A. Foreign Actors in Libya's Crisis. URL: https://www.ispionline.it/it/EBook/LIBIA_2017/LIBIA_WEB.DEF.pdf.
9. Watanabe L. UN Mediation in Libya: Peace Still a Distant Prospect. URL: <https://css.ethz.ch/content/dam/ethz/special-interest/gess/cis/center-for-securities-studies/pdfs/CSSAnalyse246-EN.pdf>.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Игорь Владимирович Кравченко — бакалавр факультета международных отношений МГИМО (У) МИД РФ, Москва, Россия
krigor9@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Igor V. Kravchenko — Bachelor of International Relations, Moscow State Institute of International Relations (MGIMO University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia
krigor9@yandex.ru

Статья поступила 07.06.2020; принята к публикации 11.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 07.06.2020; accepted for publication on 11.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-129-133
УДК 323.23(045)

Репрезентация образа и истории белого движения в российской политике памяти 2010-х годов

М.В. Однобоков

Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
<http://orcid.org/0000-0003-3207-9676>

АННОТАЦИЯ

В статье раскрываются вопросы репрезентации исторических образов и событий Гражданской войны в России (1917–1922) в различных практиках, применяемых в русле политики памяти. Автор ищет ответ на вопрос: почему Белое движение не стало ресурсом исторической политики в России, и как к нему относится российское общество. В качестве объекта исследования выступают общественно-исторический дискурс, выраженный в новостных ресурсах и коммеморативных практиках, а также школьные учебники по истории. Методология исследования основана на сравнительном анализе источников, репрезентирующих образы и историю Белого движения. При этом сознательно отвергнуты источники, имеющие узкую целевую аудиторию, так как они не дают существенного вклада в публичный общественно-исторический дискурс. Автор приходит к выводу, что власть не использует сюжеты, связанные с Гражданской войной и Октябрьской революцией, поскольку они несут в себе конфликтный потенциал. Более релевантным является изучение репрезентации иными акторами политики памяти – системной и внесистемной оппозицией, общественными и научными объединениями. В условиях политической поляризации условных «левых» и «правых» сил отношение к Белому движению и его репрезентация становятся политическими маркерами идеологической принадлежности.

Ключевые слова: политика памяти; Гражданская война; историческая политика; Белое движение; коммеморация; образование

Для цитирования: Однобоков М.В. Репрезентация образа и истории белого движения в российской политике памяти 2010-х годов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):129-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-129-133

ORIGINAL PAPER

Representation of the Image and History of the White Movement in Russian Politics of Memory of the 2010s

M.V. Odnobokov

Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
<http://orcid.org/0000-0003-3207-9676>

ABSTRACT

In this article a representation's question of historical image and cases of Civil war in Russia 1917–1922 is revealed. The author sets a task to find out a reply to ask: why the White Movement hasn't become a source of historical policy in Russia and how Russian society perceive it. The object of research is the socio-historical discourse, expressed in news resources and commemorative practices. School history textbooks were also analyzed. The research methodology is based on a comparative analysis of sources representing the images and history of the White movement. At the same time, sources that have a narrow target audience are deliberately rejected since they do not make a significant contribution to the socio-historical discourse. The author concluded that the authorities do not use plots related to the Civil War and the October Revolution, since they carry a conflict potential. More relevant is the study of representation by other actors in the politics of memory – systemic and non-systemic opposition, public and scientific associations. In conditions of political polarization of conditional "left" and "right" forces, the attitude to the White movement and its representation become political markers of ideological affiliation.

Keywords: memory policy; Civil war; historical policy; The White Movement; commemoration; education

For citation: Odnobokov M.V. Representation of the image and history of the white movement in Russian politics of memory of the 2010s. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):129-133. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-129-133

После «бархатных революций» и распада социалистического блока в Восточной Европе необходимо было построить новую идентичность, отвечающую посткоммунистическим реалиям и задачам. Естественно, большую роль в этом процессе играла история. Большинство государств Восточной Европы пошли по пути реставрации национальной идентичности. Базовым материалом конструирования зачастую делали исторические образы патриотического и националистического характера противоположные коммунистическим.

В России 1990-х гг. все проходило аналогично: общество избавлялось от старых советских символов, а мифологемы распавшегося государства подвергались ревизии. Так, ключевой миф основания СССР — Великая Октябрьская революция 1917 г. в высказываниях Ельцина превратилась в «Октябрьскую катастрофу» [1], а в научной среде шла активная критика прежней системы взглядов на историю. Логично предположить, что в мифологическую систему Российской Федерации должна была быть включена история Белого движения как яркого антикоммунистического символа, однако этого не произошло, вследствие чего рождается вопрос: почему «белые» оказались не востребованы для российской власти?

Современный вектор развития политики памяти в России сформировался при Президенте В.В. Путине. Ключевыми пунктами российской идеологии стали «великодержавность» и «концепция стабильности», т.е. поступательного социально-экономического развития, исключающего резкие скачки и радикализм. Кроме того, Российская Федерация, в отличие от стран Восточной Европы, является многонациональным государством. Исходя из этого контекста, власти было необходимо подобрать «миф основания» компромиссного характера, каким и стала Победа в Великой Отечественной войне 1945 г.

Гражданская война — слишком противоречивый и конфликтный образ для того, чтобы стать фундаментальным мифом для России. Вдобавок наблюдается устойчивая тенденция восприятия Гражданской войны и Революции 1917 г. как единого целого. Выбор конкретной стороны, участвующей в Гражданской войне, или радикальные оценки событий 1917 г., вероятно, приведут к явным разногласиям в общественно-историческом дискурсе и обострят ряд противоречий между разными общественными силами. Для государственной власти подобный раскол является неприемлемым. В связи

с этим оценки обеих сторон войны от лица чиновников либо являются нейтральными, либо вовсе отсутствуют. Фактически речь идет об умалчивании проблемных периодов российской истории на официальном уровне. Эту тенденцию охарактеризовала в своем исследовании О.Ю. Малинова: «Если мы посмотрим технологии работы с ним (с проблемным прошлым. — *Прим. авт.*), то первая технология, которая используется, это технология забвения. То есть политики стараются не говорить об этом так долго, как только можно» [2]. Как следствие, отсутствует какая-либо последовательная репрезентация истории Белого движения со стороны власти, за исключением редких личных высказываний Президента (<https://www.kommersant.ru/doc/2383840>). Некоторые подвиги начались только в 2019 г., когда по поручению Президента РФ Российское военно-историческое общество представило проект мемориала в память окончания Гражданской войны, который планируется установить в Севастополе в ноябре 2020 г. Но проект призван репрезентировать Гражданскую войну как трагедию для родины и не привносит новых оценок непосредственно в репрезентацию Белого движения (<https://rvio.histrf.ru/activities/news/item-6787>).

Однако в сфере образования умолчать об истории Белого движения и «забыть» образы его лидеров невозможно, что позволяет проанализировать историческую политику в области Гражданской войны на примере школьных учебников по истории. В РФ принят Федеральный перечень учебников, который за 2010-е гг. претерпел ряд изменений. В основном изменения связаны с обновлением учебной литературы. На данный момент актуален перечень, принятый в 2018 г. с дополнениями от 2019 г.¹

Сравнительный анализ учебников «История России» под авторством А.А. Данилова и Л.Г. Косулиной (9-й класс) и «Истории России в 3-х частях» под ред. А.В. Торкунова показывает некоторое изменение интерпретации событий от «Великой Российской революции 1917–1921 гг.» до «России в годы “Великих потрясений”». Революция и Гражданская война становятся не отдельным отрезком исторического развития России, а прямым следствием Первой мировой войны. Но суть изложения в течение десятилетия оставалась неизменной.

¹ Приказ Министерства просвещения РФ № 345 от 28.12.2018 (ред. от 22.11.2019) «О федеральном перечне учебников, рекомендуемых к использованию при реализации имеющих государственную аккредитацию образовательных программ начального общего, основного общего, среднего общего образования». СПС КонсультантПлюс.

В учебнике Данилова и Косулиной [3], который использовался в середине 2010-х гг., больший упор делается именно на действия Белой армии, символизирующей своим цветом законность и порядок как активной силы. Но в противовес этому в учебнике указывается сотрудничество «белых» с Антантой, намеревавшейся, по мнению авторов, разделить Россию. Описывая биографию А.В. Колчака, составители допускают следующее замечание, превращающее адмирала в инструмент политики Запада: «Представители английской миссии в России поставили перед ним задачу создать единый антибольшевистский фронт на востоке. В ноябре он согласился занять пост военного и морского министра в правительстве Директории». Тем самым, соглашаясь с общей жестокостью войны, авторы стараются уравновесить моральный образ «белых» и «красных».

Новые учебники, в особенности учебник под редакцией Торкунова [4], продолжают развивать положенный вектор на уравнивание сторон. Подчеркивается мужество красноармейцев и патриотизм Белого движения. Что же касается вопросов террора и убийств мирного населения страны с обеих сторон, то данные проблемы объясняются в первую очередь психологическими факторами, а не целенаправленной политикой. Этот ход склоняет читателя отнести к террору одновременно и с осуждением, и с пониманием. Таким образом, историческая политика в сфере образования снова демонстрирует нейтралитет государства в выборе сторон Гражданской войны. Несмотря на наличие определенного разнообразия в преподносимом учебниками материале, общий подтекст один: Гражданская война — это катастрофа для страны.

Государство своим фактическим молчанием дает свободу репрезентации иным политическим акторам: партиям, общественным движениям и медийным интеллектуалам. В общественно-политическом дискурсе Гражданская война и оценка участвующих в ней сторон — маркер, идентифицирующий взгляды и идеологические воззрения разных субъектов политики памяти. Так, например, полярные по отношению друг к другу представители националистических организаций и КПРФ абсолютно по-разному репрезентируют историю Белого движения.

КПРФ берет на идеологическое вооружение миф о «счастлимом советском прошлом», в котором очень важное место отводится Великой Октябрьской социалистической революции и Гражданской войне, в ходе которых создавался фундамент СССР. В свя-

зи с этим «белые» как естественные противники коммунизма представляются в негативном свете. В частности, используется риторика связи «белых» с Антантой и проблематика белого террора. Вслед за советской историографией современная КПРФ представляет «белых» как реакционную силу, мешавшую получить свободу простому народу. Кроме того, современные коммунисты указывают на связь некоторых лидеров Белой армии с нацистами в период Великой Отечественной войны (<https://kprf.ru/history/date/136566.html>). В связи с этим любые попытки публично реабилитировать этих лиц приводят к критике со стороны депутатов КПРФ (https://www.gazeta.ru/social/news/2020/04/27/n_14348287.shtml).

Для организаций националистического и консервативного толка Белое движение — ключевой мифосимволический капитал. В течение 2010-х гг. рупором русского национализма оставался интернет-портал «Спутник и Погром» (заблокирован на территории РФ Роскомнадзором в 2017 г.). Редакторы «Спутника» в своих идеологических изысканиях акцентировали внимание аудитории на истории Российской империи в XIX в., критике СССР и истории Белого движения. Образам Белого движения придавался легендарный ореол, в связи с чем выбирались определенные трагические и героические сюжеты: 1-й Кубанский поход, гибель адмирала Колчака, поход Яссы–Дон генерала Дроздовского и т.д. Белая армия становилась примером патриотизма и верности России в противовес рисуемой русофобии большевиков.

Примечательно, что споры о Белом движении крутятся в основном вокруг оценки ключевых личностей: Колчака, Корнилова, Краснова, Деникина, Каппеля, Семёнова, Дроздовского и др. Кроме того, по-настоящему горячим вопросом остается проблема красного и белого террора. Традиционный взгляд на характер террора с разных сторон предполагал рассмотрение белого террора как хаотичного и несистемного явления. Однако в 2010-е гг. отношение к белому террору в публичном пространстве стало меняться. Своеобразным триггером этому послужил выход книги И.С. Ратьковского «Хроника Белого террора в России. Репрессии и самосуды 1917–1920 гг.» в 2016 г. [5], которую общественность восприняла неоднозначно. Ему удалось дать более широкую трактовку понятия «белый террор». Репрессивные действия представителей белогвардейских вооруженных формирований, по его мнению, являлись стрижнем белого террора в его совокупности. Также Ратьковский опровергает мнение, что вожди антибольшевистского движения не

давали прямых санкций на террор. Естественно, это вызвало острую реакцию со стороны ряда правых политических движений, для которых «белая борьба» — существенная часть мифосимволического капитала. Так, в ходе дебатов по вопросу «Был ли геноцид русского народа в СССР?», которые проходили в 2019 г., Егор Просвирнин, главный редактор националистического интернет-журнала «Спутник и Погром», жестко раскритиковал позицию Ратьковского по отношению к жертвам «белого террора» (<https://www.youtube.com/watch?v=4QohuQtKz0>). Была даже выпущена критическая рецензия на его книгу (<https://sputnikpogrom.com/russia/64862/white-terror-book>). Понять идейную основу критики со стороны националистов несложно, так как подобная постановка вопроса идет явно вразрез с их попытками сконструировать миф о геноциде русского народа большевиками. Что же касается самого труда Ратьковского, то можно отметить большее влияние автора на общественно-исторический дискурс. Статьи с опорой на его монографию выходили даже в научно-популярном историческом журнале «Дилетант» [6].

Конфликтность образа Гражданской войны можно легко проследить по существующим меморативным практикам. Попытки активистов осуществлять наполнение публичного пространства памятниками Белому движению наталкиваются на ожесточенное сопротивление их идеологических оппонентов. Так, в 2016 г. установка мемориальной доски адмиралу Колчаку в Санкт-Петербурге сначала вызвала скандал, а затем привела к акту вандализма по отношению к ней (<https://tass.ru/obschestvo/3782133>). В результате суд признал установку доски противозаконной. Более успешно устанавливать памятники и постаменты в честь вождей Белого движения удается в местах их исторического базирования: в Сибири, на Кубани, в Крыму и т.д. Безусловными лидерами в этом процессе являются Омск и Иркутск, хотя и там не обходится без острых дискуссий на эту тему. Причиной общественных баталий вокруг памятников служит противоречивость восприятия личностей, которым ставят памятники. Чтобы легитимировать установку памятников, активистам приходится подавать одностороннюю интерпретацию заслуг объектов коммеморации либо сводить все к компромиссным сюжетам. Так, Колчак представляется не Верховным правителем России и вождем Белого движения, а исследователем-полярником и флотоводцем. Именно в этом амплуа его пытаются увековечить. Очень интересным примером является памятник «Исход», установленный

в Новороссийске в 2013 г. В отличие от памятников Колчаку, он не персонифицирован и полностью посвящен репрезентации драматического события — исходу русских солдат-белогвардейцев из России. Но и отказ от персонификации не всегда позволяет избежать конфликтных ситуаций.

Самым разумным способом преодоления исторического конфликта является диалог, подразумевающий поиск компромиссов. Однако не до конца ясно, готово ли общество идти на компромисс. Так, в процессе подготовки проекта упоминаемого выше памятника окончанию Гражданской войны в Севастополе выявились его противники как среди «красных», так и среди «белых». Из-за этого дата окончательной реализации сдвинулась на неопределенный срок. Другой путь — преодоление конфликта через тщательное изучение и популяризацию истории Белого и Красного движения, установка акцента на судьбах простых людей в Гражданской войне. На этом пути есть существенные улучшения. Так, в связи с объявлением Года российской истории, в 2012 г. в Омске был создан Центр изучения истории Гражданской войны. Центр как выполняет исследовательские функции, так и является музеем Гражданской войны. Здесь проходят научно-исследовательские конференции, по результатам одной из которых был издан крайне важный для изучения темы сборник «Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации “красного” и “белого” движения» [7]. Материалы сборника позволяют обобщить и проанализировать процесс, в том числе и репрезентации истории и образов Белого движения в России. Еще одним важным проектом на пути объективизации истории Гражданской войны призван стать 12-й том академического сборника по истории России под названием «Гражданская война в России в 1917–1922 годы». Но неизвестно, как он окажет влияние на общественно-исторический дискурс и какую картину истории предложит. Вполне вероятно, что этот проект станет очередным шагом исторической политики в России по установлению единой концепции истории.

Таким образом, политика памяти в России по отношению к Белому движению имеет несколько нюансов. Гражданская война и Белое движение стали своего рода табу, но в ряде случаев, когда умалчивание невозможно, государство репрезентирует трагическую сторону противостояния «белых» и «красных» в 1917–1922 гг. Российская общественность менее сдержана в оценках. Поэтому взгляды на Белую армию и белые политические структуры

ры поляризовались и зависят от идеологических предпочтений субъекта. В целом на данном этапе развития политики памяти некая компромиссная репрезентация истории Белого движения отсут-

ствует, на что указывают постоянные конфликты, возникающие в ходе попыток коммеморации «белых вождей».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Рожнева С. С. Политика президента РФ как фактор трансформации исторической памяти об Октябрьской революции 1917 года в современной России. *XX век и Россия: общество, реформы, революции (электронный сборник)*. 2018;(6):42–53.
2. Малинова О.Ю. Консерваторы и «инфраструктура» коллективной памяти: проблемы репертуара политически пригодного прошлого. *Тетради по консерватизму*. 2014;(3):140–156.
3. Данилов А.А., Косулина Л.Г., Брандт М.Ю. История России, XX — начало XXI века. 9-й класс. Учебник для общеобразоват. Учреждений. М.: Просвещение; 2013. 383 с.
4. История России. 10-й класс. Учебник для общеобразоват. организаций. В 3-х ч. Ч. 1. А.В. Торкунов, ред. М.: Просвещение; 2016. 175 с.
5. Ратьковский И.С. Хроника белого террора в России. Репрессии и самосуды (1917–1920 гг.). М.: Алгоритм; 2017. 464 с.
6. Котельников К. Белый террор: эксцессы или система. URL: <https://diletant.media/articles/45261194>.
7. Гражданская война в России (1917–1922 гг.): историческая память и проблемы мемориализации «красного» и «белого» движения. Сборник материалов Всероссийской научно-практической конференции (Омск, 16–17 июня 2016 г.). М.: Институт наследия; 2016. 364 с.

REFERENCES

1. Rozhneva S.S. The policy of the President of the Russian Federation as a factor in the transformation of the historical memory of the October Revolution of 1917 in modern Russia. *XX century and Russia: society, reforms, revolutions (electronic collection)*. 2018;(6):42–53. (In Russ.).
2. Malinova O.J. The conservatives and collective memory infrastructure: problems in the repertoire of a politically fit past. *Tetrad po konservatizmu*. 2014;(3):140–156. (In Russ.).
3. Danilov A.A., Kosulina L.G., Brandt M.J. The history of Russia, XX — beginning XXI century. Grade 9: coursebook for organization of general education. Moscow: Enlightenment; 2013. (In Russ.).
4. History of Russia. Grade 10. Coursebook for organization of general education in 3 parts. Part 1. A.V. Torkunov, ed. Moscow: Enlightenment; 2016. (In Russ.).
5. Rat'kovskiy I.S. The White terror's chronicle in Russia. Repression and lynching (1917–1920). Moscow: Algorithm; 2017. (In Russ.).
6. Kotelnikov K. White Terror: Excesses or System. URL: <https://diletant.media/articles/45261194>. (In Russ.).
7. The Civil war in Russia (1917–1922): Historical memory and issues of memorialization “red” and “white” movement. In: Compilation of materials of All-Russian science and practice conference (Omsk, June 16–17, 2016). O.V. Hefner, I.A. Seleznev, eds. Moscow: Heritage Institute; 2016. 364 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ

Максим Вадимович Однобоков — бакалавр Института истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
maximilliannegabsburg@yandex.ru

ABOUT THE AUTHOR

Maksim V. Odnobokov — Bachelor of Arts, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russia
maximilliannegabsburg@yandex.ru

Статья поступила 13.06.2020; принята к публикации 10.08.2020.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article received on 13.06.2020; accepted for publication on 10.08.2020.

The author read and approved the final version of the manuscript

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-134-138
УДК 378(045)

Формирование ключевых компетенций социолога в эпоху цифровой экономики

Ю.С. Петрова^а, П.Д. Жижанкова^б

^{а,б} Финансовый университет, Москва, Россия

^а <https://orcid.org/0000-0002-5972-1369>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-4585-3384>

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается смысл термина «ключевые компетенции», разделение компетенций на soft («мягкие») и hard («жесткие»), а также их значимость для развития специалиста в профессиональной сфере. Раскрывается сущность каждого из видов компетенций, их состав и важность в профессиональном развитии социолога. В ходе работы проведен контент-анализ различий soft и hard skills, анализ ключевых компетенций социолога таких как: умение организовать себя, работать в команде, действовать в нестандартных ситуациях, пользоваться ИКТ, владеть современными методами анализа, организовывать проектную работу и др. В результате анализа сформирована авторская классификация компетенций социолога по soft и hard навыкам, которые приведены в порядке убывания их важности для сферы социологии. Также статья затрагивает проблему профессионального стандарта в сфере социологии, который на данный момент не сформирован до конца и трактуется по-разному среди профессионального и образовательного сообщества. В конце статьи авторы рассматривают процесс цифровизации и его влияние на эволюцию профессиональных компетенций в целом и навыков социолога в частности.

Ключевые слова: ключевые компетенции; цифровая экономика; soft и hard skills; социолог

Для цитирования: Петрова Ю.С., Жижанкова П.Д. Формирование ключевых компетенций социолога в эпоху цифровой экономики. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(5):134-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-134-138

ORIGINAL PAPER

Formation of Key Competencies of Sociologist in the Epoch of a Digital Economy

Yu.S. Petrova^а, P.D. Zhizhankova^б

Financial University, Moscow, Russia

^а <https://orcid.org/0000-0002-5972-1369>; ^б <https://orcid.org/0000-0003-4585-3384>

ABSTRACT

The article describes the understanding of the term “key competencies”, the classification of competencies into soft and hard skills, analyses their importance for the development of a specialist in the professional field. We revealed the essence of each of competencies’ types, their composition, and significance in the professional development of a sociologist. During the research, we carried out a content analysis of the differences between soft and hard skills. The article includes an analysis of key competencies of a sociologist such as the ability to organise oneself; work in a team; act in non-standard situations; be able to use ICT; possess modern methods of analysis; organise project work and others. As a result of the investigation, we formed the authors’ classification of the sociologist’s competencies and given in descending order of their importance for the sphere of sociology. The article also touches upon the problem of the professional standard in the field of sociology. For the time being, it has not been fully formed and is interpreted differently among the professional and educational community. Finally, we considered the process of digitalisation and its impact on the evolution of professional competencies in general, and the skills of a sociologist.

Keywords: key competencies; digital economy; soft and hard skills; sociologist

For citation: Petrova Yu.S., Zhizhankova P.D. Formation of key competencies of sociologist in the epoch of a digital economy. *Gumanitarnye Nauki.Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(5):134-138. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-5-134-138

Процессы, происходящие в обществе, находятся под влиянием внешних факторов. Одним из таких факторов является цифровизация экономики, которая изменяет повседневные и профессиональные практики человека. Людям приходится подстраиваться под новые условия жизни, получать дополнительные знания и навыки. В таких условиях больше ценится не узкая специализация в определенной сфере, а быстрая обучаемость.

Особая роль отводится формированию ключевых компетенций. В данной работе под термином «ключевые компетенции» понимаются способности и знания, которые наиболее необходимы в профессиональной деятельности. Владение ключевыми компетенциями повышает конкурентоспособность индивида на рынке труда. На данном этапе формирования общества на первый план выходят такие навыки, как адаптивность, мобильность и т.д.

Существуют различные классификации компетенций. В данной статье рассматриваются «мягкие» (soft skills) и «жесткие» (hard skills) навыки.

Примечательно, что универсального определения термина soft skills не существует. Согласно Оксфордскому словарю¹, «мягкие навыки» — это личные качества, которые позволяют эффективно и гармонично взаимодействовать с другими людьми. При определении того, что такое soft skills, стоит отталкиваться от контекста и сферы деятельности. Например, в целом хорошо, когда у специалиста есть навыки проджект-менеджера, но они необязательны для инженера. Умение проводить культурные мероприятия, возможно, будет полезно химику, но куда важнее для специалистов по управлению персоналом и ивент-менеджеров. «Мягкие» навыки — это те, которые приобретаются человеком через дополнительное образование и личный опыт и используются для дальнейшего развития в своей профессиональной отрасли.

«Жесткие» навыки — это те, которые можно измерить. Для того чтобы их обрести, необходимо получить знания и усвоить инструкции. Отследить прогресс развития и измерить уровень достаточно просто — с помощью тестирования. Примером таких навыков может служить

вождение автомобиля, знание иностранного языка или использование компьютерных программ [1].

Soft и hard skills могут быть представлены следующим образом (см. рисунок).

Исследования последних лет показывают, что представления о профессии социолога у профессионального и образовательного сообщества различны [2]. Данная ситуация возникает в связи с тем, что отсутствует профессиональный стандарт, а сама профессия достаточно молода.

«Жесткие» навыки — это те, которые можно измерить. Для того чтобы их обрести, необходимо получить знания и усвоить инструкции. Отследить прогресс развития и измерить уровень достаточно просто — с помощью тестирования.

Так как профстандарт социолога не сформирован, для определения ключевых компетенций авторы опираются на исследование [3], проведенное в 2014 г. в рамках разработки профстандарта социолога Ассоциацией 7/89.

В рамках этого исследования были сформулированы компетенции социолога и выявлены наиболее приоритетные в зависимости от должности.

На основе определений soft и hard skills, компетенции были распределены следующим образом (табл. 1).

В результате исследования были выявлены основные компетенции социолога: умение организовывать себя, пользоваться ИКТ, работать в команде, владеть современными методами анализа.

От руководителей в большей степени ожидают умение «продавать», вести деловые переговоры и переписку, организовывать проектную работу и действовать в нестандартных ситуациях.

От аналитиков и руководителей аналитических отделов в большей степени, чем от руководителей поля и ассистентов, ожидают проявления следующих умений: проведение экспертизы, консалтинга; разработка реко-

¹ Soft skills. English Oxford living dictionaries. URL: https://en.oxforddictionaries.com/definition/soft_skills.

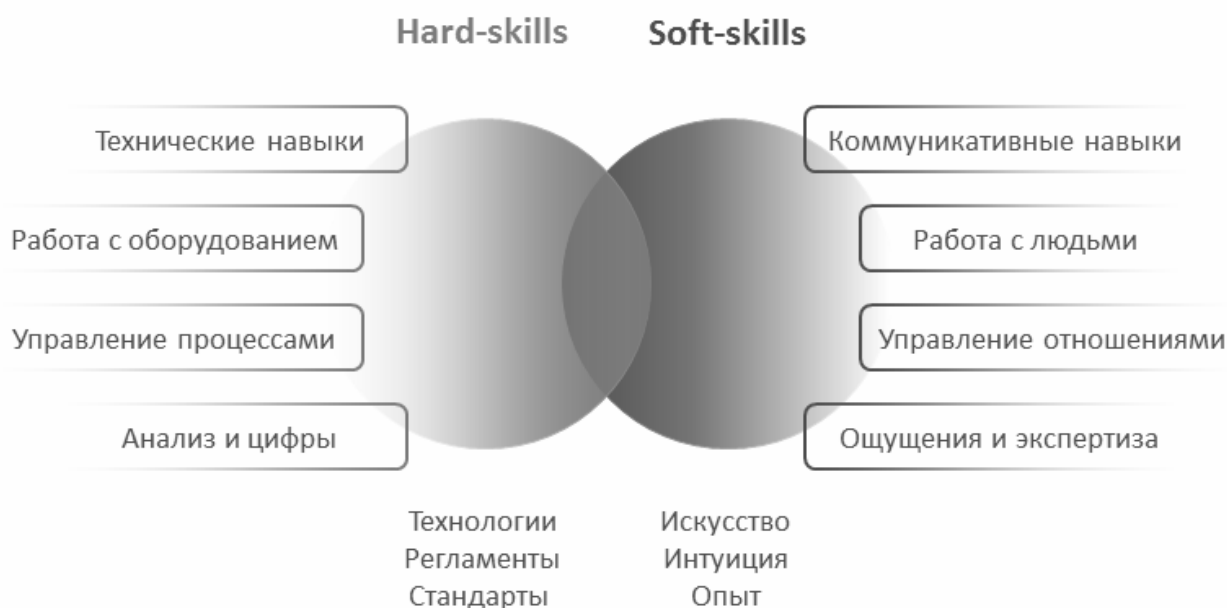

Рис. 1 / Fig. 1. Деление компетенций на hard skills и soft skills / Division of competencies into hard skills and soft skills

Источник / Source: URL: <https://trickybrain.ru/soft-skills-eto>.

Таблица 1/Table 1

Распределение ключевых компетенций социолога на hard и soft skills /
Distribution of sociologist's key competencies into hard and soft skills

Soft skills	Hard skills
Умение организовать себя; работать в команде; действовать в нестандартных ситуациях; осваивать новые знания; вести деловые переговоры; уметь продавать; уметь презентовать результаты	Уметь пользоваться ИКТ; владеть современными методами анализа; организовывать проектную работу; анализировать различные виды данных; составлять и оформлять отчеты; разрабатывать рекомендации по результатам; применять методы матанализа, проводить экспертизу/консалтинг; использовать экономические знания; использовать правовые знания; знание английского языка

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

мендаций на основе результатов; презентация результатов; составление и оформление отчетов; анализ данных [4–6].

Проанализируем, как цифровизация повлияла на развитие вышеперечисленных компетенций (табл. 2).

В целом цифровизация дала толчок развитию многих навыков, упростив подход к их

получению и позволив общаться с бóльшим количеством людей [7].

Таким образом, цифровая экономика повлияла на формирование ключевых навыков социолога, открыв доступ к базе знаний, упростив многие процессы и повысив их качество благодаря использованию новых технологий.

Таблица 2/Table 2

Влияние цифровизации на формирование и развитие компетенций /
The impact of digitalisation on the formation and development of competencies

Компетенция	Влияние цифровизации
Владение современными методами анализа	Позволяет использовать новейшие, а значит, самые точные и быстрые технологии для анализа массивов
Составление и оформление отчетности	Программы ускоряют и упрощают процесс за счет встроенных функций таких программ, как MS Word
Знание английского языка	Вносит разнообразие в изучение языка, открывая доступ к фильмам, книгам, музыке и общению с иностранными гражданами
Освоение новых знаний	Повышает доступность получения новых знаний за счет множества как бесплатных, так и платных курсов в сети Интернет. Теперь человек может освоить новую сферу «с нуля», найти подходящего для себя преподавателя/лектора/спикера
Ведение деловых переговоров	Общение в социальных сетях с друзьями и коллегами/работодателем по электронной почте позволяет на практике разграничить формальное и неформальное общение и освоить навык ведения деловых переговоров по электронной почте, аудио- и видеосвязи
Умение продавать	Широкое развитие социальных сетей сподвигло сферу бизнеса развивать навыки продаж не только оффлайн, но и онлайн, с использованием таргетинга, контекстной рекламы, SEO-текстов и т.д.
Умение презентовать результаты	Улучшает визуализацию результатов с помощью инфографики, анимации и других функций таких программ, как MS PowerPoint

Источник / Source: составлено авторами / the authors.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Колдун И. Что такое hard и soft skills. URL: <http://enjoy-job.ru/education/hard-soft-skills>.
2. Раицкая Л.К., Тихонова Е.В. Soft skills в представлении преподавателей и студентов российских университетов в контексте мирового опыта. *Вестник РУДН. Серия: Психология и педагогика*. 2018;(3):350–363.
3. Артамонова М.В., Оберемко О.А. Профессиональный стандарт социолога — основа оценки результатов подготовки выпускников вузов по направлению «Социология». V социологическая Грушинская конференция «БОЛЬШАЯ СОЦИОЛОГИЯ: расширение пространства данных». М.: АО «ВЦИОМ»; 2015.
4. Давидова В. Слушать, говорить и договариваться: что такое soft skills и как их развивать. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills>.
5. Ганина О.А., Федотова В.А. Ключевые навыки в профессионализации современных социологов. Материалы VIII международной социологической Грушинской конференции «Социолог 2.0: трансформация профессии». М.: АО «ВЦИОМ»; 2017.
6. Arendt Valerie. Social Work Career Connect: Changing Areas of Practice — The Transferability of Social Work Skills. *The New Social Worker magazine*, 2017.
7. Маркеева А.В. «Пересборка» профессии социолога: новые задачи и компетенции. «Социолог 2.0: трансформация профессии». М.: АО «ВЦИОМ»; 2018.

REFERENCES

1. Koldun I. What are hard and soft skills. URL: <http://enjoy-job.ru/education/hard-soft-skills>. (In Russ.).
2. Raitskaya L.K., Tikhonova E.V. Soft skills in the representation of teachers and students of Russian universities in the context of world experience. *Vestnik RUDN. Seriya: Psikhologiya i pedagogika*. 2018;(3):350–363. (In Russ.).
3. Artamonova M.V., Oberemko O.A. Professional standard of a sociologist — the basis for evaluating the results of training university graduates in the field of “Sociology”. In: V Grushinsky sociological conference “BIG SOCIOLOGY: expanding the data space”. Moscow: VTSIOM; 2015. (In Russ.).
4. Davidova V. Listen, talk, and negotiate: what is soft skills and how to develop them. URL: <http://theoryandpractice.ru/posts/11719-soft-skills>. (In Russ.).
5. Ganina O.A., Fedotova V.A. Key skills in the professionalization of modern sociologists. In: Materials of the VIII International Sociological Grushin Conference “Sociologist 2.0: transformation of the profession”. Moscow: VTSIOM; 2017. (In Russ.).
6. Arendt Valerie. Social Work Career Connect: Changing Areas of Practice — The Transferability of Social Work Skills. *The New Social Worker Magazine*, 2017.
7. Markeeva A.V. “Reassembly” of the sociologist’s profession: new tasks and competencies. “Sociologist 2.0: transformation of the profession”. Moscow: VTSIOM; 2018. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Юлианна Сергеевна Петрова — студентка 3-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

yulianna.p99@gmail.com

Полина Дмитриевна Жижанкова — студентка 3-го курса факультета социологии и политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

zhizhankova.p@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Yulianna S. Petrova — 3rd-year student of Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

yulianna.p99@gmail.com

Polina D. Zhizhankova — 3rd-year student of Faculty of Sociology and Political Sciences, Financial University, Moscow, Russia

zhizhankova.p@yandex.ru

Статья поступила 10.06.2020; принята к публикации 30.07.2020.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article received on 10.06.2020; accepted for publication on 30.07.2020.

The authors read and approved the final version of the manuscript.